

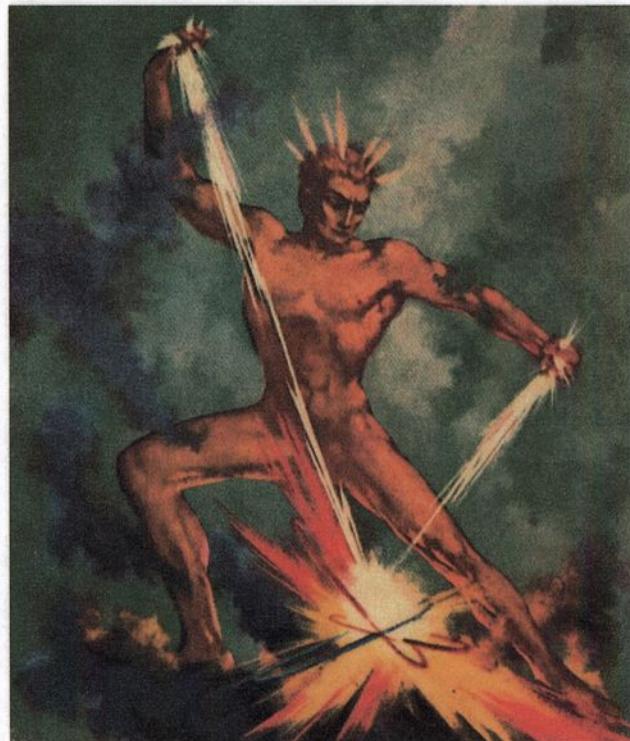
Теодор Старджон

Библиотека англо-американской классической фантастики

НЕТ НИКАКОЙ ЗАЩИТЫ

Теодор
Старджон

Том 2

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

НЕТ НИКАКОЙ ЗАЩИТЫ

Библиотека англо-американской классической фантастики

НЕТ НИКАКОЙ ЗАЩИТЫ

Теодор Старджон

том 2

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

«БААКФ»
2015

БААКФ-13 (2015)

Клубное издание

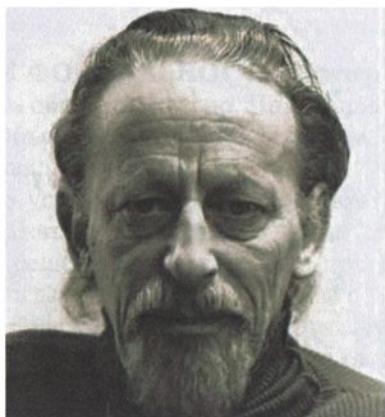
Теодор Старджон (2). НЕТ НИКАКОЙ ЗАЩИТЫ.
Сборник фантастических рассказов.
(а.л.: 10,35)

Составление и перевод Андрея Бурцева.

Некоммерческий проект для ознакомления.
Предназначено исключительно для
культурно-просветительских целей.

© Бурцев А.Б., перевод, состав

© Бурцев А.Б., название серии: БААКФ — «Библиотека
англо-американской классической фантастики»

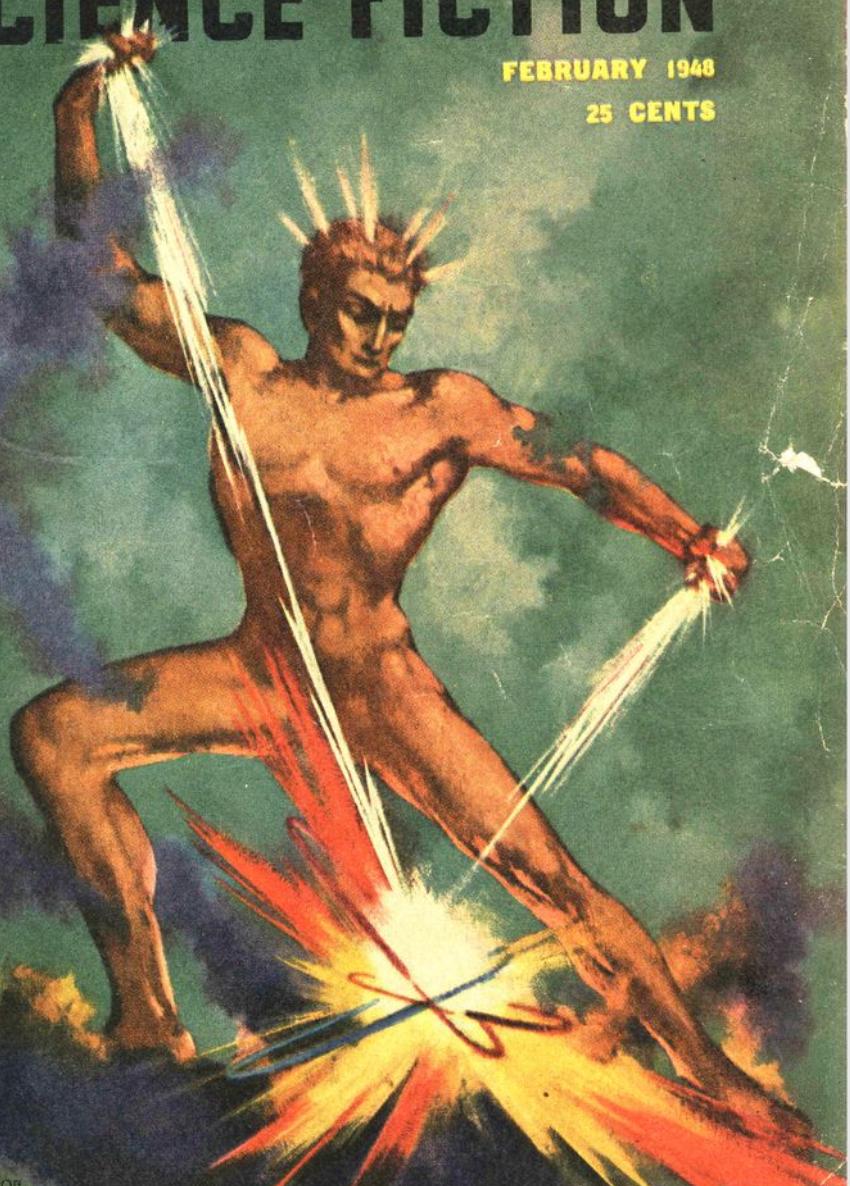

**Теодор Старджон
(Theodore Sturgeon)
1918-1985**

Astounding
SCIENCE FICTION

FEBRUARY 1948

25 CENTS

НЕТ НИКАКОЙ ЗАЩИТЫ

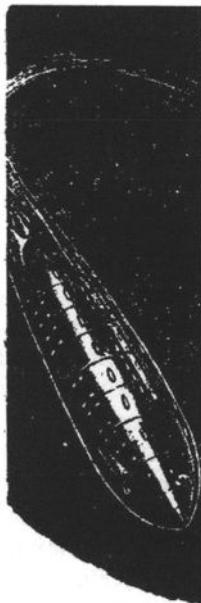
ПРОКЛИНАЯ ФОРМАЛЬНОСТИ, Белтер расстегнул воротничок и опустился обратно в кресло. Потом пристально посмотрел на каждого из Объединенного Военного Совета Солнечной Системы и продолжал:

— Можете тоже устроиться по-удобнее, потому что, видит Бог, раз уж я буду держать вас за этим столом до тех пор, пока мы не найдем какое-то решение, то нет смысла придерживаться буквы протокола. Я никогда еще не слышал, чтобы с чем-то нельзя было справиться ничем, кроме, конечно, «Смерти». А значит, есть какая-то слабина и у этой штуки. И она должна отразиться в записях. Поэтому мы будем изучать записи до тех пор, пока не обнаружим ее. Раскройте по-шире глаза и работайте. Это касается и вас, Лиисс.

Сидящий в сосуде юпитерианин пожал тем, что заменяло ему плечи. Инфракрасные сенсорные органы на его цефалоподах покраснели, когда в переводчике протрещали слова Белтера. Глядя с негодованием на это создание, Белтер подавил вспышку сочувствия. Юпитерианин был пленником многоного другого, помимо суда, в котором поддерживались нужные ему состав атмосферы и сила тяжести. Лиисс был представителем покрытой позором, побежденной расы, и то, что он находился за столом переговоров, являлось пустой формальностью — любезностью победителей, поддерживаемой огнем, сталью и смертью. Но сердитое выражение лица Белтера не изменилось. Сейчас было не время сочувствовать проигравшим войну.

Белтер повернулся к ординарцу и кивнул. Советники, все как один, издали вздох усталости и тревоги. Свет погас и на плоской стене комнаты возобновился показ записи.

Сначала пошли астрономические данные из Купола Плутона, показывая первоначальный курс Захватчика, приближающегося от Кольца Лиры — уравнения, расчеты, наброски, графики, фотографии. Все это было датировано трехлетней давностью, как раз во время заключительный фазы войны с юпитерианами. В Куполе Плутона в то время не было никакого персонала, причем вовсе не из-за чрезвычайного положения. Это была полностью автоматизированная обсерватория, и во время межпланетной войны не было необходимости в ее информации. Поэтому она не была оборудована передатчиком мгновенного действия, но аккуратно записывала информацию, пока ее не посетили после войны. На Заставе, одной из лун Нептуна, находилась хорошая военная база, предна-

значенная для наблюдения за границами Солнечной Системы. То есть, должна была там находиться...

Поэтому, Захватчики вторглись в пределы Системы прежде, чем кто-либо увидел записи обсерватории Плутона, а к тому времени...

Изображение мигнуло, исчезло, но тут же сменилось стенограммой, полученной штабом Земли по мгновенной связи.

Появилось помещение военной базы Нептуна. Очевидно, запись была включена как раз перед тем, как дежурные приняли сигнал тревоги. Один из них развалился в кресле перед пультом управления телескопами, другой, стройный лейтенант в кожаном мундире марсианских Колониальных войск, повернулся, когда замигал сигнал тревоги, одновременно поддержаный резким звонком. Звук был записан четко, члены совета услышали даже резкий вдох лейтенанта, ясно прозвучал его голос, когда он скомандовал:

– Колин! Тревога! Включите поиск!

– Включаю, сэр, – ответил второй дежурный и пальцы его запорхали по клавиатуре пульта. – Это в открытом космосе, сэр, – сообщил он, не прекращая работать. – Может, юпитериане... Идут прямо на нас.

– Я не уверен, что остатки их военно-космического флота вообще могут сделать такой большой перелет. Могу держать pari, что тогда бы они легко захватили Землю. Какой величины объект?

– Я еще не... А, вот оно, сэр, – сказал дежурный. – Объект размеров тяжелого крейсера Класса III-А.

– Корабль?

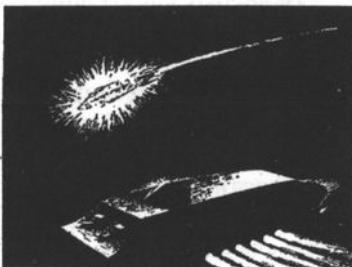
– Не знаю, сэр. Нет никакого теплового излучения двигателей любого вида. И магнитоскоп тоже на нуле.

– Направьте на него чезер.

Руки Белтера невольно впились в край стола. Всякий раз, как он видел эту часть записи, ему хотелось вскочить и завопить: «Нет, идиот! Он же перехватит ваш луч и пойдет по нему!» Чезерскоп фиксировал то, на что был направлен, и давал увеличенное изображение, но по нему легко можно было проследить источник.

Белтеру пришлось приложить усилие, чтобы расслабиться. *Что толку теперь*, мрачно подумал он. *Ведь эти парни давно мертвые*.

Запись продолжалась. На экране обсерватории появилась проекция чезерскопа. Совет снова увидел знакомый уже жуткий облик Захватчика — приземистый, угловатый, совершенно не обтекаемый корабль, явно не предназначенный для полетов в атмосфере, самодовольно скрывающийся за чем-то, что должно быть противометеоритным щитом, но представляло собой простую плоскость.

— Это корабль, сэр, — засем-то сказал дежурный у пульта. — Кажется, он тормозит. Хотя я все еще не фиксирую никакого излучения.

— Батарея, — сказал лейтенант в микрофон, и три индикатора замигали, отметив, что батарея готова к действию.

Лейтенант, не сводя глаз с индикаторов, секунду поколебался, затем приказал:

— Автоуправление! Связать батарею с лучом нашего чезера.

Три индикатора снова мигнули. Индикаторы замигали, отмечая, что направляющие средних и тяжелых ракет нацелены на незнакомца.

Корабль по-прежнему медленно поворачивался на экране. Затем на его боку возникло темное пятнышко — открытый люк. Появилась струя выходящего из него газа, а потом вылетело что-то вращающееся. Дежурный увидели его весьма ясно, но оно тут же исчезло.

— Они что-то послали к нам, сэр!

— Отследите!

— Не могу, сэр!

— Вы видели начало траектории. Ищите в этом направлении.

— Да, сэр. Но радар ничего не регистрирует. Может, это корабль-невидимка?

— Корабли-невидимки бывают только в теории, Колин. Нельзя пустить импульсы радара вокруг объекта, а затем восстановить их в исходной форме. Если эта штука что-то и деформирует, то она деформирует свет. Она...

Затем все в комнате совещания, кроме Юпитерианина, закрыли глаза, потому что на экране повторился давно произошедший ужас — лопнула внешняя переборка обсерватории, и большой зазубренный осколок оторвал голову лейтенанта и бросил ее прямо в телекамеру.

Запись погасла, включился свет.

– Включите следующий... Да держите же его! – воскликнул Белтер. – Что случилось с Херефордом?

Делегат от Сил Мира резко поник, упав головой на лежащие на столе руки. Представитель марсианских Колониальных войск прикоснулся к нему, и Херефорд тут же поднял голову. Лицо его было точно у святого.

– Простите...

– Вы заболели?

Херефорд устало поник в кресле.

– Заболел? – вяло повторил он.

Это был уже немолодой человек, и его положение по странности занимало место сразу за юпитерианином. Подобно другим, он представлял определенную группировку. Но его группировка не являлась планетарной. Он представлял объединения всех пацифистических организаций в Системе. Его место в Военном Совете Объединенной Солнечной Системы являлось компромиссом, предварительным ответом на явно не имеющий ответа вопрос: могут ли люди обойтись без вооруженных сил? Многие считали, что могут. Но многие – что нет. Чтобы избежать волнений, главе объединения дали место в ВСОCC. У него был такой же голос, как и у представителя любой планеты.

– Заболел? – шепотом повторил он. – Да. Наверное, да. – Он махнул рукой на опустевшую стену. – Почему Захватчик сделал это? Это так бессмысленно... так глупо...

Он поднял глаза, и Белтер снова почувствовал укол сочувствия. Ум Херефорда был известен во всех четырех мирах. Херефорд всегда был резок, решителен, но теперь мог задать лишь простейший вопрос, словно уставший, испуганный ребенок.

– Да, зачем? – спросил Белтер. – О... я не имею в виду остальные записи. Не знаю, как все вы, но я на миг был загипнотизирован этим уничтожением. Херефорд спросил, зачем? Если бы мы поняли это, то могли бы что-то планировать. Как-то обороняться.

– Это не война, – пробормотал кто-то. – Это – убийство.

– Вот именно! Захватчик выпустил что-то вроде бомбы ближнего радиуса действия и уничтожил нашу базу на Заставе. Затем он полетел глубже в Систему, разнес вдребезги необитаемый астероид, проник сквозь защитный экран на Титане и уничтожил половину его населения каким-то катализатором цианида. Он захватил в плен трех разных сканеров-разведчиков, поймав их каким-то притягивающим лучом, разогнал, как камни в праще, и разбил о ближайшую планету. Земные корабли, марсианские, юпитерианские – ему это безразлично. Он может и дальше лететь так и побеждать все, что у нас есть, кроме...

— Кроме «Смерти», — прошептал Херефорд. — Продолжайте, Белтер, чего ж вы замолчали? Я знал, что все сведется к этому.

— Ну, так это истина! А города? Если он сбросит такой вот разрушитель, — он кивнул на пустую стену, где они только что видели запись ужасной сцены, — на большой город, так никого не останется в живых, не говоря уж о том, что город будет невозможно восстановить. Мы не можем связаться с Захватчиком. Если мы посылаем простые сигналы, он игнорирует их, если направленный луч — он стреляет в нас или посыпает по лучу такую вот бомбочку. Мы не можем даже сдаться ему! Он просто летит по Системе, время от времени меняя курс и скорость, и время от времени на что-то нападает.

Марсианин поглядел на Херефорда, затем уставился куда-то вдаль.

— Не понимаю, почему мы ждали так долго. Я видел Титан, Белтер. Теперь сотню лет он будет мертв, как Луна. — Он покачал головой. — Никакие предварительные мирные соглашения не могут мешать защищать Систему, какими бы важными эти соглашения ни были. Я сам голосовал за то, чтобы объявить «Смерть» вне закона. Эта идея нравится мне не больше, чем... чем Херефорду. Но это диктуют обстоятельства. Или мы что, хотим пожертвовать всем, что создали наши расы, ради устаревшего принципа? Мы что, собираемся самонадеянно прятаться за этот идеалистический клочок бумаги, пока некто с секретным оружием уничтожает нас поодиночке?

— Клочок бумаги! — тут же взвился Херефорд. — Сынок, а ты знаком со своей древней историей?

Переводчик зашипел, когда через него заговорил Лийсс. Плоские, лишенные ударений слова выражали гнев, а те, кто знал Юпитериан, могли заметить, как побледнел сенсорный орган этого существа.

— Лийсс возражает против словосочетания «секретное оружие». Человек с Марса намекает, что Захватчик похож на Юпитериан...

— Остыньте, Лийсс, — сказал Белтер и твердо взглянул на марсианина. — А вы следите за языком, иначе вернетесь на свои каналы очищать суперсою от ржавчины. Успокойтесь, Лийсс, я думаю, что марсианский делегат позволил эмоциям взять верх над ним. Никто не думает, что Захватчик с Юпитера. Он пришел откуда-то из Дальнего Космоса. Его корабль гораздо более продвинутый, чем наши, а вооружение... Ну, если бы у Юпитера было подобное оружие, то вы не проиграли бы войну. А еще есть Титан. Не думаю, что юпитериане стали бы уничтожать столько своих сограждан, только чтобы скрыть новое секретное оружие.

Марсианин слегка поднял брови. Белтер нахмурился, и марсианин с усилием сделал безразличное лицо. Юпитерианин расслабился.

Адресуясь, как обычно, ко всему Совету, но глядя на марсианина, Белтер проворчал:

– Война закончена. Все мы Соляриане, жители Солнечной Системы, и Захватчик представляет угрозу для всех нас. У нас будет время переругаться друг с другом после того, как мы избавимся от Захватчика. Но не раньше. Это понятно?

– Ни один человек не доверяет Юпитеру. Никто не доверяет Лииссу, – продолжал дуться юпитерианин. – Лиисс безмозглый. Лиисс ничем не может помочь. Пусть лучше Юпитер погибнет, чем ему станут доверять.

Белтер беспомощно вскинул руки. Чувствительность и упрямство юпитериан были общеизвестны.

– Если и есть какой-нибудь самый неуклюжий и тупой способ действовать, – проворчал он, – то марсиане обязательно отыщут его. Сейчас нам нужны мозги каждого из нас. А образ мышления юпитериан весьма отличается от остальных, так что он мог бы помочь нам справиться с нашей общей проблемой, и вы все должны помочь ему в этом.

Марсианин поджал губы. Белтер повернулся к юпитерианину.

– Лиисс, пожалуйста, слезь со своей любимой лошадки. Может, в наше время Солнечная Система слегка переполнена, но все мы должны в ней жить. Вы будете сотрудничать?

– Нет. Марсианин не доверяет юпитерианину. Марс умрет, Юпитер умрет, Земля умрет. Вот и отлично, раз никто не доверяет Юпитеру. – И существа странным образом свернулось вовнутрь – жест столь же показной, как и скатые губы.

– Лиисс сидит в одной лодке со всеми нами, – заявил марсианин.

– Мы должны...

– Он будет сотрудничать! – рявкнул Белтер. – Вы уже достаточно наговорили, приятель. Сосредоточьтесь на Захватчике и оставьте Лиисса в покое. Он может голосовать по этому вопросу, но имеет полное право и воздержаться от голосования.

– На чьей вы стороне? – вспыхнул марсианин, вскакивая на ноги.

Белтер хотел было ответить, но между ними, точно барьер, встал тихий, мягкий голос Херефорда.

– Он на стороне Системы, – ответил делегат от мирных организаций. – Где должны быть и все мы. У нас нет выбора. Вы, марсиане, хорошие бойцы. Но вы правда считаете, что можете отделиться от всех нас и сами победить Захватчика?

Снова вспыхнув, марсианин открыл рот, тут же закрыл его и сел. Херефорд взглянул на Белтера, и тот тоже сел. Напряжение в комнате спало, и у каждого в голове появилась мысль: «Ну, и что делать дальше?»

Белтер молча рассматривал свои пальцы, пока остальные не успокоились, затем тихо сказал:

– Послушайте, господа, мы испробовали все. Нет никакой защиты. Мы уже потеряли корабли, людей и базы. И потеряем еще больше. Если Захватчик может быть уничтожен, мы должны сделать это как можно быстрее, чтобы у нас было время на подготовку.

– На подготовку? – переспросил Херефорд.

– Конечно! Неужели вы хотя бы на минуту могли подумать, что Захватчик не связался или в ближайшее время не свяжется со своими соотечественниками? Предположим, мы не сумеем уничтожить его. Тогда он вернется туда, откуда прибыл, с известием, что здесь есть цивилизация, не обладающая достаточно мощным оружием, чтобы справиться с ними. Вы же не будете такими наивными, чтобы полагать, что этот корабль – единственный у их расы или единственный, который появится в нашей Системе! Наша единственная задача – уничтожить этот корабль и подготовиться к полномасштабному вторжению, а если таковое не последует, тогда мы сами должны вторгнуться к ним, где бы они ни находились.

– Все та же старая песня, – печально покачал головой Херефорд.

Белтер с треском ударил кулаком по столу.

– Херефорд, я понимаю, что Объединение Организаций Мира – это большой шаг вперед. Я знаю, что, по определению, общественность на трех планетах и сотнях колоний за мирную жизнь и против войны. Но... вы можете предложить способ сохранить мир и одновременно спасти нашу Систему? Можете?

– Да... если... если Захватчика суметь убедить следовать мирным курсом.

– Но он отказывается вступать в контакт! Он нападает просто так, без всякого повода – без планов, не ради завоевания, а, очевидно, чисто из любви к разрушению! Херефорд, мы же сейчас имеем дело не с солярианами. Это иная форма жизни, у них иные цели и иная логика, поэтому единственное, что мы можем, это дать отпор. Огонь за огонь! Так ведь говорилось в древности? Разве Фашизм не был побежден, когда все демократические государства сплотились и стали бороться против него?

– Нет, – твердо ответил Херефорд. – Военная сила победила лишь плоды фашизма. Сам фашизм был побежден демократией.

Белтер в замешательстве покачал головой.

– Ну, это неважно, я… думаю, – добавил он, потому что всегда был честным человеком. – Вернется к Захватчику. У нас есть оружие, которым мы можем его уничтожить. Пока что мы не можем использовать его, так как, под влиянием Объединенных Организаций Мира, народы Системы решили раз и навсегда объявить его вне закона. Закон гласит прямо и однозначно: «Смерть» нельзя использовать ни для каких целей при любых обстоятельствах. Мы, вооруженные силы, заявляем, что должны использовать его, но на практике не можем этого сделать, пока у нас нет поддержки общественности, требующей отменить этот закон. Захватчик орудует у нас уже восемнадцать месяцев, и, несмотря на его удары, нет ни малейших признаков, что общественность поддержит отмену закона. Почему? – стукнул он указательным пальцем по столу. – Поэтому что они следуют за вами, Херефорд. Они полностью восприняли ваше квазиэтическое учение… как там оно называется?

– Моральное Испытание.

– Да, Моральное Испытание. Проверка культурной стойкости. Стремление держаться принципов, несмотря на радикальные изменения обстоятельств. Это хорошо звучит, Херефорд, но если вы не отречетесь от него, то и общественность не станет. Нас могут разнести на кусочки, могут уничтожить большую часть населения, и тогда нам пришлось бы поставить под ружье ваших прекраснодушных идеалистов, если уж придется призвать в вооруженные силы всех способных носить оружие соляриан. А между тем, Захватчик, – а возможно, к тому времени и его дружки, – будут летать по Системе, разнося в пыль все, что захотят. Уже сейчас психи начинают вопить, что Захватчик послан им, дабы проверить их любовь к миру, и называют это вторым годом Морального Испытания.

– Он не отступит, – внезапно сказал марсианин. – Да и почему бы ему отступить? Ведь таков его образ жизни.

– Вы всегда выбираете самые паршивые определения, – огрызнулся Белтер, думая о том, *много ли личная власть значит для старого святого?*

– Зачем так давить? – тихонько спросил Херефорд. – Вы, Белтер, с вашим военным складом ума, и наш марсианский коллега, с его склонностью к личным оскорблением… почему бы вам не поставить этот вопрос на голосование?

Белтер внимательно посмотрел на него. Есть ли возможность, что старик примет решение, высказанное здесь большинством? Мнение большинства членов Совета вовсе не означает мнение большинства жителей Системы. А кроме того – сколько членов Совета согласятся с Херефордом, если Белтер примет решение голосовать против него?

Он глубоко вздохнул.

— Нам нужно знать, на каких позициях мы находимся, — сказал он. — Давайте, проголосуем неофициально: мы используем «Смерть» против Захватчика? Давайте голосовать, просто подняв руку.

Все зашевелились и взглянули на Херефорда, который сидел молча, с печальными глазами. Марсианин первым вызывающе вскинул руку. Колониальный делегат с Феба-Титана последовал его примеру. Земля. Пояс астероидов. Пять, шесть... восемь. Девять.

— Девять, — сказал Белтер.

И взглянул на юпитерианина, который, не мигая, посмотрел на него в ответ. Он не голосовал. Руки Херефорда тоже лежали на столе.

— Три четверти за, — сказал Белтер.

— Этого не достаточно, — отозвался Херефорд. — Закон оговаривает, что должно быть *больше* трех четвертей.

— Но вы же знаете, каким будет мой голос.

— Простите, Белтер, но вы не можете голосовать. Как председатель, вы не имеете права голосовать, если кто-то из членов Света воздержался. Все, что вы можете сделать, это передать вопрос для дальнейшего обсуждения. Я... Откровенно говоря, Белтер, именно на это я и рассчитывал. Я воздержался, чтобы не дать вам проголосовать, И если это помешает использовать «Смерть»...

Белтер похрустел суставами рук. Он подумал об ужасной гибели базы-обсерватории, и смерти людей от удушья на Титане. Конечно, для всех соляриан просто прекрасно, что самое ужасное оружие было объявлено вне закона, это было всеобщим желанием. Было бы плохо для цивилизации, если бы из этого закона могли быть исключения. Возможно, что, как только появится первый прецедент, его отдаленные последствия на цивилизацию будут хуже всего, что сможет натворить Захватчик. И все же... Всю сознательную жизнь Белтер придерживался философии, которая диктовала необходимость действовать. Делать хоть что-то. Может, делать неправильно, но действовать.

— Могу я поговорить с вами наедине? — спросил он Херефорда.

— Если по вопросу, который касается всего Совета, то...

— Это касается только вас. По вопросу идеологии.

Херефорд кивнул и поднялся.

— Это не займет много времени, — бросил Белтер через плечо, направляясь за делегатом организаций мира к дверям.

— Пропустите его, Джери, — велел он охраннику.

Тот кивнул и шагнул в сторону.

В приемной Белтер оперся спиной на барьер, сложил руки и сказал:

— Херефорд, я собираюсь докопаться до сути вашей идеологии. Если не сделать этого, то мы можем потратить всю оставшуюся жизнь на обсуждение социальной необходимости, культурном развитии и законах вероятности в применении к намерениям Захватчика. Я хочу задать вам несколько вопросов. Простых вопросов. И пожалуйста, постарайтесь дать на них такие же простые ответы.

— Но вы же знаете, что я обычно так и делаю.

– Знаю. Итак... В целом, Движение За Мир должно предотвращать войну – на том основании, что всегда существует лучший путь. Верно?

– Правильно.

– И Движение за мир не приемлет потребности в насилии ни в какой форме и без всяких исключений.

– И это правильно.

– Херефорд, будьте внимательны. Мы с вами находимся здесь из-за Захватчика и из-за отказа Движения За Мир разрешить использовать против него единственный известный нам способ противодействия.

– Очевидно.

– Прекрасно. Еще один простой вопрос. Я ценю вас гораздо выше, чем любого другого из известных мне людей. То же касается и работы, которую вы делаете. Вы верите этому?

Херефорд медленно улыбнулся и кивнул.

– Я этому верю.

– Ну, так вот вам истина, – сказал Белтер и с силой ударил Херефорда открытой ладонью по губам.

Старик отпрянул назад и схватился руками за лицо. Потом не верящими глазами он уставился на Белтера, который снова стоял со сложенными руками и безразличным лицом. Недоверие в глазах Херефорда постепенно превращалось в замешательство, сквозь которое стала пропускать боль.

– Почему...

Но прежде, чем он успел закончить вопрос, Белтер снова набросился на него. Он ударил Херефорда в грудь и, когда делегат Мира опустил руки, нанес ему сильный удар по губам. Херефорд издал невнятный звук и закрыл лицо, тогда Белтер снова ударил его в живот.

Херефорд застонал, повернулся и побежал было к двери, но Белтер догнал его. Вдвоем они свалились на мягкий ковер, устилающий пол, Белтер тут же вскочил и пнул оппонента ногой. Херефорд помотал головой и начал медленно подниматься с пола. Белтер стоял, приготовившись к еще одному удару. Херефорд что-то прорычал, и, когда Белтер опять ударил его по губам, врезал в ответ ему в челюсть. Белтер отлетел на шесть футов и рухнул на пол. Перед глазами у него засверкали искры. Когда в глазах прояснилось, он увидел, что Херефорд стоит над ним, стискивая кулаки.

– Вставайте, – хрипло сказал делегат Мирных организаций.

Белтер перевернулся на спину, положил руки по голову, сплюнул кровь и засмеялся.

– Вставайте!

Белтер медленно понялся на ноги.

– Все-все, Херефорд. Больше никакой грубости, обещаю вам.

Херефорд шагнул назад и провел рукой по лицу.

– Вы думали, – прошипел он, – что можете такими детскими выходками заставить меня повторствовать убийству?

– Да, – сказал Белтер.

– Да вы с ума сошли, – бросил Хереворд и пошел к дверям.

– Остановитесь!

Было что-то командное в голосе Белтера, что-то такое, чего невозможно ослушаться. Именно это и помогло в свое время занять Белтеру его нынешнее положение. И одинаково потрясающей была мягкость в его голосе, когда он продолжал:

– Пожалуйста, вернитесь, Херефорд. Не в ваших правилах оставлять дела полупонятными.

Если бы он сказал «Полузаконченными», то потерял бы все. Херефорд медленно вернулся и с сожалением сказал:

– Я знаю вас, Белтер. И понимаю, что для вашего поведения есть причина. Но пусть это будет веская причина.

Белтер встал на свое прежнее место, опершись о барьер и сложив руки на груди.

– Херефорд, – сказал он, – еще один простой вопрос. Движение за мир не приемлет потребности в насилии ни в какой форме и без всяких исключений. – Это было слово в слово повторение сказанного несколько минут назад, только вот дышал теперь Белтер тяжело.

Херефорд притронулся к распухающим губам.

– Да.

– Тогда, – усмехнулся Белтер, – почему вы ударили меня?

– Почему? А почему вы ударили меня?

– Я спрашиваю вас не об этом. Пожалуйста, дайте мне простой ответ. Почему вы ударили меня?

– Это был... Ну, я не знаю. Так уж случилось. Это был единственный способ заставить вас остановиться.

Белтер усмехнулся. Херефорд запнулся.

– Я понимаю, к чему вы ведете. Вы пытаетесь провести некую параллель между Захватчиком и вашим нападением на меня. Но вы напали на меня внезапно, без всякой причины...

Белтер усмехнулся еще шире.

Теперь Херефорд откровенно заколебался.

– Но я... я должен был ударить вас, иначе бы меня... я...

– Херефорд, – мягко сказал Белтер, – давайте вернемся и проведем голосование, пока ваш глаз совсем не покернел.

ТРИ КОРАБЛЯ «Смерти», прикрываемые эскортом истребителей, проскользнули в Пояс Астероидов. «Дельту», ведущий корабль, сопровождали с обеих сторон близнецы «Эpsilon» и «Сигма», державшие дистанцию в тысячу миль. За ними, на Земле, осталась пена споров и противоречивых мнений. Редакционные комментарии в эфире и в печати, по радио и факсам обсасывали старый вопрос о законности действий законно избранных администраторов. Мы – народ. Мы выбрали этих людей, чтобы они представляли нас. Что же мы должны делать, если их действия направлены против наших интересов?

А если они действуют вопреки? Какие меры можно принять в отношении человека, который, будучи избранным, неправильно голосует по жизненно важным вопросам? Можем ли мы продолжать доверять ему, как доверяли во время выборов?

И снова – старое пугало вопросов безопасности. Пока законодательные органы принимают решения по военным вопросам, новости следует ограничить. «Смерть» является абсолютным оружием. Несмотря на волю большинства, все еще оставались те, кто хотел бы использовать ее в своих интересах, те, которые считали, что ее недостаточно использовали во время войны, люди, которые считали, что такое оружие нужно всегда держать наготове. Поэтому масса людей была вынуждена следить за своими словами, а иногда и за мыслями, чтобы защитить себя от страдающего манией величия меньшинства.

Но был один человек, который действительно пострадал. В других людях говорил гнев, или интеллектуальные дискурсы, этические противоречия или даже элементарный страх. И лишь в одном человеке шла борьба между этикой и необходимостью. Лишь у одного Херефорда были силы отказаться от собственного дела. Последователи поверили бы ему и приняли все, когда он попросил бы их сделать исключение. Но, сделав его, они перестали бы быть его последователями, и ему не было бы места на Земле.

Речь его была проста, на лице не было и следа сомнений. Как только речь была закончена, он покинул Землю и полетел к внешним границам Системы, отбросив все, во что он когда-либо верил, что говорил или рекомендовал. Он, лидер Объединенных Организаций За Мир, с гневным упорством выражавший свое отрицательное мнение о существовании оружия вообще, покинул Землю вместе с Белтером, в одной каюте военного корабля. И мало того, что это был военный корабль, это была «Дельта» под командованием «Мясника» Осгуда, человека, державшего палец на спусковом крючке «Смерти».

Много месяцев они выслеживали Захватчика, пользуясь собственными средствами, а также информацией, которую им передавали различные заставы. Ни при каких обстоятельствах они не могли использовать трэйсеры, потому что из-за этого были уничтожены семь военных кораблей и один наблюдательный пост. Реакция Захватчика на луч трэйсера была мгновенной и ужасной. Так что они пользовались слабенькими радарами и занимались поисками четырех различных излучений, испускаемых Захватчиком при различных ускорениях.

Собранной о Захватчике информации становилось все больше, и можно было уже сделать некоторые неопровергимые выводы. Члены команды Захватчиков явно были коллоидными существами, как и все живое, поэтому были уязвимы для «Смерти». Этот факт был выведен из того, что Захватчик был замкнут, герметичен и содержал какую-то атмосферу, что отрицало теоретические предположения об «энергетических» и «кристаллических» существах. Природа случайных и жестоких атак врага вызывала наибольшее количество противоречий, но со временем стало очевидным, что любое оружие против него, каким обладала Система, было бесполезно. Захватчика бомбили, подвергали различным лучевым атакам, были даже попытки пойти на таран. Но все заканчивалось впустую. Корабль врага был неуязвим. Сколько же времени он собирается оставаться здесь? Когда его командиры придут к заключению, что разведка завершена, и уведут корабль в Глубокий Космос за подкреплением? И есть ли хоть что-нибудь – вообще хоть что-нибудь? – помимо «Смерти», что может пробить Захватчика, остановить его, уничтожить или хотя бы напугать?

Вплоть до дня «Д» – Дня «Смерти», – последователи Херефорда надеялись, что будет найдена какая-то альтернатива, чтобы, по меньшей мере, их прежнее решение соблюлось если не по духу, то хотя бы по букве. Многие из них работали над этим, и это был самый большой парадокс – все силы сторонников Мира занялись созданием смертоносных методов и механизмов, чтобы использовать их в качестве альтернативы «Смерти». Но ничего не срабатывало. Вообще ничего.

И вот настал День Удара. Захватчик почти исчез на астрономическом севере, мчась по широкой кривой, проходящей через плоскость эклиптики сразу же за орбитой Юпитера. Траектория Захватчика была предсказуема, несмотря на его невероятную маневренность, – даже для него были пределы резких поворотов и ускорений, что опять-таки указывало на коллоидную жизнь. Никто не мог знать, возвращается ли он для того, чтобы снова нападать на планеты, или проводит последние наблюдения, прежде чем по-

кинуть Системы и полететь на какую-то неизвестную адскую планету, породившую его. Но атака это была или окончательный уход, захватчика следовало уничтожить. Другого шанса уже могло и не быть.

Три корабля «Смерти» вышли из Пояса, где тихо дрейфовали среди астероидов. Сохраняя построение, они рванулись вперед с ужасающим ускорением, с полусонными от *моментомина*, позволяющим выдерживать такие перегрузки, экипажами. Курс их был проложен наперерез Захватчику и должен пройти достаточно близко, чтобы тот попал в диапазон действия «Смерти» – примерно на расстояние двадцати тысяч миль. Слабенькие сканеры каждое мгновение проверяли курс врага, делая поправки.

«Дельта» была укомплектована землянами, на «Эпсилоне» летели марсиане, а «Сигма» принадлежала колонистам. Первоначально план состоял в том, чтобы разбросать колонистов по всем трем кораблям, а экипаж использовать из юпитериан. Но Лийсс, как представитель Юпитера, тут же наложил вето на любое участие в этом деле юпитериан, так как к этой планете и так все еще были сильны антипатии. Общественность же в целом была настроена против применения «Смерти», так что следовало равномерно распределить ответственность. Упрямый отказ Юпитера участвовать был, по меньшей мере, не дипломатичным, однако, юпитериане стояли на своем, сплоченно, как и всегда.

Через четыре дня корабли сбросили ускорение до одного «же», а кондиционеры доставили во все помещения дополнительное количество кислорода, чтобы нейтрализовать действие *моментомина*. Экипажи пришли в себя, на мостике «Дельты» собрались командиры. Херефорд тоже был там, держась позади, с обманчиво спокойным лицом, глаза его перебегали с экранов на диаграммы, с сосредоточенного лица Белтера на лицо командора Осгуда, которому не хватало самообладания.

Осгуд глянул через плечо на представителя пацифистов. Голос его заскрежетал, как гравий в проволочном сите, когда он заявил:

– Не нравится мне, что этот парень торчит здесь. Вы уверены, что ему не лучше бы посидеть в своей каюте?

– Мы уже обсуждали это, – устало ответил Белтер. – Командор, может, я не прав, но вам не составило бы труда временно обращаться непосредственно к нему?

– Все в порядке, – улыбнулся Херефорд. – Я вполне понимаю его отношение. Я мало что могу сказать ему и много чего – о нем, то же самое касается и его отношения ко мне. Плохо, конечно, что ему неизвестна вежливость, но ведь и я ничего не знаю о космической баллистике.

— Ладно, ладно, — усмехнулся Белтер, — не обращайте на меня внимания. Я просто плохой военный, пытающийся установить на мостике мир. Но я уже замолчал, позволив вам и Мяснику сохранять свое недружелюбное статус-кво.

— Сейчас мне нужно немного тишины, если позволите, советник, — огрызнулся Осгуд.

Он рассматривал тактическую диаграмму. Красное пятнышко «Эпсилона» было далеко справа, размытая «Сигма» — слева, а внизу виднелась зеленая искорка «Дельты». Золотистая область в центре диаграммы показывала плоскость эклиптики, где должен пройти Захватчик, а чуть выше его белым пятнышком отмечался и сам он.

Осгуд щелкнул тумблером, добавляя к диаграмме еще одну схему — схему расположения трех кораблей «Смерти» относительно цели. «Сигма» и «Эпсилон» были точно в центре белых кружков, «Дельта» находилась у нижнего края третьего. Осгуд внес небольшую поправку в схему.

— Все на позициях, — объяснил Белтер Херефорду. — Поле «Смерти» — это вектор мощных вибраций, сфокусированный от «Сигмы» и «Эпсилона». А луч от «Дельты» — от нас — наносит основной удар. В фокусе возникает чудовищное напряжение. Вибрация начинает непредсказуемо менять частоту. Говорят, что это вибрирует матрица самого пространства, и такая вибрация разрушает все — жидкости, газы, но хуже всего, разумеется, приходится коллоидам.

— Но что произойдет, если позиции не будут заняты точно?

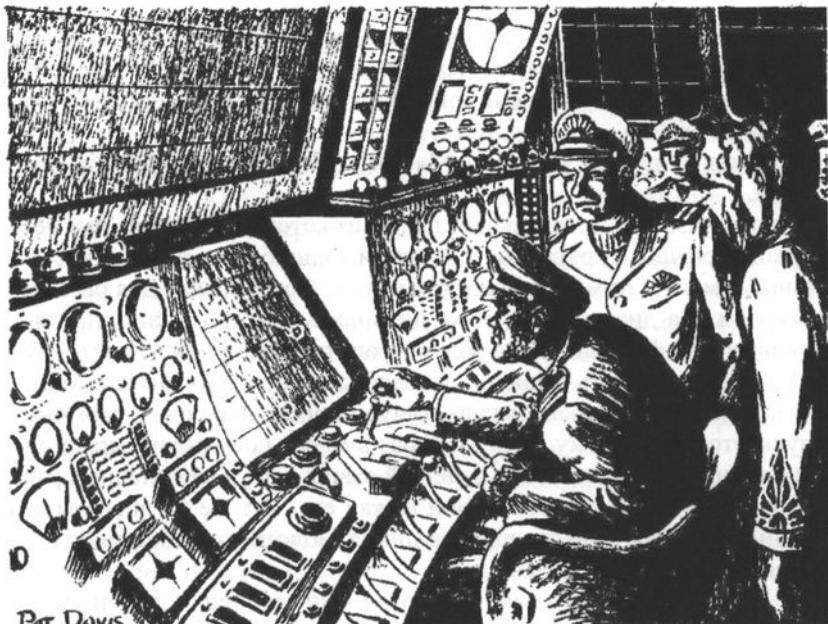
— Да ничего. Просто два фокуса полей от «Эпсилона» и «Сигмы» не совпадут, и луч, пущенный «Дельтой», окажется бесполезен. В результате же Захватчик может напасть на нас в ответ. Но не мгновенно — он движется слишком быстро под прямым углом к нашему курсу. Я же не идиот, чтобы дать поймать себя этому убийце.

Херефорд слушал серьезно, наблюдая, как Осгуд рассматривает диаграмму.

— Велика ли опасность, что «Смерть» может начать распространяться, как волны в бассейне — во всех направлениях от точки фокуса?

— Крайне мала. Любая встречная энергия быстро рассеет эту вибрацию. Кроме того, как видите, сама подготовка является весьма трудным делом. Мы не можем действовать там, где, хотя бы теоретически, вибрация может пойти к любым планетам. Поэтому нужно, чтобы по вектору от нас к цели было лишь свободное пространство.

Херефорд медленно покачал головой.

Pat Davis

— Окончательное разделение между смертью и разрушением, — задумчиво сказал он. — В древние времена армии на полях битвы использовали только смерть, чтобы выявить победителя. Затем, постепенно, самым важным фактором стало разрушение — сколько материалов врага вы могли уничтожить. А затем, с атомными воинами и Пылью, поле боя снова захватила смерть. Полный оборот теперь совершился, и мы нашли способ уничтожать, наказывать и мучить одни лишь коллоидные клетки, оставляя в неприкосновенности технику. Это куда лучше, чем варварский напалм. Правда, занимает больше времени и...

— Построение закончено, — прервал его Белтер.

— Все по местам!

Голос Осгуда разрезал тишину мостика. Экран на переборке перед ним мигнул, и по нему побежали подтверждения готовности тактиков, техников, астронавтов, баллистиков и остальных членов команды. Все три корабля были готовы, информация собрана на основном экране, отсутствие готовности было отмечено красным цветом. Красных точек становилось все меньше и постепенно они исчезли совсем. Осгуд отступил на шаг, глянул на главный экран, затем на диаграмму. Точки всех трех кораблей находились теперь ровно в центре белых кружков.

Командор отвернулся и впервые за последние утомительные месяцы обратился непосредственно к Херефорду:

— Вы бы хотели взять на себя честь совершил запуск?

Ноздри Херефорда раздулись, но голос его оставался спокойным, когда он спрятал за спиной руки и ответил:

— Нет, спасибо.

— Я так и думал, — сказал Мясник донельзя оскорбительным тоном.

Перед ним был треугольный пульт, из которого торчали три небольших рычага с круглыми головками. Один был красный, другой синий, а между ними находился зеленый. Осгуд нажал два рычага по краям. На диаграмме тут же появилась красная линия, протянувшаяся от «Эпсилона» до золотистого поля, и синяя — навстречу ей от «Сигмы». Чуть выше поля колебалось белое пятнышко, обозначающее Захватчика. Осгуд, сощурившись, наблюдал, как оно опускается к золотому полю, как раз в место соединения красной и синей линий. Взявшись за зеленый рычаг, Осгуд в последний раз взглянул на экран, затем с силой нажал его. Тут же на диаграмме появилась яркая, тонкая, зеленая линия. Золотистое поле закрыло облако фиолетового тумана.

— Вот так! — выдохнул Белтер. — Фиолетовое — это и есть «Смерть»!

Херефорд, дрожа, прислонился к переборке, затем прижал руки к коленям, очевидно, пытаясь унять дрожь.

— Включить сканеры! — рявкнул Осгуд. — Я должен это увидеть!

Белтер шагнул вперед.

— Командор! Вы не можете... Нельзя щупать его сканерами! Помните, что произошло на Заставе?

Осгуд коротко выругался.

— Мы и так уже обнаружили себя, так что лучи сканеров вряд ли будут иметь значение. К тому же, он в любом случае готов! — торжественно добавил он.

Словно в ответ экран сканера засветился различными красками, которые закрутились и сложились в изображение Захватчика. Так как луч следовал за ним неотступно, не было заметно, что он движется.

— Дайте мне диаграмму! — проревел Осгуд.

Его маленькие глазки от возбуждения стали шире, щеки надулись, он постоянно облизывал губы.

В нижней части экрана изображение исчезло, она почернела, затем внезапно там появилась маленькая копия Захватчика. К нему медленно полз слабый, кое-где светлеющий фиолетовый туман.

— Прямо по носу, — хмыкнул Белтер. — Он летит прямо туда!

Внезапно большая картинка, показывающая корабль в реальном времени, ожила. Из корабля ударили поток голубовато-белого огня.

— Вы понимаете, что происходит? — прошипел Осгуд. — У него все же есть реактивные двигатели. Он понял, что перед ним что-то есть, но не знает, что именно и хочет обогнать его, хотя на такой скорости этот маневр размажет его экипаж по переборкам!

— Смотрите! — закричал Белтер, указывая на диаграмму. — Он идет по дуге... О, Боже, он же убивает себя собственными руками! Он не может так развернуться!

— Возможно, он хочет, чтобы все кончились побыстрее! Может, он уже где-то сталкивался раньше со «Смертью»! — закричал Осгуд. — И теперь он боится ее! Эй, Белтер, а симпатичненько, наверное, сейчас внутри этого корабля! «Смерть» делает из них желе, а разворот на такой скорости распыляет это желе по стенкам!

— Э... Э... — только и смог выдавить из себя Херефорд, затем развернулся, и, пошатываясь, покинул рубку.

Белтер шагнул было за ним, заколебался, затем вернулся к экранам.

На диаграмме теперь фиолетовый, золотистый, белый, красный, синий и зеленый цвета соединились и сияли вместе. Затем, медленно, белое пятно стало смещаться к краю этого разгула красок.

— Командор! Он все еще уходит в сторону!

— А почему нет? — радостно отозвался Мясник. — Такая команда была дана его машинам, когда команда превратилась в кисель. Через какое-то время у него кончится топливо, и мы сможем взять его на абордаж.

Тихонько щелкнул и осветился главный экран связи.

— «Эпсилон», — сообщил связист.

— Хорошая работа, Хостер, — сказал, потирая руки, Осгуд.

— Спасибо, сэр, — отозвался капитан марсианского корабля. — Командор, мои астрогаторы экстраполировали дальнейший курс объекта. Если он будет продолжать так лететь, то вскоре начнет приближаться к нам.

— Наблюдайте за ним, — велел Осгуд. — Если он подойдет слишком близко, уйдите с его пути. Могу поспорить на свои регалии, что вы в безопасности. Он уже дохлый! — Осгуд рассмеялся. — Можете подпускать его как угодно близко. Да хоть на пятьдесят метров.

Марсианин отдал честь, но Осгуд остановил его, прежде чем тот закончил связь.

— Хостер!

— Да, сэр.

— Знаю я вас, марсиан. Любите пострелять. Так вот, Хостер, что бы ни произошло, не вздумайте бомбить или бить лучами по этому кораблю. Понятно?

- Вас понял, сэр, — сухо сказал марсианин и исчез с экрана.
- Кровожадные ребята эти марсиане, — пробормотал Осгуд.
- Командор, — вмешался Белтер, — иногда мне кажется, что я понимаю, что испытывает к вам Херефорд.
- Я приму это в качестве комплимента, — ответил Мясник.

СЛЕДУЮЩИЕ ДВА часа они провели, наблюдая за тактической диаграммой. Генераторы «Смерти» были давно отключены, а сама «Смерть» была видна на диаграмме, как бледнеющее фиолетовое пятно, плывущее в пустом пространстве и уже потихоньку исчезающее. Но мертвый корабль все еще летел на реактивной тяге по намеченной кривой. Марсианские астрогаторы оказались неприятно точными, и капитан Хостер получил инструкции совершить уклоняющийся маневр.

Все ближе и ближе подплывало белое пятнышко к красному, бывшему «Эпсилоном». Оба других корабля не сводили с них глаз и приборов наблюдения. Марсианин стал тормозить, чтобы начать маневр уклонения.

— Что-то неважно все это выглядит, — пробормотал Белтер, тщательно исследуя траекторию мертвого корабля.

— Чушь, — отозвался Осгуд. — Но было бы глупо потерять корабль уже после того, как мы уничтожили врага. — Он повернулся к связистам. — Дайте мне «Эпсилон».

Он успел уже не раз выругаться, прежде чем зажегся экран связи. Появилось лицо Хостера, покрытое красными пятнами.

— В чем дело? — рявкнул Осгуд. — Почему вы так долго не отвечали? И почему вы все еще не приняли *моментомин*?

Капитан Хостер до хруста в суставах стиснул оправу экрана связи.

— Послушайте, — с трудом вымолвил он. — Захватчик уже получил свое, понятно? Но никто не может помыкать марсианами. Особенно грязные юпитериане.

— У него все симптомы болезни от ускорения, — почти беззвучно сказал Белтер. — Наверное, он не принял препарат по какой-то безумной причине, хотел оставаться дееспособным.

— Хостер! Я снимаю вас с должности! — рявкнул Осгуд. — Вы не выполнили мой приказ и не приняли *моментомин*. Вы свободны. Передайте командование первому помощнику, примите дозу и идите отдыхать!

— Послушай, Мясник, старая кляча! — сказал марсианин. — Я знаю, что делаю, ясно? Мне не нужны проблемы с тобой. Смешно, да? Ты управляй своим кораблем, а я уж справлюсь со своим. Я

собираюсь напомнить юпитерианам Титанис, понятно? – И экран погас.

– Хостер! – взревел командор. – Спаркс! Свяжись снова с этим маньяком.

– Простите, сэр, – вскоре ответил связист. – Но он не отвечает.

В беспомощной ярости Осгуд повернулся к Белтеру.

– Если он хотя бы бросит косой взгляд на этот мертвый корабль, я пущу его прогуляться по Солнечной стороне Меркурия в скафандре без охлаждения!.. Мне нужен этот корабль!

– Зачем? – спросил Белтер и тут же задал себе вопрос, зачем он вообще спросил, если и сам знает ответ.

Вероятно, это было влияние Херефорда. Если бы Херефорд был здесь, то он непременно задал бы этот вопрос.

– Там четыре вида двигателей, о которых нам ничего не известно. Бомбы, деформирующие пространство. Вызывающие цепную реакцию лучи, которые в прошлом году уничтожили целый астероид. И, вероятно, масса всего другого. Ведь это же военный корабль!

– Конечно, – сказал Белтер. – Конечно.

Объединение мирных организаций, подумал он. *Большой шаг вперед.*

– Выведите их обоих на экран, – велел Осгуд. – Они сейчас близко друг к другу... Белтер, только взгляните на внешние обводы этого корабля. Посмотрите, как он движется...

– Ну, я... О! Я понял, что вы имеете в виду. Он идет на боковых реактивных двигателях... но что это за двигатели?

– Интересный корабль, – сказал Осгуд. – У нас реактивные двигатели были еще сотни лет назад, но мы традиционно помещали их на корму. Конечно, мы тоже получали неплохую мощность, но посмотрите на их дюзы! Они эквивалентны десяти-пятнадцати нашим двигателям. Разве живые существа могли выдерживать такие ускорения?

Белтер покачал головой.

– Раз они построили такой корабль, значит, могли. – Он задумчиво поглядел на траекторию полета чужого корабля. – Командор, а вы не думаете...

Очевидно, пораженный той же ужасной мыслью, Осгуд тут же встреможено сказал:

– Нет, конечно же, нет! Это же «Смерть». Они прошли через «Смерть»!

– Да, – кивнул Белтер.

Прозвучало это с облегчением, но сам он никакого облегчения не чувствовал. Он, не отрываясь, глядел на экран, затем вдруг сжал руку Осгуда.

Осгуд тут же выругался и бросился к пульту управления.

— Дайте мне «Эпсилон»! Велите ему прекратить огонь и немедленно связаться со мной! Уничтожить ради забавы такую сокровищницу! Да я вырву ему...

Белтер невнятно вскрикнул и закрыл рукою глаза, когда экран вдруг засиял. Когда экран восстановил работоспособность, а глаза Белтера вновь стали видеть, то он увидел на экране Захватчика. А «Эпсилона» там вообще не было.

КОГДА НЕМНОГО улеглось волнение, Осгуд устало опустился в кресло.

— Жаль, что вместо него у нас не было юпитерианского корабля, — хрипло сказал он. — Мне плевать, что они воевали с нами. Но юпитериане умеют повиноваться приказам. Если им что-либо прикажут, то можно держать пари, что они это выполнят. Почему только Совет не выбрал юпитерианский корабль!..

Белтер рассказал ему, что делегат с Юпитера был на Совете оскорблен марсианином.

— Опять эти импульсивные, безответственные марсиане! — восхликал Мясник. — Ну почему, почему этот пьяный кретин решил пострелять в мертвый корабль?

— В мертвый? — сухо переспросил Белтер.

Осгуд уставился на него. Белтер кивнул на диаграмму. Белое пятно медленно плыло к зеленому — к «Дельте». На экране по-прежнему мерцал Захватчик. Он вовсе не был уничтожен.

Засветился один из экранов технических специалистов.

— Поступил отчет от наблюдателей, сэр.

— Давайте.

— Двигатель Второго Типа у Захватчика начал испускать мощное излучение, сэр.

— Д-дьявол!..

Экран погас. Командор Осгуд открыл было рот, пару секунд поддержал его открытым, затем осторожно закрыл. Белтер укусил внутренность своей щеки, чтобы удержаться от истеричного хохота. Он понял, что Мясник хотел было выругаться, но тут же осознал, что в такой ситуации не поможет никакая ругань. Поэтому он сдержал уже приготовленные бранные словечки. Наконец, он слабым голосом высказал вслух худшее, о чем только мог подумать — то, что до сих пор казалось невероятным.

— Они не мертвы, — сказал он.

Белтеру тут же расхотелось смеяться.

— Они прошли через «Смерть», и не умерли, — едва выдавил он.

— Но от «Смерти» нет никакой защиты, — сам себе возразил командор.

Белтер кивнул.

Опять засветился один из экранов, и безликий голос сказал:

— Расчеты.

— Давайте, — бросил Мясник.

— Курс мертвого корабля пересечет наш, сэр, если...

— Не говорите «мертвого», — прошептал Осгуд. — Говорите «Захватчика». — Он откинулся на спинку, прикрыл глаза и вытер носовым платком лицо, затем, стиснув зубы, поднялся, выпрямился перед пультом управления и разгладил морщинки на своем мундире.
— Батареи! Совершить наведение, цель — Захватчик. Технологи! Переключить батареи в автоматический режим. Ударьте по нему всем — всем: торпедами, излучателями, артиллерией. Переключите меня на ручное управление. Всему экипажу! Приготовиться покинуть корабль. Направить «Дельту» к врагу в автоматическом режиме. Всем занять места в спасательных шлюпках. Улетайте от корабля, остановитесь на безопасном расстоянии и наблюдайте за действиями «Дельты» и Захватчика. Примите *моментомин* и выжмите из двигателей шлюпок все, на что они способны. — Он повернулся к Белтеру. — Советник! Только не спорьте со мной. То, что я хочу сделать, является моим долгом. Я хочу, чтобы вы покинули корабль вместе с остальными. Единственная причина, по которой я остаюсь, заключается в том, что у меня может появится шанс... Из всех глупых, дурацких промахов, которые только мог сделать Хостер, он не выстрелил по Захватчику...

Белтер хотел было напомнить командору, что Хостер получил приказ не стрелять, даже если чужак подойдет к нему на десять метров, но проглотил свои комментарии. Сейчас это уже не имело значения. Хостер и его экипаж были хорошими воинами, а «Эпсилон» был хорошим кораблем. Теперь все мертвы, корабль разнесен на кусочки, и список жертв Захватчика, начавшийся с уничтожения Заставы, лишь вырос.

— Вы знаете, где ваша шлюпка, Белтер? Пойдите к себе в каюту, соберите необходимые вещички и ждите меня в шлюпке. Я присоединюсь к вам, как только все покинут корабль. Вперед!

Белтер вскочил с кресла. События развертывались слишком быстро, и он был даже рад исполнять чужие приказы, а не пытаться понять самому, что нужно делать.

В каюте на своей койке сидел Херефорд.

— Что случилось, Белтер?

— Мы покидаем корабль.

— Это я уже знаю, — терпеливо ответил старик. — Я слышал приказ всему экипажу. Я спрашиваю, что случилось?

— Нас атакует Захватчик.

— Угу, — спокойно хмыкнул Херефорд. — «Смерть» не помогла.

— Да, — кивнул Белтер. — Не помогла.

— Думаю, я останусь здесь.

— Зачем?

— А что толку? — пожал плечами Херефорд. — Как вы думаете, что останется от философии миротворцев, когда в новостях объявят, что от «Смерти» есть защита? Даже если появится тысяча или миллион кораблей Захватчиков, ничто теперь не помешает нам воевать друг с другом. А я так устал...

— Херефорд, — окликнул Белтер и подождал, пока старик поднимет голову и встретится с ним взглядом. — Помните, что было в приемной? Мы что, снова должны пройти через это?

Херефорд невесело улыбнулся.

— Не волнуйтесь, дружище. Вам хватит хлопот после того, как вы улетите. Что же касается меня... Ну, самое полезное, что я теперь могу сделать, это стать мучеником.

Белтер подошел к шкафчику в переборке, где лежали его личные вещи, достал свои бумаги и бутылку виски.

— Ладно, — сказал он, — давайте примем по-быстрому, прежде чем я уйду.

Весь моментомин Белтер вылил в напиток Херефорда, так что, когда они покинули корабль, Белтер потерял сознание во время ускорения. Позже он узнал, что пропустил главное шоу. «Дельта» нанесла удар по Захватчику. Она сражалась, пока не осталась лишь главная орудийная башня, которая продолжала плевать огнем во врага, пока ее не стерла в порошок деформирующая бомба, такая большая, что могла бы уничтожить полпланеты. «Дельта» была отличным кораблем. Уничтожив ее, Захватчик снова направился на астрономический север, оставив перепуганную «Сигму» в покое. Белтер пришел в сознание в спасательной шлюпке вместе с командором и Херефордом. Херефорд был похож на иллюстрацию в Ветхом Завете, которую Белтер видел еще в детстве. Под иллюстрацией была подпись: «Моисей уронил и повредил две каменные скрижали».

Их подобрала «Сигма». Это был большой старый корабль, дважды перестроенный — первой раз из колониального торгового судна в крейсер, а второй — для носителя «Смерти». Склад у нее был размером с конференц-зал, и третью его пустовала, несмотря

на горы припасов. Грузовой порт был открыт, и в него залетали спасательные шлюпки с «Дельты».

Кругом все походило на улей. Масса народа в скафандрах устанавливали шлюпки в специальные ячейки, где закрепляли магнитными замками. Уцелели все шлюпки, кроме двух, которые, очевидно, разбило обломками корабля.

Лодка Осгуда висела в космосе, пока не было погружены все остальные. К тому времени, как ее поставили в ячейку, грузовой люк был уже закрыт и склад наполнен воздухом. Капитан «Сигмы» собственноручно открыл шлюпку, из которой вылез Осгуд в сопровождении ошеломленного Белтера и мрачного Херефорда.

— Корабль в вашем распоряжении, сэр, — произнес капитан «Сигмы» традиционную фразу, предоставляя корабль и весь экипаж в распоряжение командора.

— Да, он мне сейчас нужен, — сдавленным голосом ответил Мясник и, потянувшись, огляделся. — Нашли что-нибудь от марсианина?

— Нет, сэр, — сказал капитан.

Это был взволнованный, неуклюжий представитель обитателя венерианских Куполов. В имени его был столько слогов, что все использовали лишь первые три — Холовик.

— Мне очень жаль, но от «Дельты» мало чего осталось. Что... что произошло?

— А вы что, сами не видели? Что вы об этом думаете?

Капитан молчал.

— Ну, так я скажу вам, если уж вы не решаетесь это озвучить, — заявил Осгуд. — У него есть защита от «Смерти». Это ли не прекрасно?

— Да, сэр. — Горизонтальные морщины на лбу капитана Холовика стали глубже, а уголки его губ опустились. — Прекрасно.

— Только не разрыдайтесь, — рявкнул Осгуд и принялся осматривать спасенные обломки. — Проведите все анализы этого куска. Определите, не радиоактивен ли он, и если да, то какого типа эта радиация... А это что?

«Это» был заостренный цилиндр тридцати футов длиной с тремя короткими антеннами, расположенными под прямым углом к продольной оси на каждом закругленном конце.

— Не знаю точно, сэр, — ответил Холовик. — Я слышал, что ваш корабль оснащен... был оснащен оружием новейшего типа. Для сохранения секретности нас не снабдили более точной информацией...

— Прекратите мялить! Если это и секретное оружие, то оно не с «Дельты».

— А также и не с «Эпсилона», — добавил Белтер. — Я читал спецификации всего, что было на борту наших кораблей.

— Тогда это... О!

— О!.. — эхом отозвался Белтер и еще два младших офицера, которые прислушивались к их беседе.

И это был самый почтительный возглас. И таким же почтительным было неосознанное отступление, когда все попятались к переборкам.

— В чем дело? — спросил Херефорд, который весь день не произнес ни слова. — Что это?

— Не знаю, — выдохнул Белтер, — но я бы хотел, чтобы его здесь не было. Это с Захватчика.

— Эй, кто-нибудь! — крикнул Осгуд. — Уберите его отсюда! Немедленно!

Все перешли в соседний отсек и закрыли герметичную переборку, оставив трех человек в скафандрах и офицера, чтобы осторожно вынести неизвестный объект через люк.

— Вы кретин, — сказал Осгуд капитану. — Некомпетентный слонят! Как вы могли допустить, чтобы в корабль внесли неопознанный предмет?

— Я... это... не знаю... — пробормотал Холовик.

Белтер поразился тому, какой страх был написан на лице капитана.

— Этот объект не был зарегистрирован детекторами, пока не оказался на расстоянии мили от нас, сэр, — вмешался младший офицер с погонами связиста. — И я не могу этого понять, командор. Наши детекторы очень чувствительны в радиусе пятидесяти тысяч миль. Готов поклясться, что наше оборудование исправно, и все же мы не засекли этой штуки, пока она не оказалась буквально рядом с нами.

— Просто кто-то зевнул на дежурстве! — прорычал Мясник.

— Погодите, командор, — остановил его Белтер и повернулся к молодому связисту. — Каким курсом летела эта штука?

— Прямо на корабль, сэр. Чуть ниже левой дюзы, насколько я помню. Мы остановили ее, затем занесли внутрь при помощи манипуляторов.

— Значит, она просто появилась откуда ни возьмись? — заорал Осгуд. — И вы сами затащили ее в корабль?

— В том секторе было много обломков, командор, — слабым голосом сказал Холовик. — Мы были заняты... трассеры иногда дают совместный сигнал, когда засекают рядом два объекта...

— Ага, а затем показывают что-то, где ничего нет, и не показывают там, где есть на самом деле? Да я понижу вас до...

— Мне кажется, — прервал его Белтер, который руководствовался собственными рассуждениями, — это у нас мощная бомба, подобная той, что уничтожила Заставу. Помните? Они засекли трассером, что что-то отделилось от Захватчика, но тут же потеряли его. Не было ни излучений, ни картинки на радарах — вообще ничего. А потом что-то прилетело и уничтожило базу.

— Несуществующий, гипотетический снаряд-невидимка, — сказал Херефорд с тенью своей обычной усмешки.

Огуд холодно взглянул на него.

— Пытаясь сказать мне, что Захватчик использовал метод невидимости, чтобы защитить себя от «Смерти», вы лишь демонстрируете свое невежество. «Смерть» — это вибрация, а не излучение. Это материальный эффект, а не энергетическое явление.

— Забудьте о «Смерти»! — выкрикнул Белтер. — Вы что — не понимаете, что мы тут имеем? Это одна из деформирующих бомб Захватчика. Малая дальность — это всегда малая дальность. Это не ясно? Это снаряд-невидимка и, по каким-то причинам, он может нести лишь ограниченный груз. Захватчик был далеко от «Дельты», когда она принялась обстреливать его, и выпустил в нее все, что имел. Наверное, это один из его разрушителей, который был выпущен как раз тогда, когда «Дельта» разлетелась на куски, и он прилетел уже после того, как она была уничтожена. Тогда он занялся поисками новой цели, но исчерпал свое топливо, прежде чем долетел до «Сигмы». Вот почему он внезапно появился на детекторах.

— Ну, это имеет смысл, — сказал Мясник, глядя на Белтера так, словно увидел его впервые, затем резко потянул себя за нижнюю губу большим и указательным пальцами. — Закамуфлированная деформирующая бомба, а? Гм-м-м... Интересно, а сумеем ли мы вскрыть этот модуль? Возможно, мы сумели бы создать нечто подобное и подобраться поближе к этому дьяволу, чтобы сделать ему подарочек. — Он повернулся к взорванному Холовику. — Капитан! Давайте посмотрим, сумеете ли вы найти несколько инженеров-добровольцев, готовых попытаться разобрать эту штуковину. А если не сумеете отыскать добровольцев...

— Я все сделаю, сэр, — сказал Холовик, чуть приободрившись.

Лицо у него вместо жалобного стало задумчивым.

ПРОЩЕ БЫЛО найти тех, кто *не* вызвался добровольно, как только предложение прозвучало по внутреннему радио. Но все же дело было сделано. Через несколько минут «Сигма» отошла на несколько сотен миль и легла в дрейф, в то время, как созданная команда начала работать в пространстве над бомбой. Они установ-

вили три камеры, и на корабельном мостике собралась целая толпа экспертов. Каждое действие сначала тщательно обсуждалось, каждая деталь осматривалась, прежде чем ее изымали.

Но дело было сделано. Медленно, с многочисленными остановками и проволочками, но бомба была вскрыта и изучена, и после этого оказалось, что она невероятно простая. Боеголовка была смонтирована в основном корпусе. Детонаторы находились в головке, и ими управляли несколько стержней. Механизм поиска, источник энергии, двигатель и то, что было явно камуфляжным модулем – все было в корпусе.

Повсюду в Системе, в институтах и независимых лабораториях, началась работа по созданию по планам и макетам оружия чужака. Одним из первых было обнаружено то, что термин «снаряд-невидимка» был в корне неверным. Камуфляж создавала оригинальная схема в «шкуре» самой оболочки. Особое излучение заставляло диэлектрическую константу оболочки изменяться таким образом, что она испускала вторичное излучение на той же частоте и с такой же интенсивностью, но на сто восемьдесят градусов не совпадающее по фазе. Причем это устройство могло обрабатывать несколько частот одновременно, так что снаряд становился невидимым для любых приборов.

Двигатель использовал большую часть энергии. Он состоял из магнитного генератора и обмотки с магнитным током. Вызываемое ими, чрезвычайно мощное гравитационное поле и двигало снаряд хоть вперед, хоть в любую сторону.

Было в снаряде и еще несколько нюансов, которые тут же засекретили и о которых не сообщили широкой общественности.

Передачи «Этерфакса» были полны отчетами о действиях Захватчика. Сначала тот несколько недель после дня «Д» летал, постоянно меняя курс, очевидно, чтобы оценить размеры нанесенного ему ущерба. Затем он лег на круговую орбиту, параллельную плоскости солнечной эклиптики и, предположительно, занялся ремонтом и одновременно разведкой. Как и прежде, он был символом ужаса. Если он планирует следующий удар, то куда? В противном случае он бы просто улетел. А затем бы вернулся? Один или с целым флотом?

Жизнь Белтера была полна волнений, но он все же нашел время подумать о нескольких вещах. Например, об Юпитерианах. Они приняли интенсивное участие в создании камуфляжных устройств и даже предложили кое-какие модификации. Юпитерианско улучшение двигателя заключалось в использовании им бора, элемента, который нигде не встретился в оригинале. Это дало устройству соляриан значительно больший радиус действия. И все же... Что-то

крылось за такой готовностью к сотрудничеству юпитериан, что совсем не гармонировало с их обычным поведением. Оскорбление, которое Лийсс получил от марсианина, было само по себе незначительным, но то, что Лийсс установил для своей планеты политику невмешательства, сделало его важной персоной. И внезапное реверсирование этой политики не могло не наводить на размышления. Белтер сотню раз отмахивался от этого вопроса, ворча: «забавный народ эти юпитериане», и столько же раз возвращался к нему.

Был и другой повод для беспокойства. Белтеру дал его марсианский делегат, который однажды отозвал Белтера в сторонку.

— Вот этот Херефорд, — сказал марсианин, почесывая свою загорелую шею, — что-то он слишком притих. Я понимаю, что он запутался во время голосования по вопросу применения «Смерти», но что-то у него есть на уме. И это что-то может мне не понравиться.

— Да?

— Ну, когда наступит решающий день, и мы отправим к Захватчику эскадрилью новых кораблей, не создаст ли он нам проблемы?

— А почему он должен создать проблемы?

— Ну, вы же знаете этих пацифистов. Если мы оснастим корабли этими новыми разрушителями и уничтожим Захватчика, им это придется не по вкусу. Вы же знаете, что они не хотят, чтобы в Системе появилась защита от «Смерти».

— Гм-м-м... А что думают об этом на Марсе?

– Ну, вот я считаю, – усмехнулся марсианин, – что Брат Херефорд может попасть в небольшую аварию. Достаточно просто угомонить его... хотя бы на некоторое время...

– Я тоже так думал, – Белтер позволил себе сделать паузу, затем продолжал: – Забудем об этом. Я не допускаю и мысли, что вы сказали это всерьез. Есть что-то еще, о чем вы думаете?

– Ну, я думаю, что лучшей идеей было бы отправить корабли со снарядами-невидимками к Захватчику, не консультируясь с Советом. Если Херефорд просто поджидает удобного психологического момента, чтобы начать бесконечную болтовню, то хорошо было бы все закончить до того, как он узнает об этом. Если мы, конечно, сумеем это провернуть.

Извини, друг, – покачал головой Белтер, – но этого мы не можем сделать. Можно, конечно, объявить военное положение в целях всеобщей безопасности и принять все нужные меры, не сообщая о них, но этим мы создадим прецедент в законодательстве, по которому потом любой может действовать без ведома Совета. Простите, но нет. Хотя спасибо вам за подсказку.

И был еще вопрос, который, как и вопрос об юпитерианах, Белтер отбрасывал и забывал по пять-шесть раз на дню. Он знал, какой твердый характер скрывается за полной достоинства внешностью Херефорда, и, несмотря ни на что, уважал его за это.

А потом появилось решение всех проблем разом.

Белтер рассмеялся, когда оно впервые пришло ему в голову, улыбнулся, когда эти мысли возникли снова, и нахмурился, когда понял, что это за решение. У него уже могло быть это решение, но он ошибся, когда сунул в дальний ящик стола сообщение, полученное от Аддисона. Аддисон был технологом, работающим над местным камуфляжным проектом. Проект был строго секретным. В сообщении Аддисон приглашал Белтера осмотреть двухместный корабль, который как раз заканчивали тестировать.

Белтер вызвал к себе Херефорда и, когда они остались одни, спросил без всяких предварительных любезностей:

– Вас интересует предотвращение войны?

– Это, конечно, риторический вопрос?

– Нет. И второй вопрос: у вас на последующие несколько недель запланировано что-то особо важное?

– Да что у меня может быть важного? – печально спросил Херефорд.

После его исторической речи о том, что в законе о «Смерти» нужно сделать исключение, у него осталось весьма мало дел.

— Тогда освободите это время. Нет, я не шучу. Это очень срочно. Сколько времени вам нужно, чтобы подготовиться к небольшому полету?

Херефорд пристально поглядел на него.

— Примерно минут тридцать. У меня создалось впечатление, что вы очень торопитесь.

— Да вы прямо экстрасенс! Тогда встретимся здесь через тридцать минут.

Через два часа они уже были в космосе на борту быстроходного корабля-разведчика. Позади Белтер оставил изумленного заместиеля председателя Совета с короткой запиской на руках и не менее удивленного Главного Инженера, оба они поклялись держать все в тайне. В разведчике же летел экипаж и черная громадина секретной спасательной шлюпки.

В первые два дня Белтер оставил Херефорда вертеть пальцами в пустой кают-компании, а сам заперся с капитаном, чтобы рассчитать курс корабля, который тоже являлся секретом. Белтеру понадобилось полдня, чтобы убедить молодого капитана, что он в здравом уме и хочет подлететь к Захватчику — два факта, которые последние три года любой посчитал бы взаимно несовместимыми.

Курс был рассчитан так, чтобы разведчик достиг Захватчика, потратив при этом минимум энергии. С разведчика должна быть выпущена на большой скорости секретная спасательная шлюпка, так, чтобы выйти на эллиптическую орбиту вокруг Солнца. Эта орбита проходила под прямым углом к плоскости круговой орбиты, на которой последние несколько недель находился Захватчик. Она пересекала этот круг в двух местах, и расчеты синхронизировали точки пересечения с предсказанный позицией Захватчика, летящего по своей орбите. Естественно, если Захватчик будет и далее придерживаться такого же курса и не изменит скорость. До этого, он так летал дважды, один раз девять месяцев, другой — больше года.

После того, как курс был рассчитан, и Белтер выспался, он присоединился к Херефорду. Старик сидел, держа на коленях открытую книгу, но вряд ли читал, поскольку глаза его неподвижно уставились в стенку. Белтер резко опустился рядом с ним в кресло и громко вздохнул.

— Какой чудный способ зарабатывать на жизнь! — сказал он.

Уголки губ Херефорда чуть поднялись.

— Что?

— Выискивая самые жестокие способы умереть, — добавил председатель Совета. — Теперь я готов все рассказать вам, если хотите меня выслушать.

Херефорд захлопнул книгу и отложил ее в сторону.

— Сначала об юпитерианах, — сказал Белтер без всякого вступления. — Эти существа мыслят так великолепно, так быстро и так иначе, что пугают меня. Жестоко... и совершенно глупо пытаться судить об их поступках с человеческой точки зрения. Однако, они провернули один трюк, настолько человеческий, что он совершенно ускользнул от моего внимания. Если бы его попытался сделать марс, я бы немедленно его раскусил. Но поскольку дело касалось юпитериан, то мне потребовалось много времени, чтобы все понять. Вы помните, как они были готовы оказать нам помощь после дня «Д». Как вы думаете, почему бы это?

— Я бы решил, — задумчиво ответил Херефорд, — что они осознали, наконец, свою ответственность, как члены одной с нами Солнечной Системы. У Захватчика оказалась защита против абсолютного оружия, чрезвычайная ситуация обострилась, и они вступили в игру ради общего блага.

— Так же думал и я. А вам вообще приходило в голову, что было бы, если бы у Юпитера — и только у Юпитера — оказалась защита от «Смерти»?

— Да я не верю, что они смогли бы...

— Забудьте о том, во что вы верите, — взорвался Белтер. — Что тогда бы произошло?

— Я понял, что вы имеете в виду, — побледнев, ответил Херефорд.

— Мы были почти на грани поражения и победили лишь тогда, когда изобрели «Смерть». Если бы у Юпитера была защита, то мы не смогли бы сравняться с ними!

— Ну, это преуменьшение, — вставил Белтер.

— Но.... Но ведь они подписали мирный договор! Они разоружаются! Они не нарушают свое обещание! — закричал Херефорд.

— Разумеется, не нарушают! Если они получат такую защиту, то спокойно объявят об этом, даже дадут нам время на подготовку, после чего объявят нам войну и истребят нас. Полностью. Этого требует их уязвленная гордость. Рискну даже предположить, что для начала они станут нам даже помогать, если мы им позволим, чтобы борьба шла на равных. Они целиком за такую справедливость. Но всей Системе известно, что корабль за корабль, отряд за отряд, юпитерианина за человека — нет в этом никакого равенства. Их слишком много для нас. Преимущество нам дает только наша безумная способность создавать новые виды смертоносного оружия. Юпитериане слишком умны, чтобы пытаться завоевывать расу, которая создает орудия убийства, не задумываясь о том, кто и когда ими воспользуется. Помните, что сказал Лиисс, когда его оскорбил марсианин? «Мертвая Земля, мертвый Юпитер, мертвый Марс. Прекрасно». Они понимают, что мы всегда найдем способ

уничтожить своих соседей, так как не заботимся о том, не будем ли уничтожены мы сами.

Херефорд содрогнулся.

— Мне бы не хотелось думать, что вы правы. Из ваших слов вытекает, что Объединение организаций пацифистов, включающее в себя миллиарды членов, занимается совершенно бесполезным делом.

Белтер хрустнул суставами.

— Я не пытаюсь вас убедить, что люди по натуре своей гнилые и обречены навсегда оставаться такими. Мне известны, по меньшей мере, четыре случая, когда Человечество вплотную подошло к краю пропасти, а что это, как не вид массового самоубийства? Но существование Объединения мирных организаций доказывает, что выход все же есть, несмотря на то, что, с моей точки зрения, потребуется очень долгий путь, чтобы исправить нас.

— Спасибо, — сказал Херефорд. — Иногда мне кажется, что вы могли бы стать более полезные членом Объединения мирных организаций, чем могу хотя бы надеяться стать я сам. Но скажите мне... Что заставило вас заподозрить, что юпитериане могли создать защиту для себя?

— Наша последняя разработка. Возможно, вы знаете, что главным, что делает возможным использование нашего корабля-невидимки, является новейший источник энергии. С его помощью мы можем подобраться к Захватчику издалека, невидимыми для его детекторов. Так вот, это был юпитерианской проект. Они создали его, следовательно, он был у них изначально. Другими словами, между временем его изобретения и тем временем, когда они передали его нам, был достаточно долгий промежуток, когда они имели над нами преимущество. И есть лишь одна причина, почему они так легко передали нам эту разработку, а именно — она им больше не нужна!

— Похоже на правду, — печально сказал Херефорд.

— Прекрасно. А теперь, зная юпитериан — и, между прочим, с каждый днем узнавая все лучше, — я прихожу к заключению, что они отдали нам этот источник энергии и двигатель не потому, что у них появилось нечто лучшее, а потому, что он уже выполнил для них свою роль. Я убежден, что в настоящую минуту к Захватчику уже летят корабли-невидимки юпитериан, а может, даже уже... но я не хочу об этом думать. — Белтер взмахнул рукой. — Следовательно, нам предстоит маленькая прогулка. Мы должны быть там первыми. А если и не станем первыми, то должны сделать все, что можем, когда доберемся туда.

ШЛЮПКА, С ПОГАШЕННЫМИ огнями и выключенным двигателем, дрейфовала к Захватчику. В этой части избранного эллипса скорость ее была низкой, и остановки были столь же привычными, как мурлыканье двигателя в кормовой части шлюпки-невидимки. Херефорд и Белтер заговаривали тоже шепотом, словно громкие голоса могли быть уловлены таинственным экипажем металлического убийцы сквозь стенки и пустоту космоса.

— Мы прошли сквозь его поле, отражающее метеориты, — прошептал Белтер. — Не знаю, что и подумать. Мы в самом деле сумеем добраться до него, или он просто играет с нами?

— Он не играет, — мрачно отозвался Херефорд. — Простите вопрос неспециалиста, но я не понимаю, как так может быть, что у него нет никаких способов обнаружения кораблей-невидимок такого типа? Поскольку он использует снаряды на таком же принципе, каким воспользовались мы, то должна же у него быть какая-то защита от них.

— Его защита в большом диапазоне отражающего противометеоритного поля, — ответил Белтер. — Его снаряды являются охотниками, то есть следуют за целью, куда бы она ни направилась. Защита заставит их маневрировать до тех пор, пока снаряды не истратят свое топливо. Затем ими займутся противометеоритные пушки.

— Очевидно, это самое эффективное оружие в его арсенале, — с надеждой сказал Херефорд.

— Насколько мы знаем, — отозвался Белтер, испытывая несколько иные чувства. — Я больше не могу ждать. Попробую чуть-чуть включить двигатель. А то мне кажется, что мы неподвижно висим тут потому, что нас давно уже обнаружили.

Херефорд напрягся, затем кивнул в темноте. При создании шлюпки удобства находились на последнем месте. Они оба могли лишь лежать или ползать на четвереньках. И даже не могли вытянуться во весь рост. Они находились в этой тесной тюрьме столько дней, что не хотели и думать об этом.

Белтер коснулся пульта управления и пустил шлюпку вперед. Блок питания не стал урчать громче, но они отчетливо почувствовали толчок ускорения.

— Я хочу облететь его вокруг, — шепнул Белтер. — Нет смысла слишком уж осторожничать. Если он не засек нас до сего момента, то не думаю, что обнаружит теперь.

Он протянул другую руку к пульту, и нос шлюпки слегка переместился относительно киля Захватчика.

Четыре часа шлюпка летала вокруг Захватчика. Его уродливый, выглядящий слепым корпус, лишенный люков и отверстий дюз,

буквально приводил людей в бешенство. Захватчик спокойно летел по своей орбите, самоуверенно не обращая ни на что внимание, абсолютно уверенный в себе. Белтер вдруг вспомнил свою безумную детскую любовь. Это была не очень симпатичная девочка, но желание постоянно быть рядом с ней сводило его с ума. На лице ее была постоянно спокойная, равнодушная маска. Белтер не жаждал ее. Он лишь хотел нарушить это спокойствие, разбить стены ее цитадели. Одновременно он чувствовал, что в душе она вовсе не злая. И вот теперь то же самое чувство навевал на него этот чужой корабль. В этом громадном убийце было нечто безжизненное, непримиримое, неизбежное.

Что-то стиснуло ему руку. Белтер дернулся от неожиданности, ударился головой о низкий потолок, рука его невольно нажала сильнее рычаг управления. Корабль повернулся, и Белтеру пришлось возвращать его носом к Захватчику. Он яростно выругался, потом понял, что руку сжал ему Херефорд, потребовавший внимания, и раздраженно спросил:

– Ну, что?

– …отверстие. Люк или что-то подобное. Вон там, глядите!

На закругленном темно-сером корпусе действительно было темное пятно.

– Да-да, вижу… Как вы думаете… – Белтер откашлялся и продолжал: – Мы пойдем внутрь?

– Да. М-м… Белтер!

– Что?

– Прежде чем мы сделаем это… Скажите, почему вы захотели, чтобы с вами полетел именно я?

– Потому что вы – боец.

– Глупая шутка.

– Это вовсе не шутка. Вы будете бороться за каждый пройденный дюйм, Херефорд.

– Может, и так. Только не говорите, что вы взяли меня потому, что я могу хорошо драться.

– Не потому, друг. Но из-за этого. Вы хотите уничтожить Захватчика на благо системы. Я хочу сохранить его на благо Системы, как понимаю это благо. Вы могли бы добиться своего при помощи своего Объединения пацифистов. Всего лишь несколько слов, и вы поставили бы крест на нынешнем проекте. Я взял вас с собой, чтобы помешать сделать это. Я думал, что если вы будете там, где я могу контролировать вас, тогда я буду меньше рисковать за получением защиты от «Смерти».

– Да вы сам дьявол! – полуслепотом воскликнул Херефорд, и в голосе его прозвучало нечто среднее между гневом и восхище-

нием. – А что, если я попытаюсь уничтожить Захватчика – конечно, если мне представится такой шанс?

– Тогда я убью вас, – очень искренне ответил Белтер.

– А вам не пришло в голову, что ради своих убеждений я могу попробовать то же самое?

– Пришло, – быстро сказал Белтер. – Только вы бы не сделали этого. Вы не сможете никого убить. Послушайте, Херефорд, вы выбрали странное время, чтобы забавляться диалектикой.

– Нисколько, – добродушно сказал Херефорд. – Каждому хочется знать о планах соседа.

Белтер занялся управлением шлюпки. В голове у него вертелись панические мысли. Что, если источник энергии, например, выйдет из строя? Или, предположим, Захватчик переключит детекторы на такую частоту, с которой не сможет справиться камуфляжное устройство шлюпки? А как насчет противометеоритного поля? Выдержит ли шлюпка, если неприятель обнаружит их и отбросит отражающим полем? С внезапным ужасом он подумал о плохо разработанной схеме проводки в шлюпке. Провода проходят слишком близко друг к другу. Что, если произойдет короткое замыкание вследствие окисления проводников или из-за какой-нибудь вибрации? *Сделай же что-нибудь, кричал ему внутренний голос. Пусть это будет неправильно, но действуй!*

Шлюпка подлетела к самому корпусу и, по мере их приближения, дыра, казалось, жадно раскрывалась им навстречу. Белтер уравнял скорость шлюпки со скоростью Захватчика и чуть подался к черному пятну, не касаясь его края.

– А нам не нужно отключить камуфляж перед тем, как мы войдем внутрь, как это сделал снаряд на Заставе? – прошептал Херефорд.

– Да? А зачем?.. А! Вы хотите сказать, что внутри детекторы Захватчика уже не могут действовать. А если мы окажемся в металлической камере, то устройство камуфляжа примется отражать снова и снова уже отраженные волны. – Белтер протянул руку к управлению камуфляжем. – Но я хочу подождать, пока мы не окажемся внутри. Мне совершенно не хочется быть отброшенным, как метеорит.

С бесконечной осторожностью управляя рычажками и кнопками управления, Белтер ввел шлюпку в дыру. Затем, когда она полностью оказалась внутри, мгновенно отключил камуфляжное устройство, и лишь потом понял, что прикусил язык.

Странно, но камера, в которой они оказались, была освещена. Свет был тусклый, без теней, и какой-то тошнотворно-зеленоватый. Потолок и облицовка переборок были под цвет освещению. Впереди тянулась длинная эстакада, разбитая на ячейки, в которых

покоились снаряды, такие же, как тот, что им удалось поймать и исследовать. Подъемники и конвейер вели от снарядов к открытому люку. Конвейер, как и то, что в камере никого не было, указывали, что все управление тут полностью автоматическое.

— Снова снаряды-невидимки, — проворчал Белтер. — Наша шлюпка достаточно походит на них, чтобы войти в одну из ячеек. А при таком безумном освещении никто не заметит разницы.

— Здешнему экипажу это освещение, вероятно, не кажется безумным, — возразил Херефорд.

— Об этом мы подумаем позже. А пока что наденьте скафандр.

Довольно долго провозившись в тесноте, они надели легкие скафанандры и загерметизировали их. Белтер еще раз показал старику, как управлять подачей кислорода, влажностью, температурой и силой тяжести, чтобы быть уверенным, что он справится со скафандром.

— А еще не забудьте о радио. Я думаю, пользоваться им будет безопасно, но, на всякий случай, не включайте его без крайней необходимости. Если мы будем стоять рядом друг с другом, то сможем разговаривать, соприкоснувшись шлемами.

Несколько минут ушло на то, чтобы поставить шлюпку в пустую ячейку. За это время они немного привыкли к скафандром. Когда шлюпка встала на место, Белтер открыл шкафчик и достал два бластера. Затем, разблокировав аварийный люк, повернулся к Херефорду и протянул ему один бластер. Херефорд взял оружие, но наклонился вперед и коснулся шлема Белтера. Голос его звучал глоухо, но ясно.

— Зачем это?

— Для моральной поддержки, — коротко ответил Белтер. — Можете его не использовать. Но два вооруженных человека звучит лучше, чем два человека, один из которых вооружен.

Они нащупы проползли через люк и обогнули корму шлюпки. Прикосновение перчаток к металлу напомнило Белтеру, где он находится, и на мгновение колени его задрожали. Душа у него вдруг преисполнилась изумлением. Оттого, что он прилетел сюда в специально оборудованной спасательной шлюпке. Оттого, что он проник через защитные экраны Захватчика и подлетел вплотную к нему. Оттого, что, когда он приблизился, открылся автоматический люк, и он влетел внутрь. *Точно таким же способом, усмехнулся про себя Белтер, я попал в армию, а после проник в политику.*

Они нашли нечто похожее на лестницу. Вверх вела структура из ромбов, приваренных ребрами к переборке. Ромбы были узкими и располагались слишком близко друг к другу. На ребрах были видны вытертые следы длиной сантиметров восемнадцать-двад-

цать. Что же за существа могли подниматься по этой лестнице, ступая по таким узким ребрам?

Юпитериане.

Белтер взглянул на Херефорда, который показал на следы, и понял, что Херефорд думает то же самое. Он пожал плечами и ткнул рукой вверх. Когда они полезли по этой лестнице, Белтер оказался первым.

Наверху они очутились в коридоре, слишком низком, чтобы могли стоять прямо. Коридор был треугольного сечения, острым углом вниз и расширением к низкому подиуму. Боковые плитки были отполированы чьими-то ногами. Существо, которое могло ходить по такому коридору, упираясь ногами в стенки, было независимо от гравитации или ускорения в любом направлении.

— *Черт побери!*

Белтер подскочил, точно в него вонзили шило. Херефорд пошатнулся и устоял на ногах лишь благодаря магнитным захватам ботинок. Одно слово, проревевшее внезапно в их шлемах, произвело такой эффект, что Белтер чуть было не проглотил язык. В тусклом зеленоватом свете он тронул за плечо Херефорда, показал на себя и покачал головой. Тот повторил его жест. Итак, это выкрикнули не они.

— Паршивые юпитериане...

Осененный внезапной догадкой, Белтер тронул Херефорда, и они поползли обратно к входу в отсек с бомбами. Там Белтер лег и осторожно высунул голову из люка.

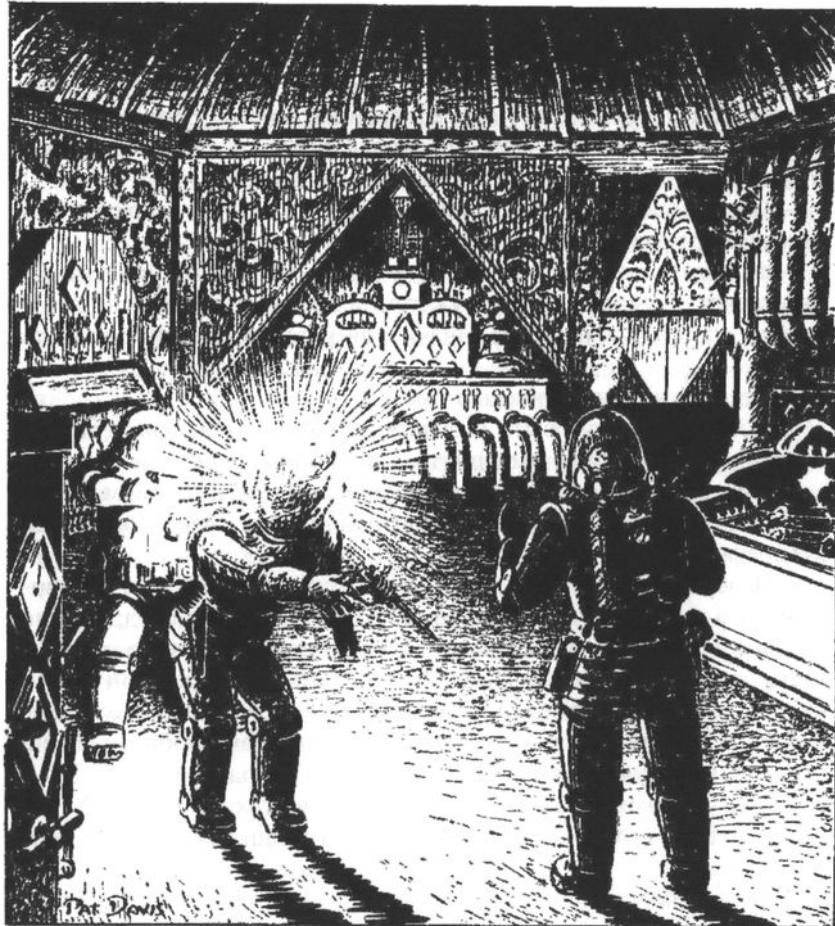
Что-то длинное, невозможно черное лежало на палубе внизу. Белтер крепко закрыл глаза, затем широко распахнул их, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть в туманном зеленоватом освещении. Наконец, он различил небольшую фигурку, выползающую из... спасательной шлюпки.

Человек. Человек, который, как и они, проник сквозь защитное поле Захватчика. Человек в спасательной шлюпке-невидимке.

Но ведь никто, кроме нескольких инженеров, и понятия не имел, что такие шлюпки уже готовы. И, конечно, кроме Совета. Человек исчез обратно в шлюпке. Та дрогнула и опустилась в свободную ячейку и закрепилась там магнитными замками. Человек вылез из люка с бластером в руке и пошел, вертя головой во все стороны.

Белтер наблюдал за ним, пока тот не заметил лестницу. Тогда Белтер поднялся на ноги и, как только позволял ему неудобный пол, поспешил к Херефорду. В наушниках шлема слышалось тяжелое дыхание незнакомца.

Белтер прикоснулся своим шлемом к шлему Херефорда.

— Это марсианин, — прошептал он. — Можно было заранее догадаться, что это будет марсианин. Лишь марсиане настолько глупы, чтобы полезть внутрь чужого, враждебного корабля.

Он заметил, как поднялись брови Херефорда, но тот не стал никак комментировать его заявление. Он молчал, пока пробирался за Белтером по коридору к ближайшему повороту. Прежде чем свернуть, Белтер осторожно заглянул за угол. Коридор был пуст. Невероятно, но они по-прежнему не встретили ни малейших признаков жизни.

За поворотом в наклонной стене была треугольная дверь. Белтер поколебался, затем толкнул ее. Она не поддалась. Тогда он принял отчаянно царапать по гладкой поверхности, но не нашупал ни ручки, ни кнопки. Херефорд взял его за руку, потянул и, когда

Белтер отошел, опустился возле двери на колени и принялся шарить вокруг по полу. Внезапно дверь бесшумно скользнула назад.

Белтер заглянул в нее, приглядевшись. Но в комнатушке не было ничего, кроме кучки какой-то изодранной массы. Белтер махнул старику. Херефорд скачком преодолел порог, и как только опустился на пол, дверь за ним скользнула на место.

— Как вы сумели открыть дверь? — спросил Белтер, соприкоснувшись с Херефордом шлемами.

— Их ноги... хватательные... как у обезьян... Иначе они не могли бы ходить по такому полу, и уж тем более, подниматься по лестницам, состоящим из ребер. Значит, дверные ручки должны быть в полу.

Белтер восхищенно покачал головой.

— Вот какие могут быть результаты, когда вся жизнь человека состоит в том, чтобы размышлять, — пробормотал он себе под нос.

Потом повернулся к двери и прикоснулся к ней шлемом. И услышал тихие, осторожные шаги марсианина. Он снова повернулся к Херефорду.

— Наверное, мне нужно пойти туда и надрать ему уши. У марсиан же в головах нет мозгов. Он так и будет переть вперед, пока не отыщет рубку управления, даже если придется пройти по головам всего здешнего экипажа. Но сейчас я очень заинтересован в том, чтобы он поскорее ушел. Мы находимся в положении — хуже некуда. Как вы думаете, мы можем пойти за ним так, чтобы он нас не заметил, и в случае чего оказать ему огневую поддержку?

— Нет никакой нужды в предосторожностях, — заявил Херефорд, и голос его, искаженный шлемом, походил на далекий звон колокола.

— Что вы имеете в виду?

Херефорд махнул рукой в сторону странной кучки в углу. Белтер подошел к ней, опустился на колени и протянул руку. Замерзшее вещество рассыпалось от малейшего прикосновения, и это показалось ему знакомым. В ужасе он отшатнулся.

— Оно... мертвое, — прошептал он.

Херефорд прикоснулся к нему шлемом.

— Что?

— Оно мертвое, — тупо повторил Белтер. — Оно обезвожено и заморожено.

— Знаю. Вы помните три самых больших юпитерианских военных корабля?

— Да... — пробормотал Белтер. — Они не могли спастись от «Смерти», и заранее настроили аппаратуру... — Он встал. — Давайте пойдем, обставим этого дурака-марсианина.

Они покинули комнатушку и прошли до конца коридора. Там была еще одна лестница. Они поднялись по ней, и находящийся впереди Белтер остановился.

— Я думаю, нам лучше попробовать найти рубку управления. Марсианин станет искать ее в первую очередь.

В конечном итоге, они нашли ее раньше марсианина, может быть, потому, что не были столь осторожны. Наверное, они где-то разминулись с ним, что было не удивительно в лабиринте коридоров и проходных помещений, составлявших внутренности корабля. Они по-прежнему избегали пользоваться рациями в шлемах, поскольку Белтер не хотел, чтобы марсианин узнал о них.

Открыв очередную раздвижную дверь в конце очередного коридора, Белтер ступил через порог и остановился так резко, что Херефорд ткнулся ему в спину.

Перед ними раскинулось неожиданно просторное помещение. Переборки были утыканы ромбовидными индикаторами, а на потолке были слабо освещенные фрески. Они светились и мерцали так, как впервые свет их отличался от повсеместного темно-зеленого, то эффект они создавали отвратительный.

Посреди помещения была пара пультов управления, в форме V, указывающего вперед, и V, направленного на корму. Между этими двумя V-образными пультами был проход. А перед пультом находилось существо, склонившееся над управлением.

Это был юпитерианин.

И он жив.

Существо пошевелилось, с трудом поднявшись с возвышенной части деки, на которой восседало. Оно было заключено в прозрачный и явно герметичный скафандр. Как только оно начало подниматься, Белтер и Херефорд бросились в стороны, стараясь не попасть ему на глаза. Белтер выхватил бластер.

Но существо, очевидно, не знало о них. Оно медленно повернулось в противоположный угол комнаты, и сенсорные органы на его щупальцах порозовели.

Из угла помещения понеслись лязг и тяжелые удары, которые Белтер воспринял как вибрацию, передавшуюся через ботинки скафандра. Затем стена засветилась, на ней появился красный круг, который почти мгновенно побелел. На мгновение стена вздулась, затем опала, растекаясь расплавленными ручейками. Из образовавшегося отверстия выпрыгнул марсианин с бластером в руке. *Возможно, он так открывал все двери, с отвращением подумал Белтер. И почему марсиане вечно проламывают себе дорогу?*

Оказавшись в стороне от растекающегося пролома, марсианин остановился, как вкопанный. Затем заметно побледнел, явно ис-

пуганный открывшимся ему внушительным зрелищем. Затем его пристальный взгляд проследовал в центр рубки.

— Значит, все-таки есть защита, — проворчал он, и не подумав выключить рацию. — Так я и думал, что это юпитериане. Я был уверен в этом. Кого вы думали одурачить, отправив массу своих соплеменников на Титане? Захватчик, ха! Чужая цивилизация! Иди сюда! Я знаю, что ты понимаешь меня. Я хочу узнать, как управлять этим кораблем и защитой от «Смерти». И нет никакого смысла пытаться позвать на помощь своих дружков. Я видел, как они валяются по всему кораблю. Все дохлые. Но ты как-то спасся, и я хочу узнать, как.

Он поднял бластер. Юпитерианин задрожал. Белтер поднял левую руку и уперся ею в стену, а ствол бластера положил на левое предплечье, чтобы было надежнее целиться. Херефорд тронул его за плечо.

Белтер резко повернулся к нему, но старик покачал головой и неожиданно улыбнулся. Потом протянул руку к поясу, тоже включил радио и сказал:

— Опусти свой бластер, сынок.

Его голос произвел на марсианина совершенно уничтожающий эффект. Он выпрямился, как столб, бросил оружие на пол. Затем шагнул назад, и в наушниках послышалось его тяжелое дыхание.

Белтер прошел чуть дальше в помещение и отступил к левой переборке, остановившись там, где мог держать на прицеле и марсианина, и юпитерианина. Херефорд прошел вперед, нагнулся и поднял брошенный бластер.

— Советник-миротворец, — пропыхтел марсианин. — Что вы здесь делаете?

— Пытается помешать вам использовать силу вместо мозгов, — ответил Белтер. — А вот что делаете вы?

— Провожу разведку, — коротко ответил марсианин.

— Для кого?

— А как вы сами думаете?

— Я думаю, для Марса, — прямо сказал Белтер. — Ведь было бы так здорово, если бы у Марса вдруг оказалась защита от «Смерти». Вас ведь давно уже раздражало заключение мира.

— Мы еще не сошли с ума, — вызверился на него марсианин. — Мы никогда не заключали мира с Юпитером. Мы слишком хорошо знаем их. И взгляните теперь. — Он указал рукой на юпитерианина.

— Какой симпатичный способ уничтожить часть оборонной мощи Системы. Нужно всего лишь несколько лет поиграть в Захватчика и запугать все Человечество. А потом использовать панику в своих интересах. Ха! Соглашение с Юпитером! И почему вы не истре-

били их тогда, когда имели такую возможность? А теперь, если Марс получит защиту, мы наведем здесь порядок. И, возможно, когда развеется дым, мы будем достаточно великодушны, чтобы позволить Земле и Колониям работать на нас.

– И опять-таки лишь убийства и сила, – восхищенно сказал Белтер. – Типичная марсианская речь.

– Да не хвастайтесь вы своим умом! Факт, что наш советник передавал нам информацию о строительстве секретных шлюпок-невидимок. Если вы не поняли этого, то это – ваши проблемы.

– Да все мы поняли, – сказал Белтер. – И держали его под контролем. Ведь я не напрасно стою сейчас здесь.

– Недолго, – рявкнул марсианин, делая длинный скользящий шаг в сторону.

– Херефорд, берегитесь!

Белтер выстрелил в марсианина, но опоздал. Марсианин уже был за спиной Херефорда и пытался вырвать свой бластер, который старик все еще держал в руке. Херефорд хотел отскочить, но не сумел оторвать ботинки с магнитными подошвами от пола и лишь пошатнулся. Марсианин неожиданным движением вдруг выхватил бластер из кобуры Херефорда, отскочил и прицелился в Белтера.

– Я так и думал, что этот слюнтяй не решится выстрелить, – рассмеялся он. – Поэтому сперва вы, Белтер, а потом уж наш старый миротворец, отправитесь прямехонько в ваш рай. А у меня будет защита от «Смерти», и не важно, станет мне в этом помогать вон тот паук, – он махнул стволом бластера в сторону юпитерианина, – или нет.

Он снова прицелился в Белтера, и тот понял, что это конец. Выстрелить в марсианина он не успевал, оставалось лишь закрыть глаза и ждать... Секунды бились в висках. Но ничего не происходило. Тогда он осторожно попробовал открыть глаза и с удивлением обнаружил, что может видеть. И он замер, глядя на Херефорда, который только что прострелил марсианину голову. Магнитные подошвы держали марсианина на ногах, но тело обмякло, а воздух из пробитого шлема шел вверх, зависнув туманом над мертвецом, точно душа, покидавшая его грешное тело.

– Я убил его, верно? – печально спросил Херефорд.

– Чтобы спасти мир, – дрожащим голосом ответил Белтер, подошел к старику и взял у него из руки бластер, который все еще был направлен на мертвеца. – Убийство – это весьма относительное преступление, Херефорд. Ведь вы спасли мне жизнь.

Он подошел к пульте управления и протянул к нему руки, стараясь не думать о звуках, которые издавал за его спиной Херефорд. Потом посмотрел через пульт на кучу желе и костей, бывшую юпи-

терианином. Многое бы он отдал сейчас за автоматический переводчик, но такой аппарат еще никому не удалось сделать переносным.

— Юпитерианин, вы понимаете меня? — спросил Белтер. — Расправьте свою мембрану, если «да». Сожмите, если «нет».

Да. Существо это было прекрасным телепатом, но люди-то не умели читать его мысли.

— Есть ли что-нибудь на этом корабле, что может служить защитой от «Смерти»?

Да.

— Вы разбираетесь в этом?

Да.

— Вы поделитесь своими знаниями с Советом?

Да.

— Вы можете деактивировать всю автоматику на корабле?

Вместо ответа юпитерианин выпустил одно из своих четырех щупалец и дотянулся до пульта. Он нажал небольшой ромб, тот засвятился оранжевым, а рядом с ним появился переключатель. На прямой стороне переключателя был очень простой символ — две точки, соединенные двумя черточками, протянувшимися на две трети между точками, а в последней трети они сливались вместе. Очевидно, переключатель мог находиться лишь в позиции «открыто» или «закрыто». Белтер положил на него руку и взглянул на юпитерианина.

Мембрана расправилась. Да. Он щелкнул переключателем, и автопилот тут же отключился.

— Вызываю Генеральную Ассамблею, — тихонько сказал в микрофон Белтер. — Раз и навсегда закрыт вопрос о Захватчике, а также о сопровождавших его диких слухах о защите от «Смерти», межзвездных двигателях, будущей войне между членами Федерации Солнца и тому подобных выдумках.

Говорил он четко, старательно подбирая слова, буквально чувствуя, как его речь слушают члены правительства во всех мирах, во всех Куполах и во всех кораблях.

— Вы еще услышите подробную историю нашего с Херефордом прибытия на борт Захватчика и о более позднем появлении там марсианина, который... — Белтер откашлялся, — ...который погиб от несчастного случая. Но я хочу прямо сейчас сообщить всем, что нет никаких доказательств, что этот человек являлся представителем Государственного Управления Марса или любой из его структур. Мы пришли к заключению, что действовал он частным порядком в приливе того, что можно назвать избытком патриотизма. Теперь относительно присутствия на корабле юпитерианина — что совершенно понятно. Юпитер — побежденная планета. Рискну сказать, что любая наша группировка в подобной ситуации совешила

бы действия, подобные юпитерианским. Могу также добавить, что на Защитнике не найдено ни одного официального представителя юпитерианского правительства. То, что таковой мог просто погибнуть во время атаки «Смерти», всего лишь предположение, которое не должно никого вводить в заблуждение. Передо мной сейчас лежит расшифровка заявления юпитерианина. Можете быть уверены, что все факты проверены, тесты на усталость металла и изучение кристаллической структуры, а также полураспада радиоактивных отходов в машинном отделении подтверждают это заявление. Зачитываю саму расшифровку заявления:

«В соответствии юпитерианским основным принципам, я сел в юпитерианскую спасательную шлюпку-невидимку и улетел в ней, прежде чем улучшенный двигатель был предъявлен Военному Совету Объединенной Солнечной Системы. Я осторожно приблизился к Захватчику и убедился, что камуфляж моей лодки работает. Попав внутрь, я поставил шлюпку в бомбовую ячейку Захватчика, где она была успешно спрятана, так как размерами и формой весьма походила на бомбы. Потом я прошел внутрь корабля, на каждом шагу ожидая встретить сопротивление. Но не было никого. Все люки были открыты, за исключением хранилища боеголовок, чтобы не допускать распространения радиации. Я прошел в рубку управления и нашел там управление оружием всего корабля. Но самым важным моим открытием была находка мыслезаписей. Захватчики, как и юпитериане, были телепатами, и, после небольшого привыкания, мне стали понятны их мыслезаписи. Одну такую запись я хочу процитировать:

«*Мы живем на Сигоне, большей из двух планет Сикора, звезды в Симаке. Меньшая планета, известная нам как Гиз, населена безумной расой, ошибкой природы – расой, которая сражается и уничтожает себя в войне друг с другом и с соседями, расой, которая стремится к завоеваниям просто ради завоеваний, которая занимается поисками ради поисков и убивает ради получения удовольствия. И в течение всей эволюции она пожирает саму себя, воюет сама с собой. Их планета достаточно большая и пригодная для жизни, но это их не удовлетворяет. На Сигоне нет места для этих злобных животных, поскольку даже свою атмосферу они должны таскать с собой в пузырях, а притяжение Сигона слишком велико для них, они болеют от него и постепенно умирают. Но, не нуждаясь в Сигоне, они все равно готовы воевать с нами за него. Мы уничтожаем их сотнями тысяч, но, тем не менее, они продолжают прибывать. Они создали невероятное оружие против нас, но мы усовершенствовали его и нанесли ответный удар. Тогда они усовершенствовали наше усовершенствование и продолжали воевать, совершенно*

игнорируя неизбежность их истребления. Их абсолютное оружие – страшная штука, которая разжигает клетки наших, и от него нет никакой защиты. Когда его использовали в первый раз, то уничтожили большую часть нашей расы. Остальные направили все ресурсы на создание «Вечной Мести» – этого вот корабля. Он создан таким образом, чтобы атаковать что угодно, если от него исходит излучение, обладающее характеристиками разумной жизни. Корабль будет крейсировать в системе Сикора и уничтожать гизов и им подобных. Гиз, конечно же, нанесет удар своим ужасным оружием, и весь экипаж корабля погибнет, но корабль, тем не менее, будет действовать автоматически. Гизы обрушат свой ужас на Сион, и наша раса погибнет. Но корабль будет продолжать атаковать и атаковать, и, в конечном итоге, уничтожит всех гизов. А если гизам будет суждено вновь возродится и создать новую расу, и если та раса достигнет уровня цивилизации, приближенного к уровню ее предков, корабль снова станет действовать, пока не уничтожит их. Он будет атаковать с каждым разом все мощнее, потому что в промежутках между атаками будет ложиться на орбиту вокруг Сикора, поглощая и запасая его энергию.

Возможно, настанет время, когда Сикор остынет или вспыхнет Сверхновой, или взорвется, или столкнется с какой-нибудь блуждающей звездой. Возможно, тогда наш корабль перестанет существовать, но, может, улетит во тьму, чтобы никогда больше не пробудится к активным действиям. Но если в своем бесконечном полете он попадет в систему, аналогичную породившей его, тогда он принесет смерть и ужас обитателям той системы. Если так случится, то это будет несправедливо, но это будет лишь последствиями того зла, что несут с собой гизы».

Белтер помолчал, затем поднял голову.

– Вот с чем мы сражались. Вероятно, этот корабль очень долго летал вокруг Солнца, пока мы не разбудили его автоматику своей войной с телепатами юпитерианами, кораблями, пальбой из бластеров и ракетами. И если бы не победили, то рано или поздно этот корабль уничтожил бы всех в Солнечной системе.

И еще одно хочу я сказать вам. Судя по фотографиям звезд, найденных в обширном архиве Захватчика, а также по результатам тестов и исследований, о которых я уже упоминал, Захватчику немногим более четырнадцати миллиардов лет.

Существует защита против «Смерти». Нельзя убить мертвецов. А теперь я передаю слово вам, Херефорд.

(Astounding Science Fiction, 1948 № 2)

ЗВЕЗДЫ ЭТО СТИКС

КАЖДЫЕ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ кому-то приходит в голову назвать меня Хароном. Но прозвище остается ненадолго. Наверное, я просто не похож на него. Как вы помните, Харон – это мрачный перевозчик, который водит лодку через реку Стикс, переправляя на Другую Сторону души усопших. Обычно его изображают в виде мрачной, молчаливой фигуры, худой и высокой.

Бывает, меня называют Хароном, хотя я на него не похож. Я уж точно не молчалив, и я не хожу в развеивающемся черном плаще. Я слишком толстый. А, может, и слишком старый.

Но, тем не менее, меня то и дело называют Хароном.

И это весьма проницательное прозвище. Я действительно перевожу человеческие души, и почти для половины из них звезды – самый настоящий Стикс, потому что они никогда не вернутся назад.

У меня есть две вещи, которые имел Харон. Правда, первая, немножко отличается от канонической, потому что мои души потеряли только один мир, а другой раскрылся перед ними.

Другая же относится к малоизвестному фрагменту легенды о Хароне. И она, мне кажется, стоит, чтобы о ней рассказать.

Это рассказ о Джадсоне, и как бы я хотел, чтобы он сам рассказал его, но это глупое желание, ведь рассказ как раз о том, почему его нет здесь. Существует Бордюр, место, откуда отправляются на Другую Сторону. Это очередной искусственный спутник Земли, неторопливо летящий перед Луной. Он создан 7800 лет назад для обычных межпланетных сообщений, хотя теперь таковых давно уже нет. В наше время так просто синтезировать все, что угодно, что нет никакого резона завозить это откуда-то ни было. Все, что нам нужно, так это энергия, и ее вокруг море. Вокруг вообще есть много чего, включая и ненадежность, хотя за ней нужно отправиться на Бордюр, причем быть кем-то вроде вечного неудачника Джадсона.

Но эта якобы ненадежность жизненно важна для всего проекта под названием «Бордюр». В стабильной жизни на стабильной Земле редко встречаются добровольцы для Бордюрного Камня. Но они все же встречаются – предприимчивые, неудовлетворенные, тоскующие, – чтобы заполнить маленькие корабли, которые, в свое время, дадут Человечеству новый сегмент Космоса, такой громадный, что даже с его аппетитом хватит на многие тысяче-

летия. Этот образ преследует многих современных людей – сеть силовых лучей в форме сферы, которая охватывает всю известную часть Вселенной и гигантские сектора еще неизвестной, и по которым, точно мысли по синапсам гигантского мозга, мгновенно пересыпается материя, и человек оказывается в глубинах космоса, даже не успев моргнуть. Образ этот пугает большинство людей и соблазняет немногих, кто избран отважиться на это. Джадсон был избранным.

Я знал, что он прилетит на Бордюр. Знал это уже много лет, с тех пор, как встретил его на Земле. Тогда он был мальчишкой лет тринацати, но уже тогда под его спокойной внешностью и толстой кожей бурлило нечто такое, что должно было привести его к Бордюру. Я понял это, когда он поднял глаза. У него были голодные глаза. Такой голод редко можно встретить на Земле. Этот голод для Бордюра – единственной возможности бегства для нарушителей равновесия из абсолютно сбалансированного социального общества.

Не стоит вздрагивать при словах «нарушитель равновесия». У нас ведь откровенный разговор. В наши дни можно позволить себе быть точкой социальной неустойчивости. Такое редко, но случается. Если человек уже миновал пятнадцать лет основного социального детства и все еще неустойчив, значит, это нечто врожденное, это происходит независимо от его желаний. Но даже тогда самого существования Бордюра вполне достаточно, чтобы большинство из них счастливо улыбались и оставались жить дальше. Но то меньшинство, которое все же летит на Бордюр, делает это, потому что не может иначе. Сюда прилетают лишь раз, и лишь половина из них отваживается на решающее погружение. Остальные либо возвращаются домой – либо остаются здесь на постоянное жительство. Но что бы они ни выбрали, Бордюр позаботится о нестабильных.

Когда вы прилетаете сюда, то делаете это либо потому, что испытываете в чем-то недостаток, либо потому, что хотите чего-то *дополнительно*. На Земле есть все у всех, и у вас тоже есть все это. На Бордюре же можно встретить кого-то, у кого есть то, чего не хватает у вас, либо то дополнительное, чего вы хотели бы. Вы получаете это и улетаете, чувствуя, что Земля хорошее, безопасное место. Либо не получаете – и тогда отваживаетесь на окончательное погружение. И больше ни для кого никогда не имеет значения, счастливы вы или нет.

Я как раз ждал звонка, возвещавшего прибытие шаттла, когда Джадсон прибыл на Бордюр. Джадсон не имел к этому никакого отношения. Я даже не знал, что он прилетел на этом шаттле. Про-

сто уж так получилось, что я оказался Старшим Офицером на Бордюре, к тому же, мне нравится встречать шаттлы. Мне нравится глядеть на людей, прилетающих сюда по самым разнообразным причинам. Они либо остаются здесь, либо нет – это уж зависит от причин их прибытия. Мне нравится смотреть, как они спускаются по пандусу, и гадать, зачем они прибыли сюда. У меня это неплохо выходит. Как только я увидел лицо Джадсона, то сразу же узнал в нем того мальчишку.

Рядом стояла кучка людей, тоже наблюдающих, как выходят прилетевшие. Большинство из них просто глядели на новичков, мрачные, неуверенные. Но парочку постоянных обитателей Бордюрного камня я сразу же отметил. Оба были Охотниками. Один из них тощий, с прилизанными волосами, по имени Уолд. Было понятно, чего он тут ищет. Другую звали Флауэр. У нее были продолговатые, широко посаженные глаза. По последним слухам, она спуталась с пограничником по имени Клинтон.

Но я тут же забыл об этом волке и лисе, когда узнал Джадсона и громко позвал его. Он уронил свой рюкзак и бросился ко мне.

Схватил обе мои руки, крепко сжал их, в то время, как я невольно ударили его по ребрам.

— Я ждал тебя, Джадсон, — усмехнулся я.

— Ну, я так рад, что ты все еще здесь, — ответил он.

У этого парня были песчаные волосы, выпирающее адамово яблоко и настороженные глаза.

— Я здесь уже давно, — сказал я. — А ты разве не знал?

— Нет. Я... я хотел сказать...

— Не пытайся быть тактичным, Джад, — прервал я его. — Я здесь просто потому, что мне больше некуда податься. На Земле никому не нравятся такие смешные толстячки, как я, в эру красивых людей. А окончательно улететь я не могу. У меня левый уклон оси. Я знаю, что это звучит как-то политически, но на самом деле является дефектом сердца.

— Мне очень жаль. — Он взглянул на мою нарукавную повязку. — Ну, ты... По крайней мере, здесь ты Большой Человек.

— Всего лишь *крупный*, — отозвался я, похлопав по своей талии.

— Надо мной Бюро Координации и полуэскадрон Охраны, которые покрывают здешний пирог глазурью. Я просто последняя проверка Улетающих.

— Да-а, — протянул он. — Не ценишь ты себя. Совсем не ценишь. Да вся эта космическая станция ждет, дашь ли ты Улетающему зеленый свет.

— Я всего лишь проверяющий, — повторил я, пытаясь преувеличением смущением скрыть еще большее смущение. — Но на твоем месте, я бы вообще не волновался. Может быть, я ошибаюсь — мы должны провести еще кое-какие тесты, — но если я когда-либо и видел Улетающего, так это тебя.

— Привет, — раздался вдруг шелковый голосок. — Вы уже познакомились друг с другом. Прелестно.

Флауэр.

Было во Флауэр что-то неуловимое от змеи, гипнотизирующей своих жертв. Если брать по частям, то она была весьма средненькой девушкой. Глаза слишком длинные и такие темные, что, казалось, состояли из одного зрачка и слишком белого белка. Носик был великоват, а подбородок маловат, правда, что-то подсказывало мне, что в мире не существовало более идеальных губ. Голос походил на звучание виолончели. Она была высокой, с хрупкой, гибкой талией. И пружинно-стальными ногами. Но если собрать все это вместе, то захватывало дух. Хотя мне она не нравилась. И я тоже ей не нравился. Она никогда не разговаривала со мной, кроме как по делу, а дел у меня с нею практически не было. Она прожила здесь уже довольно долго. Тогда я так и не выяснил, почему. Но

ей не нужно было улетать или возвращаться на Землю – хотя это в порядке вещей, ведь у нас было полно свободного места.

Позвольте мне сказать вам кое-что о современных женщинах и, в частности, о Флауэр, чего вы явно не могли бы знать, если, конечно, не такие же старые и объективные, как я.

Я всегда считал, что одежду нужно использовать для того, чтобы что-то скрывать. И пока одежда хотя бы в малейшей степени оправдывала это свое предназначение, люди в общем и женщины в частности постоянно устраивали суету вокруг чего-то под названием «врожденная скромность» – которой на деле никогда не существовало. Но до тех пор, пока люди зависели от погодных условий, этот миф продолжал жить. Люди обнажали то, к чему мир относился равнодушно, чтобы подчеркнуть интерес к остальному. «Скромность не такое простое достоинство, как честность», – было написано в одной старой книге. Потом одежда, как защита от воздействий атмосферы, начала путаться с одеждой, как украшением, моды приходили и уходили, и люди следовали за ними.

Но последние триста лет вообще уже не было никакой «погоды», как таковой, ни для кого, ни здесь, на станции, ни на Земле. Все больше использовалась одежда лишь для эстетических целей, и человеку оставалось лишь выбрать, что он собирается носить, если вообще собирается что-либо носить. Сережки и татуировки стали так же приемлемы на публике, как сорок метров переливающейся пласти-паутины или двухметровые прически.

Ныне большинство людей здоровы, хорошо сложены и красивы, так что есть на что посмотреть. Женщины же столь же тщеславны, как и всегда. У женщины с физическим дефектом – реальным или предполагаемым, – есть два пути: она может скрыть этот дефект чем-либо, сделанным столь искусно, словно это лучшее место для него, либо может выставить свой дефект напоказ, зная, что ныне никто не осудит ее за это. В наше время судят обычно не по одежке или внешности.

Но женщина, у которой нет никаких дефектов, меняет одежду по своей прихоти. Утром на ней может быть только поясок, а днем она закутывается в драп. Завтра это может быть легкая блузка и брючки в обтяжку. Можно посчитать это многозначительным, если такая женщина *всегда* прикрыта. Она сохраняет свою природную теплоту уже словно бы и вынужденно.

Я углубился в такую древнюю историю не для того, чтобы произвести на вас впечатление своей ученостью. Я использовал ее, чтобы подчеркнуть один очень важный аспект сложного характера Флауэр. Поскольку Флауэр была одной из таких многозначительных. За исключением солярия и бассейна, где вообще никто

никогда не носит одежду, на ней всегда была какая-то блузка или платье.

В день прибытия Джадсона она надела самый пример моих слов. Это был единый свободный комбинезон с прямыми плечами и без рукавов. С обеих сторон, начиная с подмышек и до самых бедер, тянулись разрезы. На горле он был надежно закреплен магнито-зажимом, но оттуда тоже шел разрез до пупка. В длину он не доходил и до середины бедер, а мягкий материал обладал биостатическим зарядом, так что при движении то облеплял, то отскакивал от тела. Так что ее походка могла вызвать возрождение вымершей было профессии любителей подглядывать.

И мгновенно при звуках ее голоса я ощутил какой-то сигнал. Может быть, было что-то в ее взгляде, словно она что-то планировала – что-то конкретно для себя. И еще меня насторожил тот факт, что она заговорила как раз в тот момент, когда я сказал Джаду, что он самый типичный из Улетающих, каких я только видел.

Вот тут я и совершил самую большую ошибку.

– Флауэр, – сказал я, – это Джадсон.

Она тут же воспользовалась моими словами и, быстро покусав нижнюю губу, чтобы она стала более пухлой и яркой, медленно улыбнулась Джаду.

– Я рада, – почти что прошептала она.

Затем у нее достало хитрости улыбнуться мне и пойти прочь, не сказав больше ни слова.

– ...Ох! – сдавленным голосом сказал Джадсон.

– Ты совершенно верно сформулировал, – отозвался я. – Действительно, ох. Ладно, втяни глаза, Джад, пока не выпадети. Сейчас мы поселим тебя в жилище для Улетающих и... Джадсон!

Флауэр как раз спускалась по внутреннему пандусу. И лишь после моего окрика Джадсон вспомнил, что нужно дышать.

– Что? – спросил он.

Я подошел и взял его за руку.

– Пойдем-ка, – сказал я.

Джадсон ничего не говорил, пока мы не нашли ему комнату и затем отправились в мой сектор.

– Кто она? – спросил он, наконец.

– Выносливый цветочек, – ответил я. – Прибилась к Бордюру пару лет назад. Так и не проходила сертификацию. Может, скоро она найдет для этого время, а может – и никогда. Так ты идешь?

– Как проходят сертификацию?

– Я дам тебе кое-какие материалы. Загружу в тебя около фунта знаний – ночей шесть-семь, пока ты будешь спать. Потом проверят

твою физическую и умственную кондицию. Возьмут анализы. И если все будет в порядке, тебя сертифицируют.

— А затем?

Я пожал плечами.

— А дальше как хочешь. Ты прилетел на Бордюр добровольно. Можешь Улететь. Можешь остаться здесь. Или вернуться на Землю. В любом случае, ты ни перед кем не должен отчитываться.

— Что значит «добровольно», если больше не остается ничего другого! — возмутился он.

— И все же это лучший способ. Могу держать пари, что к нам прибывает больше людей, чем если бы это стало «обязаловкой». Я хочу сказать, что это долгосрочный проект — длиной в шесть тысяч лет.

Какое-то время он шел рядом молча, и я был уверен, что знаю, о чем он думает. Для Улетающих нет возврата, у них есть лишь пятьдесят четыре процента из сотни для выживания — это число было достигнуто при помощи таких сложных вычислений, что можно смело назвать его предположением. В современном мире никто не изгоняет людей из-за разногласия во взглядах и мнений. Они уходят сами, по своей воле, — или остаются.

— Я всегда думал, — сказал через какое-то время Джадсон, — что Улетающим выдаются билеты, где прописан конкретный корабль и время отлета. Но если сертифицированные могут Улететь в любое время, как пожелают, то что помешает сделать то же несертифицированным?

— А вот это как раз я собираюсь тебе показать.

Мы прошли мимо офисов Координационного Бюро и направились к пусковым решеткам. Они были отрезаны от Главного Центрального Коридора массивными воротами. Над воротах крупными светящимися буквами были написаны три слова:

ВИД
ГРУППА
ОДНОЧКА

Увидев глаза Джада, я пояснил:

— Это три уровня выживания. Они есть внутри всех нас. Можно судить о человеке по тому, в каком порядке он выстраивает их. Если так, как здесь написано, то он — лучший для выживания. Хорошо придумано, чтобы напомнить об этом Улетающим. — Я наблюдал за его лицом. — Особенно про третьего.

— И неужели никогда не происходит путаницы? — медленно улыбнулся Джад.

— Вот тут и начинается моя особая работа, — усмехнулся я в ответ. — Пусти-ка.

Я положил руку на специальную пластины. Один краткий момент ощутил покалывание в пальцах, затем блестящая дверь скользнула назад. Я прошел через проем и остановился, только когда услышал пораженный возглас Джадсона.

— Ну, идем же, — сказал я.

Он стоял в дверях, навалившись на пустоту.

— Ч-ч-ч... что?..

Руки его были расставлены в стороны, ноги напряжены, словно он пытался пробиться через стальную стену.

Фактически, это было гораздо прочнее стены.

— Вот и ответ на твой вопрос, почему не получившие сертификат люди не могут Улететь, — сказал я. — Пластина отсканировала отпечаток пальцев моей руки. Дверь открылась, и меня пропустило поле Джиллис-Ментона, которое ты сейчас пытаешься проломить. Оно пропустит любого, получившего сертификат, но больше никого. А теперь перестань ломиться, а то может быть хуже.

Я подошел к левой переборке и потрогал находящуюся там вторую пластину, затем позвал Джадсона. Он робко приблизился к невидимому барьеру, но его там не оказалось. Когда Джадсон вошел внутрь, я отнял руку от пластины.

— Второй пластиной, — пояснил я, — управляю лишь я. Никто из не получивших сертификат не может пройти к пусковым решеткам, если я сам не впушу его. Все очень просто. Когда получившие сертификат чувствуют, что готовы, они идут сюда. Могут пройти днем с помпой и маршем. А могут однажды ночью соскочить с кровати и пробраться сюда бесшумно. Большинство так и делает. А теперь пойдем, взглянешь на корабли.

Мы прошли по помещению к ряду низких дверей в дальней стене. Я открыл одну наугад и мы вошли в корабль.

— Это же просто комната!

— Все так говорят, — хихикнул я. — Думаю, ты ожидал космический аппарат межпланетного типа, только более замысловатый.

— Я думал, что они будут, по крайней мере, *похожи* на корабли. Это же просто номер на двоих в каком-то роскошном отеле.

— Может, и так. А теперь идем дальше.

Я показал ему все. Вместительный холодильник с продуктами, автоматические установки для рециркуляции воздуха и, самое интересное из всего, синтезатор, который создавал из чистой энергии еду, топливо, инструменты и любые материалы.

— Это более похоже на Бордюр, чем космическая станция, Джад. Это целый мирок на одного человека. Когда ты решишь пуститься

в путь, то нажмешь вон на тот рычаг у двери. Ты катапультируешься, но ничего не почувствуешь благодаря стасис-полю и искусственной силе тяжести. Как только ты Улетишь, снизу в этот слот поднимется другой корабль. К тому времени, как ты выйдешь из зоны тяготения Бордюра и уйдешь в гиперпространство, уже новый корабль будет ожидать пассажиров.

– И все это продолжается шесть тысяч лет?

– Более-менее.

– Это же чертова уйма кораблей.

– Пока сохраняется квота Улетающих, это действительно чертова уйма. Девятьсот тысяч, учитывая сорока шести процентную неудачу.

– Неудачу, – повторил Джад, взглянул на меня, и я выдержал его пристальный взгляд.

– Да, неудачу, – повторил я. – Ожидается, что сорок шесть процентов Улетающих не достигнет своей цели. Тех, кто материализуется внутри твердого вещества. Тех, кто попадет в пространственно-временную петлю, из которой нет выхода. Тех, кто застрянет на стыке пространств и будет ждать, ждать и ждать, пока не умрет от старости, потому что никто не придет к ним на помощь. Тех, кто сойдет с ума и уничтожит себя и своих товарищей по полету. – Говоря, я загибал пальцы. – Сорок шесть процентов.

– Вы можете рассказывать людям об опасностях, – размеренно произнес Джадсон, – но никто никогда не полагает, что он и в самом деле умрет. Смерть – это нечто, что происходит с другими. Я не попаду в эти сорок шесть процентов.

Таков был Джадсон. Мне очень жаль, что его сейчас нет с нами.

Однако, я не стал с ним спорить и продолжил экскурсию. Я показал ему сложную аппаратуру по преобразованию энергии, позволил мельком взглянуть на астрогаторское оборудование и средства ручного управления.

– Но не забивай сейчас себе этим голову, – сказал я. – Все это загрузят в тебя еще до того, как выдадут сертификат.

Мы вернулись на площадку и закрыли за собой дверь корабля.

– В корабле много разного оборудования и припасов, – заметил я, – Но единственное, что не может быть упаковано в банку из-под сардин, это гипердвигатель. Я думаю, ты слышал о нем.

– Кое-что слышал. Первоначальное ускорение, посылающее корабль в пространство второго порядка, дается отсюда, со станции, верно? Но как кораблю вернуться в обычное пространство по достижении цели?

– Эта технология такая сложная, что похожа на мистику, – ответил я. – Я и близко не понимаю ее. Но все же могу дать тебе аналогию. Чтобы накачать шину воздухом, нужны источник энергии, насос и клапан. А чтобы выпустить воздух, достаточно простого гвоздя. Понимаешь, что я имею в виду?

– Смутно. Так или иначе, самое главное в том, что Улетающий может следовать лишь в один конец. Корабли никогда не возвращаются. Верно?

– Абсолютно правильно.

Позади нас открылась одна из дверей, и из корабля вышла девушка.

– О... я не знала, что здесь кто-то есть! – сказала она и направилась к нам быстрыми шагами. – Я вам не помешала?

– Ты... Не помешала ли ты, Твин? – ответил я. – Ни в коем случае.

Мне очень нравилась Твин. Если бы не усталые старческие глаза, она была бы одним из самых прекрасных созданий. Два века назад, прежде чем были установлены действующие и поныне пределы допустимых изменений, Евгеника вывела ее расу с кожей цвета маслин, серебристыми волосами и глубокими рубиновыми глазами. Это был эксперимент, который не следовало прекращать. Альбинизм у ее расы не являлся доминирующим, но в Твин он проявился. У нее были по-настоящему длинные волосы, она могла бы наступить на их концы ступней ноги и выпрямиться. Сейчас волосы были заплетены в две полуциадемы, похожие на настоящее серебро, они окружали горло и потоком струились за ее спиной, так что, когда она шла, казалось, что за ней летит серебристое пламя.

– Твин, это Джадсон, – сказал я. – На Земле мы были друзьями. Что ты тут делаешь?

Она рассмеялась очаровательным застенчивым смехом.

– Я сидела в корабле и притворялась, что лечу далеко-далеко. И внезапно мы посмотрели друг на друга и сказали: «Мы полетим», и ушли. – Лицо ее чуть порозовело. – Это было прекрасно. На днях мы обязательно сделаем этот. Вот увидишь.

– Мы? А, ты имеешь в виду Уолда?

– Уолда, – выдохнула она, и внезапно я на миг страстно захотел, чтобы кто-то когда-то вот так же произнес мое имя.

И тут же я представил себе Уолда, каким видел его всего лишь час назад, гладкого и мягкого, наблюдающего, как выходят пассажиры прибывшего шаттла. Мне нечего было сказать ей. У моих обязанностей есть свои ограничения.

– Вы получили сертификат? – спросил Джадсон с благоговейным трепетом.

– О, да, – улыбнулась она, а я тут же добавил:
– Конечно, Джад. Но у нее свои трудности, верно, Твин?
Мы направились к воротам.

– У меня и правда были трудности, – сказала Твин (Я любил слушать, как она говорит, в ее речи было что-то уютное, успокаивающее, как тишина, которую не замечаешь, когда смолкает всякий шум). Просто сначала, когда я прибыла сюда, у меня не было логических способностей. Некоторые вещи не могла втиснуть мне в голову даже гипнотерапия. Все факты Вселенной не помогут, если не уметь их связать. – Она улыбнулась. – Раньше я ненавидела вас.

– Я вас не виню. – Я взял Джадсона за руку и заставил его отстать на несколько шагов. – Я восемь раз отклонял ее сертификацию. Раньше она приходила ко мне в офис, чтобы получить дурные известия, и уже после того, как я их сообщал, еще долго стояла, переминаясь с ноги на ногу и откашливаясь. А потом она всегда говорила: «Ну, и когда я могу начать переобучение?»

Она догнала нас и, смеясь, воскликнула:

– Вы секретничаете!

Джадсон коснулся ее руки.

– Все в порядке. Я думаю, это очень важно для вас... Должно быть, вы очень хотите получить сертификат.

– Да, – серьезно сказала она. – Очень.

– Можно... Могу я спросить, зачем?

Она посмотрела куда-то мимо него, сквозь него, куда-то вдаль.

– Вся наша жизнь, – очень тихо сказала она, – тут безопасная, гарантированная и такая мелкая. А там, – она махнула рукой назад, в сторону кораблей, – единственное, что отличается от этого. Я могла бы привести вам пятьдесят причин того, чтобы Улететь. Но, думаю все они сводятся к этому.

Секунду мы молчали, затем я сказал:

– Я запишу это в свой блокнот, Твин. Никто не может сказать правильнее. Современная жизнь дает нам бесконечное разнообразие всего, кроме значимости того, что мы делаем. А как раз она-то крошка, почти незаметная.

Говоря, я подумал о больших, толстых, старых работниках станции, отвергнутых одним миром и негодных для другого. Мелочная тяжелая работа для мелких умишек.

– Единственная причина того, что большинство из нас занимается всякими мелочами и обдумывает мелкие мыслишки, – заявил вдруг Джадсон, – заключается в том, что на Земле, в ее благоустроенным обществе, осталось слишком мало настоящей работы.

– И слишком мало настоящих людей для такой работы, – добавила Твин.

Я прикрыл глаза. Это обо мне они говорили. Не думаю, что выражение лица у меня как-то изменилось, но я почувствовал, как оно загорелось.

Мы прошли ворота. Сначала Твин, для которой силового барьера уже как бы и не существовало, затем Джадсон, из осторожности дождавшийся моего сигнала, после того, как пластина просканировала отпечатки всех пальцев моей руки. Последним прошел я, и тяжелые ворота закрылись за нами.

— Хочешь пойти в офис? — спросил я Твин, когда мы вышли в Центральный Коридор.

— Нет, спасибо, — ответила она. — Я хочу найти Уолда. — Она повернулась к Джадсону. — Вы быстро получите сертификат, — сказала она ему. — Я знаю это. Но, Джадсон...

— Скажите же, что хотели, — подбодрил ее Джадсон, увидев, как она замялась.

— Я хотела сказать, что сначала получите сертификат. Не пытайтесь что-либо решать до этого. Честное слово, все, что происходило с вами раньше, не похоже на знание того, что вы свободны в любое время пройти через те ворота, и это совершенно необычное ощущение.

Лицо Джадсона сделалось слегка озадаченным, но по-прежнему упрямым. Затем оно стало спокойным, и я знал, что он силой заставил себя успокоиться. Затем он протянул руку и коснулся ее тяжелых серебристых волос.

— Спасибо, — сказал он.

Твин повернулась и пошла, и ее поспешные шаги сказали нам, что ей не терпится встретиться с Уолдом. В конце коридора она махнула нам рукой и скрылась за поворотом.

— Мне будет не хватать этой девушки, — сказал я, повернулся и снова увидел на лице Джадсона прежнее упрямое выражение. — В чем дело?

— Что она хотела сказать этим сестринским советом о том, что сначала нужно сертифицироваться? Что еще я могу решить сейчас?

Я хлопнул его по плечу.

— Не бери в голову, Джад. Она видит в тебе что-то такое, чего ты еще сам в себе не замечаешь.

Но такой ответ не удовлетворил его.

— Что именно? — И когда я не ответил, он задал следующий вопрос: — Ты ведь тоже что-то видишь во мне, верно?

Мы стали подниматься по пандусу, ведущему в мой офис.

— Ты нравишься мне, — сказал я. — Ты понравился мне с той минуты, когда я впервые увидел тебя несколько лет назад, ты был тогда еще только ребенком.

– Ты сменил тему.

– Да, черт побери, я сменил тему. А теперь давай я не буду болтать языком, пока мы поднимаемся по пандусу.

Я пошел медленнее. С годами пандус казался все круче и круче. Дважды Бюро предлагало мне запустить к офису эскалатор, но я гордо отказывался. Я понимал, что настанет время, когда я стану слишком тяжел для своей лошадки, но сейчас я был рад оставить вопрос Джадсона без ответа. А ответ был прост: он просто был мне симпатичен, я понял это с первого взгляда, инстинктивно. Но нужно было время все обдумать. Нас слишком долго тренировали анализировать свои приязни и неприязни.

Когда мы подошли, раскрылась внешняя дверь. В приемной сидел человек, крупный парень в серой накидке и с золотым обручем на голове, окружавшим иссиня-черные волосы.

– Клинтон! – сказал я. – Как ты, сынок? Ждешь меня?

Для меня открылась внутренняя дверь, и я вошел в свой кабинет, с Клинтоном в кильватере. Я рухнул в свое специально укрепленное кресло и махнул рукой, чтобы они садились. Джадсон неуверенно кашлянул у двери.

– Может, я...

Клинтон резко обернулся напряженным, раздраженным движением. Но когда он сверкнул синими глазами на Джадсона, выражение его лица изменилось.

– Ради Бога, входите! Вы новичок, да? Садитесь. Послушайте. Вы же еще ничего не знаете о проекте. Или о здешнем народе. Или о том, каким привлекательным может быть вид врачающегося спутника...

– Клинт, это Джадсон, – сказал я. – Джад, это Клинтон, самый нудный из всех Улетающих. Что ты хочешь, сынок? – обратился я к Клинтону.

Клинтон облизнул внезапно пересохшие губы.

– Как вы насчет того, чтобы отправить меня – одного?

– Твое право, – сказал я. – Если ты считаешь, что будешь наслаждаться этим.

Он ударил тяжелым кулаком по ладони.

– Ну, тогда так и будет.

– Однако, – продолжал я, уставившись поверх его головы, – корабли созданы для двоих. Лично меня бы немного тревожила перспектива плятиться всю дорогу на пустую койку у противоположной стены. Особенно, – повысил я голос, чтобы помешать ему прервать себя, – если мне придется провести несколько часов, неделю или, возможно, десятилетий, зная, что я один только потому, что полетел так в приступе какого-то безумия.

— Это нельзя назвать приступом безумия, — огрызнулся Клинтон.
— Во-первых, уже много назад я понял, что у меня есть некая потребность. Во-вторых, потребность росла, и я стал искать способы ее удовлетворить. В-третьих, я нашел, что или кто удовлетворит ее. И в-четвертых, я быстро понял, что ошибся в пункте три.

— Ошибся? Или просто *побоялся* ошибиться?

Он тупо поглядел на меня.

— Не знаю, — ответил он, очевидно, выпустив весь пар. — Не уверен.

— Ну, значит, у тебя нет никакой проблемы. Все, что тебе нужно, так это спросить себя, стоит ли лететь одному из-за этой нерешенной проблемы. И если да, тогда лети.

Он встал и направился к двери.

— Клинтон! — Очевидно, голос мой прозвучал слишком резко, потому что он остановился, а краешком глаза я увидел, что Джадсон напряженно выпрямился, поэтому снизил тон: — Когда Джадсон только что хотел уйти, чтобы дать нам поговорить наедине, зачем ты его остановил? Что ты заметил в нем, что заставило тебя это сделать?

Клинтон задумался, его сверкающие синие глаза обратились к Джадсону, который съежился, точно школьник.

— Думаю, — ответил он, — потому, он просто выглядит так, что может понять меня. И что ему можно доверять. Такой ответ вас удовлетворит?

— Вполне, — бодро кивнул я.

— У тебя странный способ воздействовать, — сказал Джадсон, когда Клинтон вышел.

— На него?

— На нас обоих. Откуда ты знаешь, что сделал, обратив проблему на него же самого? Вероятно, он сейчас направляется прямо на корабль.

— Нет.

— Ты опять уверен.

— Конечно, уверен, — сказал я без всякого выражения. — Если бы Клинтон *уже* не решил *не лететь* один — во всяком случае, не сегодня, — то не пришел бы ко мне и не стал бы это обсуждать.

— А что на самом деле беспокоит его?

— Не могу это сказать, — отрезал я.

И я не сказал. Только не Джадсону. По крайней мере, не сейчас. Клинтон был готов Улететь, у него был вид готового Улететь. Он нашел ту, которая, как ему показалось, была для него идеальным партнером. Но она не была готова Улететь. Постоянно была не готова и еще целую вечность не будет готова Улететь.

– Ладно, – сказал Джад. – А как насчет меня? Его слова меня очень смущали.

Я рассмеялся.

– Иногда, когда ты точно не знаешь, как что-то сформулировать для себя, ты можешь заставить совершенно незнакомого человека сделать это за тебя. Почему ты понравился мне с первого взгляда несколько лет назад, а вот теперь и Клинтону? Почему Клинтон решил, что тебе можно доверять? Почему Твин почувствовала необходимость дать тебе совет – и тут же не постеснялась дать его? Почему... – Нет, об этом не надо, об этом пока что не надо. – Ну, это можно перечислять хоть весь день. Клинтон сказал, что *ты можешь понять*. Практически, любой встречный чувствует, что ты можешь его понять... и начинает рассказывать о своем сокровенном... Нам нравится чувствовать, что кто-то нас понимает.

Джадсон прикрыл глаза и нахмурил лоб. Я знал, что сейчас он роется в памяти, вспоминая близких друзей и случайных знакомых... сколько их было... что они значили для него, а что – он для них. Потом он взглянул на меня.

– Я должен измениться?

– Боже мой, нет! Только... не нужно самому *слишком* этому доверять. Я думаю, Твин была права, когда сказала, чтобы ты не принимал никаких решений, пока не достигнешь успокоения, получив сертификацию.

– Успокоение... Я мог бы использовать его, – пробормотал он.

– Джад.

– М-м?..

– Ты когда-нибудь пытался облечь в одну простую формулировку ответ на вопрос: *зачем ты прилетел в Бордюр?*

Он выглядел пораженным. Как и большинство остальных, он жил, не задаваясь вопросом, зачем и для чего. И, как большинство людей, он должен был рано или поздно ответить на главный вопрос жизни: *Что я здесь делаю?*

– Я прилетел потому что... потому что... Нет, это нельзя сформулировать просто.

– Ладно, сформулируй, как хочешь. Если это будет что-то важное, то простая формулировка придет сама собой. Все важное просто, Джад. А все простое – важно. Сложная ситуация может быть захватывающей, пугающей, забавной, интригующей, тревожащей, обучающей – всем, чем хочешь, но если ситуация сложная, значит, она не важна по определению.

Он подался вперед и положил ногу на ногу, стиснул руки и опустил голову.

— Я прилетел сюда... в поисках чего-то. Не потому, что я думал, что это здесь есть. Просто мне больше негде было искать. Вся Земля живет по строжайшему порядку... порядку комфорtabельному, порядку, окруженному роскошью. Удовлетворяются все потребности, которые вы можете потребовать, и, кажется, никто не понимает, что самыми важным, как раз, всегда были потребности, о которых вы и *не слышали*. По всей Земле развитие затормозилось из-за Бордюра. Остановлено все. Правит *статус-кво*, потому что в течение шести тысяч лет, отведенных на проект Бордюра, должно быть одно и то же. Шесть тысяч лет физической и социальной эволюции принесены в жертву ради одного-единственного огромного шага, совершивший который сделает возможным Бордюр. И я не могу найти место для себя в этом застывшем плане, так что единственным для меня выходом было отправиться сюда.

Он замолчал после такой длинной тирады, и я почувствовал, что должен постепенно продвигать его вперед.

— Но ведь могло быть так, что твоя судьба *заключается в том*, чтобы стать счастливым на Земле, просто ты пока что не понял этого?

— О, нет, — тут же ответил он, вскинул голову и уставился на меня. — Минутку, ты же сам подошел там к последней черте. Ты... ты же просто пытаешься вывести меня из себя.

Он нахмурился. На этот раз я промолчал и просто смотрел на него.

— То, что я ищу, — сказал он, наконец, самым доверительным тоном, — является чем-то, чего мне не хватает, или чем-то, что у меня есть, только я еще не понял этого. Если что-нибудь на Земле или здесь сможет заполнить эту пустоту, и если я это отыщу, тогда я не захочу Улететь. Тогда я просто *не должен* буду Улететь. Но если этого здесь не существует, тогда я полечу за ним. Постой-ка!.. — Он пожевал нижнюю губу, потрещал суставами сомкнутых рук. — Я лучше перефразирую это, и тогда у тебя будет простая формулировка. — Он глубоко вздохнул. — Я прилетел на Бордюр, чтобы узнать... нет ли здесь чего-то, что я еще не имею, но что должен иметь... или, может, я сам принадлежу к чему-то, чего у меня еще не было.

— Прекрасно, — сказал я. — Это чертовски хорошо. Продолжай свои поиски, Джад. Ответ где-то здесь, в том или ином виде. Но я так и не понял, что лучше: ты должен или тебе должны? Есть три возможных пути, открытых для тебя, независимо от того, какой ты выберешь.

— Да? Три?

Я принялся загибать пальцы.

– Земля. Это раз.

– Я... понятно...

– Остаться здесь, это два.

Он промолчал.

– И можешь полететь к любому из миров на твой выбор, когда получишь разрешения проходить ворота.

Он встал.

– Мне нужно много о чем подумать.

– Разумеется.

– Но у меня последний вопрос.

Я лишь усмехнулся.

– Ты со мной?

– Пока что – да.

– Когда я начну работать над получением сертификата?

– Да ты уже работаешь. На данный момент ты прошел четыре девятых пути.

– Шутишь! Так все это было...

– Такая у меня работа, Джад. Я все время работаю. А теперь выбрось все из головы. Тебе лучше пойти отдохнуть.

– Собака! – сказал он. – *Старый охотничий пес!* – И ушел.

Я расслабился в кресле и принялся думать. Думал, конечно, о Джадсоне. А также о Клинтоне и его беспокойной идее. Лететь можно, конечно, и в одиночку, но это не удачная мысль. Общение не просто роскошь – это жизненная необходимость, Твин. Какой же прекрасной может быть девушка! И одновременно, такой милой и уютной. Теперь она получит сертификат. Могу поспорить, что они с Уолдом здесь не задержатся.

Затем мои мысли вернулись к Флауэр. Сложим-ка вместе кусочки мозаики... Что-то получается... Готово! Клинтон хочет улететь! Он ждал и ждал, пока его девушка получит сертификат. Но она даже не стала пробовать. Он не хочет ждать дольше. Кто же теперь его девушка?

Флауэр.

Флауэр, которая обратила всю свою энергию на Джадсона.

Но почему на Джадсона? Есть и более сильные мужчины, более умные, более красивые. Что же такого особенного в Джадсоне?

Я отложил эти мысли в дальний уголок памяти. С красной пометкой.

ПРОШЛО НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ. Затем на моем табло засветились номера и зазвенел сигнал. Мне не нужно было искать по списку, кто был этими номерами. Форт и Мэриэллен. Хорошие дети, Улетевшие украдкой, во время ночного периода. Я думал о

них, глядя, как один за другим гаснут индикаторы. Образцы отпечатков ладоней удалены из сканера ворот, больше они никогда не будут использованы. Новый корабль занял место Улетевшего. Их жилища прибрали и подготовили для новых жильцов. Координационному Бюро отправлено сообщение о времени запуска. Запуск зарегистрирован. Компьютеры работали, пока Форт и Мэриэллен не стали лишь молекулами на магнитных лентах... так называемой памяти... записью, которая будет храниться, по меньшей мере, шесть тысяч лет.

Держись, Земля! Жди их, все пятьдесят четыре процента (я надеюсь, я пылко надеюсь на это), которые вернутся. Их родные и друзья будут давно мертвы, все их дети и дети детей их тоже. Так пусть Улетевшие вернутся домой, по крайней мере, на ту же Землю, какую они знали когда-то, к тому же языку, к тем же традициям. Традиции эти будут храниться тысячелетиями в ожидании Улетевших. Земля отдает шесть тысяч лет прогресса в обмен на возможность создать на иных звездах стартовые площадки, чтобы на Марс можно было долететь за минуту, за день до Антареса и еще через день – до Бетельгейзе. Шесть тысяч лет остановки в развитии окупятся всей Вселенной, завоеванным Временем, откроют дорогу к звездам всему Человечеству. Все звезды станут рядом, буквально, соседней комнатой, когда вернутся Улетевшие.

Шесть тысяч оборотов вокруг Солнца, пока Солнце летит по Галактике, а Галактика – по Вселенной. Все это соответствует перемещению Земли на девять градусов по Универсальной Кривой Мье́ллнера. Шесть тысяч лет Бордюр, тратя чудовищную прорву энергии, будет вышвыривать корабли в гиперпространство, а потом они проявятся в Дальнем Космосе. Некоторые окажутся в известной части Вселенной, некоторые – в почти не изученных туманностях, некоторые выйдут из гипера в межгалактической пустоте, а иные появятся в пылающих недрах звезд.

Но когда придет время, уцелевшие корабли появятся в пустоте по поверхности невероятно огромной воображаемой сферы и отправят друг другу энергетические лучи. И как только эти лучи соединятся в единую схему, точно синапсы мозга, каждый луч соединится с соседними, а через них – с Землей.

А затем Человечество сможет мгновенно распространиться внутри всей этой сферы, мгновенно перемещая людей и любые припасы во все звездные системы. Туда можно будет отправлять по частям корабли и космические станции. На совершенно уж неизвестных далеких планетах люди смогут построить приемопередатчики материи, связать их с существующей уже сферой и добавлять к ней новые миры.

А что будет с Улетевшими?

Реальный срок – шесть тысяч лет.

Столько на Земле пройдет времени, пока корабль пройдет через пространство второго порядка и выйдет в наше, обычное.

Форт и Мэриэллен. Хорошие дети. Память о них занесена в компьютеры, и тихий механический голос сказал : «Готово!».

Форт и Мэриэллен. Взявшись за руки, они вместе давят на пусковой рычаг. Корабль уносится от Бордюра. Через минуту замерцает серая пелена. Затем они появятся в окружении чужих звезд. Они смотрят друг на друга. Они уже совершенно в ином месте – *где-то...* Светятся индикаторы. Они извещают, что энергетический луч отправился к соседям – и дальше. Затем кто-то кричит: «Критическая ситуация!», и Форт бросается к ручному управлению и делает, что может, чтобы избежать облака космической пыли, планеты, а может, и другого корабля.

Форт и Мэриэллен (или Джордж и Вики, или Брюс, который полетел один, или Элинор и Грэйс, или братья Сэм и Род) могут выйти из гипера и умереть в невероятном взрыве аннигиляции материи так быстро, что не успеют почувствовать боль. Их может ударить метеор, и тогда они будут умирать часами, с замерзающими глазами, с пеной, пузырящейся из пробитых легких. Они могут жить минуты или недели, а затем упасть на гигантскую планету или неизвестное солнце. Их могут найти, уничтожить или захватить в плен самые невероятные существа.

Но некоторые могут пережить все это и ждать счастливого момента связи, скрипучее объявление о контакте приемопередатчика материи, каким оборудован каждый корабль – и появление человека, человека из будущего, отстоящего на шестьдесят веков от времени, когда они покинули Бордюр, мгновенно переправленного с Земли на их корабль. И они уйдут с ним на неизменившуюся, восторженную Землю, населенную миллиардами обученных людей, готовых ринуться завоевывать Вселенную, такую громадную, что места хватит на всех, такую доступную и богатую всем, что только можно пожелать.

А некоторые выживут и будут ждать и умрут в бесплодном ожидании из-за какой-то незначительной ошибки в расчетах. А некоторые, может, не умрут, а найдут убежище на какой-то планете, где оставят маяк, сообщающий об их судьбе. А может, и не только маяк. Может, они сумеют выжить, размножиться и основать форпост Человечества.

Но расчеты настаивают, что пятьдесят четыре процента людей создадут невероятную энергетическую сферу и вернутся на Землю.

Прошли недели. Барк и Барбара. Черт побери! Больше не будет сладких банановых пирожков Барбары. Регистрация, запись, игра световых индикаторов на табло. Регистрация брака.

Когда мужчина и женщина Улетают вместе, автоматически регистрируется их брак. На Bordure есть и другие способы сочетаться браком. Не такие мгновенные, как нажимание пускового рычага корабля. Но нет больше настолько лишенных торжественности.

После трудных испытаний и трагических ошибок Человечество развило современную концепцию брака. Разумеется, люди, как мужчины, так и женщины, могут жить как хотят и с кем хотят, рожать детей, от кого хотят, и никто не обвинит их в лицемерии или нарушении этических норм. Но то, что брак существует до сих пор, само по себе доказывает, что есть нечто в древних прекрасных словах «...и жить вместе до самой смерти».

Я перебросился парой фраз о браке с Твин, столкнувшись с ней в коридоре ворот. Мне кажется, она снова сидела одна в корабле. Если она и была бледна, то оливковая кожа скрывала это. Если глаза ее и покраснели, то и без того рубиновый цвет их скрыл это. А, может, я просто заметил, как она с трудом передвигает ноги, идя по коридору. Я ласково взял ее за подбородок и поднял голову.

– Есть ли какие-то драконы, каких я могу убить?

Она одарила меня яркой улыбкой, живущей лишь на губах.

– Я в порядке, – храбро сказала она.

– Ты – да, – согласился я. – Но это неизбежно имеет отношение к твоим чувствам. Не хочу любопытствовать, девочка, но скажи мне: если ты обешься зеленых яблок или наступишь босой ногой на кактус, что ты тогда делаешь? У тебя есть кто-то, кому ты можешь поплакаться в жилетку?

– Я делаю... – пробормотала она, затаив дыхание и с трудом удерживая на губах улыбку. – О, я делаю... – она вдруг погладила мне щеку. – По... послушайте. Вы бы сказали мне кое-что, если бы я спросила?

– О сертификатах? Нет, Твин. Только не о сертификатах. В финале все проходят гипнотацию, и любой обман все равно обнаружится.

Ей было не весело, но я все же заставил ее рассмеяться.

– Вы и правда читаете мысли, как все говорят?

– Нет, не читаю. И даже если бы умел, то не стал бы. А если вдруг не мог бы прекратить чтение мыслей, то никогда не стал бы руководствоваться полученными таким образом сведениями. Другими словами, нет. Просто я живу достаточно долго и разбираюсь в человеческих побуждениях. Так что я вполне могу понять, что беспокоит его. Конечно, – добавил я, – да буду я проклят, если сумею ответить лучше. Кстати, Твин, ты скоро выходишь замуж, верно?

Возможно, не стоило этого говорить. Она задохнулась и на мгновение даже перестала улыбаться.

— О, да, — пылко воскликнула она. — Да... Ну, не совсем так. Я просто имею в виду, что когда мы Улетим, видите ли, то все равно так получится, и я представляю, что как только Уолд получит сертификат, мы сразу же... мы... Кажется, что-то попало в глаз... Я... простите...

Я позволил ей уйти. Но когда в следующий раз увидел Уолда — а это было в Секторе Эйфории, — то подошел к нему очень бодрой походкой. Существуют приемы, при помощи которых я могу стать очень веселым.

Я положил руку ему на плечо. Его спина чуть согнулась, и мне показалось, что я слышу, как трется друг о дружку в ней позвонки.

— Уолд, дружище, — весело сказал я. — Как хорошо, что я встретил тебя. Что-то давненько тебя не было видно. Болел?

Он отстранился от меня.

— Немного, — коротко сказал он.

Волосы у него были слишком блестящие, зубы — само совершенство, которые всегда напоминали мне клавиши какого-то музыкального инструмента.

— Ну, расслабься, — сказал я. — Мне нравится наблюдать, как продвигается молодежь. А ты, — добавил я с явным нажимом, — продвинулся чертовски далеко.

— Ты тоже, — с таким же нажимом сказал он.

— Ну-ну, — я похлопал его по спине, — ты еще станешь моим начальником. Ты пойдешь дальше, чем смог я. До скорой встречи, старина.

Я ушел, чувствуя на спине холодные точки его пронзительного взгляда карих глаз.

Не прошло и десяти минут, как я увидел танец *какумба*. Обычно я не люблю танцы, но дикий рев со стороны танцевальной площадки остановил меня, и я пошел посмотреть, чем так захвачена широкая общественность.

Большинство пар, вспотевшие и разгоряченные, уже вышли из танца, и на площадке остались лишь три пары. Пока я искал хорошее место обзора, одна из трех оставшихся пар тоже сдалась, так что остались всего две. Одна была представлены высокой блондинкой в парике и с гальваническими браслетами, с которых при соприкосновении с треском срывались голубые разряды. Она танцевала с одной из горилл из Подразделения Охраны Бордюра, и пара из них получилась отменная.

В другой же паре была стройная, гибкая, темнокожая девушка в расстегнутой темно-коричневой тунике. Она двигалась так кра-

сиво, что я затаил дыхание и страстно уставился на нее, и прошло несколько секунд, прежде чем я понял, что это Флауэр. Пришлось еще сколько-то времени приходить в себя, а потом я узнал в ее партнере Джадсона. На мой взгляд, они были лучшей парой.

Под взрыв заключительных аккордов музыки блондинка и ее партнер сплелись меж собой самым невероятным образом и застыли. Я уж думал, что они не смогут разделиться без посторонней помощи, но тут музыка резко оборвалась и они отступили друг от друга под восторженный рев публики.

Джадсон же при финальных тактах просто сложил руки вместе, отступил на шаг и поклонился, показывая, что он тоже танцевал, но все лавры отдает партнерше.

Что же сделала Флауэр, я могу сказать в одном коротком предложении: она опустилась перед ним на колени, согнулась и стала медленно вставать на руки. Никакими словами нельзя описать это. Медленно – не то слово. Флауэр потребовалось около двенадцати минут, чтобы полностью подняться на выпрямленные руки. На четвертой минуте толпа увидела, как все ее тело начала сотрясать крупная дрожь. И лишь на восьмой минуте зрители поняли, что это дрожь полностью управляемая, как и все остальное. Это было невероятное, гипнотическое действие. В финале она стояла на кончиках прямых пальцев, а когда музыка, тихонько сопровождавшая ее представление, совсем замерла, только улыбнулась Джаду. Даже с того места, где я стоял, я заметил на лице Джада то ли пот, то ли слезы.

Какой-то здоровяк возле меня что-то невнятно проворчал. Я повернул голову, это был Клинтон. Желваки ходили под кожей, обтягивающей его скулы, точно крысы под ковриком. Я тронул его за руку, мышцы были напряженными и твердыми, как скала.

– Клинт, – сказал я.

– А-а... Привет.

– Хочешь выпить?

– Нет, – ответил он, повернулся к танцплощадке и нашел взглядом Флауэр.

– Да, сынок, давай, – сказал я. – Действуй.

– Почему же вы сами не пойдете и... – Он тут же овладел собой.

– Вы правы. Я хочу выпить.

Мы прошли в почти пустынный Игровой Зал и взяли себе ментил-кофеин. Я молчал, пока мы не заняли пустой столик. Клинтон сел, уставившись в свой стакан невидящим взглядом. Затем сказал:

– Спасибо.

– За что?

– Я чуть было не повел себя нецивилизованно.

Я молчал.

– Ну, черт побери, – грубо воскликнул он, – она ведь свободна делать все, что хочет, не так ли? Ей нравится танцевать. Почему бы и нет? Черт побери, но зачем из-за этого так возбуждаться?

– А кто возбуждается?

– Да этот… Джадсон. Что он все время крутится возле нее? Она пальцем не шевельнула для получения сертификата с тех пор, как он появился здесь. – Клинтон одним глотком осушил свой стакан, но выпивка не оказала на него никакого воздействия.

– А что она делала, прежде чем он появился здесь? – очень тихо спросил я, но, поскольку Клинтон не ответил, продолжал: – Джад Улетит, Клинт. Я бы не стал волноваться из-за него. Могу гарантировать, что, когда он Улетит, Флауэр не будет возле него, и это произойдет очень скоро. Крепись и жди.

– Ждать? – прорычал он, оскалившись. – Я мог Улететь уже много недель назад. Раньше я думал о том… как мы с Флауэр Улетаем вместе. Раньше мне казалось, что день, когда мы получим сертификаты, станет праздником. Раньше, если я глядел на звезды, то думал о сети, которую мы создадим, чтобы накрыть ею чуть ли не всю Вселенную. Я думал о том, что мы все звезды бросим к ногам Земли. И мы с Флауэр вернемся на Землю и увидим, как Человечество овладевает своим новым, почти безграничным звездным домом, зная, что и мы принимали в этом участие. Я ждал, а теперь вы говорите, что я должен снова ждать.

– Своим нетерпением ты создаешь нестабильную ситуацию, – сказал я ему. – Жди, говорю тебе, жди. А пока что посиди здесь и выпусти пар.

ВРЕМЯ ШЛО.

В моем кабинете опять прозвучал сигнал. Мойра и Билл. Хестер, Элизабет, Дженксу и Мэлле отказали в выдаче сертификатов. Хестер тут же улетел обратно на Землю. Хэллоуэлл и Летишия зарегистрировали брак. Сертификаты получили Аарон, Миозетта, Гинчи, Манчинелли и Джадсон.

Джадсон воспринял известие молча, но лицо его сияло. Последнее время я почти что не видел его. Много времени занимала у него Флауэр, а все остальное – обучение. После того, как он получил сертификат, я пошел с ним, чтобы протестировать сканер ворот и дать последние наставления, после чего он тут же ушел, я думаю, чтобы рассказать эту великую новость Флауэр. Я подумал о том, какой же реакции он ждет от нее?

Затем я вернулся в свой офис, и там была Твин. Она встала с кушетки в приемной, когда я, тяжело дыша, преодолел подъем по пандусу. Я лишь взглянул на нее и сказал:

– Пойдем в кабинет.

Она прошла за мной, я махнул рукой, и инфракрасный датчик закрыл дверь. Затем я протянул к ней руки.

С блеянием новорожденного ягненка она ринулась ко мне. Ее слезы ошпарили мне грудь. Не думаю, что человеческое тело предназначено для таких бурных рыданий. Люди должны тренироваться плакать. Они должны учиться этому, чтобы делать так же легко, как смеяться или потеть. Невыплаканные слезы накапливаются. Такие люди, как Твин, делают все с улыбкой, улыбка становится им привычной, своего рода ритуалом, а слезы копятся внутри. И если внутреннее давление проходит критическую отметку, слезы прорываются наружу, как поток воды в водохранилище.

Я крепко держал ее, и лишь потому Твин не взорвалась. Единственное, что я сказал ей, это разок «тс-с-с», когда она попыталась что-то сказать вперемешку с рыданиями. Одновременно это все равно бы не получилось.

Потребовалось время, но когда она закончила, то выплакалась. Она не лишилась чувств. Она полностью лишилась сил, зато успокоилась. Потом мы сели на ближайшую кушетку. И тогда Твин заговорила.

– Да его вообще не существовало, – холодно сказала она. – Я выдумала его, слепила из звездного света, потому что хотела, чтобы наши отношения стали таким же большим, как проект. Я никогда нечувствовала, что он испытывает ко мне нечто важное. Я хотела соединиться с ним ради этого важного, думала, что мы создадим вместе что-то такое великолепное, что было бы достойно Бордюра. Я думала, что это должен быть Уолд. Я заставила быть его таким Уолдом, какой был мне нужен. Так что дело не в его отказе. Возможно, я поняла, кто он такой, а такой он мне просто не нужен. То, что я выдумала его, было таким же сумасшедшим, как если бы я убедила себя, что у него выросли крылья, а затем возненавидела, потому что он так и не взлетел. Он вовсе не герой. Он расхаживал с важным видом перед новичками и теми, кому отказали в сертификатах, притворяясь, что он – человек, который однажды отдаст всего себя звездам и Человечеству. Он... вероятно, он убедил в этом самого себя. Но он и не подумает закончить свое обучение и... Теперь я знаю, теперь понимаю – он испробовал все, чтобы помешать мне получить сертификат. С сертификатом я ему не нужна. Если бы у меня появился сертификат, то он не смог бы больше обращаться со мной, как со своей маленькой, глупой дев-

чонкой. А получить собственный сертификат он не мог, потому что тогда пришлось бы Улететь, а на это он не способен. Теперь он *хочет*, чтобы я бросила его. Если я так сделаю, то это будет мое решение, и тогда он сможет носить память обо мне, как траурную повязку на рукаве и всю оставшуюся жизнь обманывать себя, что его погоня за женщинами – просто поиск той, что сумеет меня заменить. Тогда у него будет оправдание, и ему никогда-никогда не придется рискнуть своей шкурой. Он будет поверженным героем, и женщины, такие же глупые, как была я, попытаются излечить его раны, которые якобы я нанесла ему.

– Ты ненавидишь его? – почти беззвучно просил я.

– Нет. О, *нет-нет!* Говорю ж вам, все это не его вина. Я… я просто любила *ничто*. Человека, который много лет жил лишь в моем воображении. У него не было ни имени, ни лица. Я дала ему имя Уолд, дала облик Уолда, но теперь-то знаю, что это не настоящий Уолд. Это сделала я. Уолд ничего не делал. Я не могу ненавидеть его. Он мне просто не нравится. Потому что теперь я знаю, что он – *ничто*!

Я погладил ее плечо.

– Милая, успокойся. Если бы ты ненавидела его, то он был бы все еще важен для тебя. Что ты теперь будешь делать?

– А что я могу сделать?

– Я никогда несоветовал, что тебе делать, Твин. Ты это знаешь. Ты должна сама найти ответы. Я могу лишь посоветовать тебе продолжать держать глаза открытыми. И не думай, что тот человек, который живет у тебя в душе, не существует на самом деле. Он существует. Возможно, прямо на этой станции. Просто ты прежде не замечала его.

– Кто он?

– Боже мой, девочка, не спрашивай меня об этом! Спроси лучше Твин, когда встретишь ее, только Твин знает это наверняка.

– Ты такой мудрый…

– Нет. Я достаточно стар, чтобы наделать ошибок больше, чем остальные люди, просто у меня хорошая память.

Она поднялась и пошатнулась. Протянув руку, я помог ей.

– Сделай паузу, Твин. Отдохни и подумай. Не появляйся на люди несколько дней и хорошенъко подумай. Здесь есть специальные апартаменты, где тебя никто не побеспокоит, и ты найдешь там все, что нужно, включая тишину и одиночество.

– Это было бы здорово, – тихонько сказала она. – Спасибо.

– Не стоит… Послушай. Ничего, если я пришлю к тебе кого-нибудь поговорить?

– Поговорить? Кого?

– Позволь мне самому выбрать его.

Рубиновые глаза окатили меня волной тепла, и она улыбнулась. *Как жаль, подумал я, что я сам не уверен в себе так, как она во мне.*

– Четыреста двенадцатый номер, – сказал я. – Третья дверь слева от тебя. Оставайся там, сколько хочешь. Возвращайся, лишь когда почувствуешь, что все нормализовалось.

Она подошла вплотную ко мне и хотела что-то сказать, но не смогла. На секунду мне показалось, что она собирается поцеловать меня, но вместо этого она вдруг схватила и поцеловала мою руку.

– Я отшлепаю тебя по попе! – взревел я.

– Какой же ты негодяй! – рассмеялась она, несмотря ни на что, она все еще была способна смеяться.

Как только она ушла, я повернулся к табло и послал вызов Джадсону. *Черт, подумал я, можно же попытаться.* В ожидании ответа, я думал о голодном взгляде Джадсона и о той пустоте в его жизни, о которой он говорил... а также об его странном качестве мгновенно понимать, когда он делает что-то не так. Господи, мгновенно реагирующие люди, конечно же, самые худшие из всех проклятых дураков!

Через минуту он появился у меня, взъерошенный, взволнованный и счастливый.

– Я уже направлялся к тебе, когда пришел твой вызов, – сказал он.

– Садись, Джад. У меня есть к тебе маленькое дельце. Возможно, ты мог бы помочь мне.

Он сел. Я постарался найти правильные слова. Я ничего не мог сказать о Флауэр. У нее были свои рычаги давления на него, если бы я хоть что-нибудь сказал о ней, он бы ринул ее защищать. Одно из самых старых явлений в человеческих отношениях – мы всегда начинаем любить то, что защищаем, даже если это прежде не нравилось нам. Я снова подумал о голоде, живущем в Джаде, и о том, что Твин сумела бы разглядеть это своими открывшимися по-настоящему глазами.

– Джад...

– Я женился, – перебил он меня.

Я замер. Не думаю, чтобы что-нибудь отразилось у меня на лице.

– Это самое правильное, что я сделал, – почти сердито сказал он. – Разве ты не понимаешь? Разве ты не понимаешь, что моя проблема в том, что ты сам все подыскиваешь для меня. А я искал что-то, что принадлежит только мне... или должно принадлежать.

– Флауэр, – сказал я.

— Конечно. Кто же еще? Послушай, у девушки тоже есть проблема. Как ты думаешь, что мешает ей получить сертификат? Сама она думает, что *не достойна* его.

И я тоже, сказал я. К счастью, сказал лишь мысленно.

— Что бы там ни происходило, — продолжал Джад, — я сделал правильный выбор. Если я сумею помочь ей получить сертификат, то мы Улетим вместе, для этого мы и находимся здесь. Но если я не сумею помочь ей, а обнаружу, что она заполняет то место в моей душе, где так долго жила пустота, то и прекрасно. Для этого я прилетел сюда. Мы можем вернуться на землю и жить счастливо.

— Ты совершенно уверен во всем.

— Конечно, уверен. Неужели ты думаешь, что я согласился бы на брак, если бы не был уверен?

Разумеется, согласился бы, подумал я, но вслух сказал:

— Тогда прими мои поздравления. Ты же знаешь, что я желаю тебе лишь добра.

Он встал и что-то начал было бормотать, но тут же оборвал себя. Пошел к двери, затем вернулся.

— Ты придешь сегодня вечером на ужин?

Я заколебался.

— Пожалуйста, — сказал он. — Это очень нужно мне.

Я поднял бровь.

— Джад, скажи мне прямо. Ужин — твоя идея или Флауэр?

— Черт побери, — смущенно рассмеялся он. — Ты слишком многое замечаешь. Мой... ну... я хочу сказать, что ты не совсем нравишься ей, но... черт, ладно, я хочу, дружище, и думаю, что тогда ты понял бы ее, а также и меня, намного лучше.

Я подумал о том, что сделал бы с большей охотой, чем пообещать с Флауэр. Например, искупался бы в кипящем масле. Потом посмотрел на его встревоженное лицо. О, дьявол!

— Я попробую, — сказал я. — Часов в восемь, да?

— Прекрасно! Здорово! — воскликнул он, просияв, как ребенок. — Просто здорово! — Он помялся с ноги на ногу, не зная, уйти сразу или еще обождать. — Эй, — внезапно сказал он. — Ты же послал мне вызов. Что за помощь требуется от меня?

— Ничего, Джад, — устало сказал я. — Я передумал... Увидимся, парень.

Ужин был особым. Стейки. Джад поджарил их сам. Я подумал, что наверняка и выбрал их тоже он, а также накрыл на стол. Тем не менее, Флауэр сама усадила меня. Окинув меня взглядом, она не торопясь подошла к столу, унесла легкий алюминиевый стул, а на его место притащила массивное кресло. Затем улыбну-

лась мне. Это лишило, подумал я, — я, конечно, массивный, но до сих пор алюминиевые стулья выдерживали меня.

За ужином я молчал. Еду передавала Флауэр, либо тоже молча, либо с короткими репликами. Когда она замолчала, Джад пытался поддержать разговор. Когда же говорила, он изо всех сил старался сменить тему, которая все время вертелась вокруг меня. Думаю, этот ужин был полным успехом — для Флауэр. Для Джада же это был чистый ад. Что же касается меня, то мне было просто интересно.

Эпизод: Флауэр долго тыкала вилкой в стейк, а когда Джад закончил очередную ремарку, принялась безжалостно обрезать стейк по краям, отчетливо сказав: «Я терпеть не могу вид и запах чего-то толстого».

Эпизод: Она все время повторяла «Слава Богу» так протяжно, что каждый раз слышалось «Сало Богу».

Эпизод: Я чихнул. Она тут же помахала в мою сторону платочком и сказала: «Разносчик заразы...», потом подтолкнула мужа локтем и повторила с нажимом: «Заразы...», после чего воцарилась тишина.

Эпизод: Закончив есть, она откинулась на спинку стула и громко вздохнула: «Если бы я ела так все время, то стала бы толстой, как...» Потом посмотрела прямо на меня, не окончив фразу. Джад попытался толкнуть ее ногой под столом, я знаю это точно, поскольку попал он по мне, а Джад завершила: «...как спасательный жилет». Но продолжала глядеть на меня.

Все, что я могу сказать в свое оправдание, так это то, что я вытерпел все это и глазом не моргнув. Я не сделал ей удовольствие, оскорбившись, пока она не проиграла весь свой репертуар. Я не стал сердиться, потому что тогда она представила бы меня перед Джадом, как человека, который ненавидит ее. Если бы у Джада хватило ума, то этот вечер он мог бы запомнить, как случай когда Флауэр вела себя непозволительно оскорбительно, а это все, чего я хотел.

Когда обед, наконец-то, закончился, я уже сформулировал в голове все свои оправдания. Когда я уходил, Флауэр схватила руку Джада и стискивала ее до тех пор, пока я находился в поле зрения, не дав таким образом ему проводить меня и принести извинения.

Он не появлялся поговорить со мной целых четыре дня, а когда все же пришел, у меня сложилось впечатление, что он чего-то направил Флауэр.

— Насчет того вечера, — быстро сказал он. — Пожалуйста, не думай...

Я прервал его мягко, но твердо, как только мог.

— Я отлично все понимаю, Джад. Подумай минутку, и сам поймешь.

— Послушай, просто Флауэр была не в духе. Я буду работать над ней. Когда ты придешь в следующий раз, все будет по-другому, вот увидишь.

— Уверен, Джад, что так и будет. И забудем об этом. Все было вполне невинно.

Когда я приду к ним в следующий раз, подумал я при этом, — это случится спустя полгода после возвращения Улетевших. Так что у меня будет примерно шестьдесят веков, чтобы нарастить шкуру потолще.

ПРИМЕРНО ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ после свадьбы Джада, я был в Верхнем Центральном Коридоре, ведущем к воротам. Не знаю, сработало ли некое шестое чувство или я почувствовал какой-то запах. Но у меня создалось мощное впечатление, что в воздухе разлит запах кофеина метила, одновременно я взглянул вдоль коридора и увидел закрывающиеся ворота.

Я стал действовать слишком быстро, что пошло не на пользу моим бедным легким. Я открыл ворота и ринулся через них. Когда организм моих размеров и формы набирает скорость, его трудно остановить. Люк одного из кораблей был открыт, и я ринулся к нему. Он уже закрывался, но я и не думал притормозить.

Словно в замедленной съемке, с ужасным ощущением беды, я как можно быстрее передвигал ноги, потом ударился грудью о борт корабля и буквально на брюхе влетел в люк, успев выставить руки перед собой. Закрывающийся люк ударил меня по предплечью, затем я треснулся обо что-то лбом и потерял сознание.

Когда в глазах чуть-чуть прояснилось, я почувствовал, что лежу на корабельной койке. Левая рука болела ужасно, правая — вдвое сильнее, но эта боль не могла идти ни в какое сравнение с болью в голове.

Когда я застонал, из служебного отсека появился человек. В руках у него была миска с теплой водой и аптечка В. Он быстро подошел ко мне и стал останавливать кровотечение откуда-то среди моих многочисленных подбородков. И только тогда расплывчатый образ прояснился, и я узнал его.

— Клинтон, больной ты сынок греха! — взревел я. — Оставь подбородок в покое и займись-ка лучше руками!

У него еще хватило злобы посмеяться надо мной.

— Не все сразу, старик. По очереди, постепенно. И не стоит выходить из себя. Попытайся не быть нетерпеливым пациентом.

– Нетерпеливым я стану, когда ты наложишь мне шины на руки! – заорал я. – Вот тогда ты узнаешь, каким я могу быть нетерпеливым!

– Ладно, ладно.

Он достал из пакета шприц и привычным движением сделал укол. Прекрасно, хороший парень... Один укол он сделал в бицепс, второй в предплечье, и боль исчезла. Стихла в руках, но сосредоточилась в голове. Тогда он дал мне анальгетик, и нестерпимая боль стала отступать.

– Боюсь, что левая рука сломана, – сказал он. – Что касается правой, то если бы я не заметил, как она осталась в проеме закрывающегося люка, то тяжелая крышка постригла бы вам ногти до самого локтя. Интересно, о чем вы думали, когда творили такое?

– Не помню, возможно, у меня сотрясение. Помню только, что я должен был срочно осмотреть корабль. Ты можешь наложить мне на руку шину?

– Давайте вызовем медиков.

– Но с тем же успехом это можешь сделать и ты.

Он пошел за аптечкой С, подготовил руку, затем зафиксировал запястье и локоть, когда поврежденное предплечье стало на несколько миллиметров длиннее другого, он залил все термопластом и дал ему застыть. Потом отстегнул меня.

– Сойдет на первое время, – проворчал он. – Ну, так вы можете сказать мне, что заставило вас лезть в закрывающийся люк?

– Нет.

– Перестаньте корчить из себя невинное дитя. Щетина вас выдает. Вы же знали, что я собираюсь лететь один, верно?

– Никто ничего мне не говорил.

– Как всегда, никто ничего не говорит, – раздраженно буркнул он, затем хихикнул. – Ну, и что теперь?

– Так ты не собираешься взлетать?

– В компании с вами? Не дурите. Станция много проиграла бы, а мне бы не светило ничего хорошего. Будьте вы прокляты! Я же на глазах у вас выпил слишком много кофеин метила, чтобы развеять все ваше беспокойство... Ладно, вы переиграли меня. Что теперь будем делать?

– Перестань пытаться сделать из меня Макиавелли, – проворчал я. – Помоги добраться мне до моей квартиры, и я разрешу тебе делать все, что хочешь.

– С вами никогда не было просто, – усмехнулся он. – Ладно, пойдем.

Когда я поднялся на ноги – должен признаться, с помощью Клинтона, – сердце мое принялось бешено колотиться. Клинтон,

должно быть, почувствовал это, но ничего не сказал, а постоял, давая мне передышку. В принципе, он хороший парень.

Мы прошли коридор и ворота хорошо, но медленно. Когда добрались до подножия моего пандуса, я помотал головой.

– Не туда, – прохрипел я. – Туда мне не подняться. Давай вниз.

Мы спустились по боковому коридору к 412 номеру. Дверь скользнула, открываясь для меня.

– Привет! – позвал я. – А вот и компания.

– Что? Кто там? – раздался хрустальный голосок, а затем появилась Твин. – О...о! Я не хочу никого... а что случилось?

Перед глазами у меня все завертелось. Я застонал.

– Я думаю, лучше положить его. Ему нехорошо, – сказал Клинтон.

Твин подбежала к нам и взяла меня под свободную руку. Вдвоем они подвели меня к кушетке, и я рухнул на нее.

– Будь он проклят, – добродушно сказал Клинтон. – Кажется, он работает круглосуточно, лишь бы не дать мне Улететь.

Тишина длилась так долго, что я, наконец, приоткрыл один глаз. Твин смотрела на Клинтона так, словно не видела его раньше. Впрочем, она и не видела его, так как взор ее весь был занят Уолдом.

– Вы и правда хотите Улететь? – тихонько спросила она.

– Больше, чем... – Клинтон взглянул на ее волосы, на ее прелестное лицико. – Кажется, я вас почти и не видел раньше. Вы... Вы ведь Твин?

Она кивнула, и они замолчали. Я закрыл глаза, потому что они наверняка должны были взглянуть на меня, чтобы не плятиться друг на друга.

– С ним все в порядке? – спросила Твин.

– Думаю, он... Да, он уснул. И неудивительно. Ему порядком досталось.

– Давайте пойдем в другую комнату, где можем поговорить, не тревожа его.

Они закрыли за собой дверь, но я все равно слышал их голоса. Они разговаривали довольно долго, иногда замолчали, затем продолжали. Наконец, я услышал то, чего ждал:

– Если бы не он, я бы уже Улетел. Я как раз собирался отправиться в одиночку.

– Нет! Я... О, я рада, что вы не Улетели.

Наступила тишина. Затем:

– Я тоже рад, Твин. Твин...

Я поднялся с кушетки и тихонько ушел. Я вернулся к себе и даже сумел без труда подняться по пандусу. Чувствовал я себя прекрасно.

ДО МЕНЯ ДОШЛИ нехорошие слухи.

Я многое повидал, многое делал сам и считал себя весьма толстокожим, но эти слухи проняли меня до самого нутра. Я нашел утешение в древней формулировке: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда», но в душе знал, что это возможно.

Я отыскал Джадсона в архиве.

Глаза у него запали, и он был более тихий, чем всегда. Я спросил, чем он занимался все эти дни, хотя прекрасно знал это.

– Овладевал тонкостями астрогации, – ответил он. – Никогда не видел ничего более захватывающего. Одна только мысль, что существует аппаратура, которая может запихать вам в голову любые знания, пока вы спите, звучит, как сказка.

– Ты проводишь много времени в архивах, сынок.

– Но на это и требуется много времени.

– А разве ты не можешь учиться дома?

Думаю, лишь тогда он понял, к чему я клоню.

– Послушай, – очень тихо сказал он, – у меня есть проблемы. Кое-что идет наперекосяк. Но я не слеп. И не глуп. Ты же не можешь определить по моей внешности, что я не в состоянии сам справиться со своими личными трудностями?

– Определил бы, если бы был уверен, – ответил я. – Но, черт побери, я ни в чем не уверен. И я расспрашиваю не любопытства ради.

– Рад этому, – сухо сказал Джадсон. – Давай лучше вообще не будем об этом говорить, ладно?

Несмотря на свое состояние, я рассмеялся вслух.

– Над чем ты смеешься?

– Над собой, Джад. Над тем, как мной манипулируют.

Он понял меня и тоже слегка улыбнулся.

– Черт, я понимаю, на что ты намекаешь. Но ты не настолько разбираешься в создавшемся положении, чтобы знать все закоулки. Когда придет время, я сам разберусь во всем. А до тех пор – это лишь моя проблема.

Он собрал карты звездного неба, и я понял, что любые слова будут излишними. Я молча пожал ему руку и позволил уйти.

Пять человек, подумал я. Уолд, Джадсон, Клинтон, Твин, Флауэр. Уберите двоих, и останутся трое. А трое, в данном случае, это толпа, очень взрывоопасная толпа.

Ничто, *ничто* нельзя назвать изменой в современном браке. Но нехорошие слухи продолжали циркулировать.

— Я хочу получить сертификат, — сказал Уолд.

Я смотрел на него и в голове у меня проносился ураган мыслей. Значит, ты хочешь получить сертификат? Зачем? И почему именно сейчас, ни раньше, ни позже? Что человек может сделать с сертификатом, если тот нужен лишь для одного — для того, чтобы Улететь? Потому что, черт побери, ты никогда не Улетишь. Да ты и не собираешься Улетать.

Но все это были мысли, а сказал я нечто иное:

— Прекрасно. Для того я здесь и сижу, Уолд.

И мы начали работать.

Работал Уолд упорно, проявляя все нужные способности и навыки.

Сертификат он получил в два счета. Это было для него так же легко, как дышать. И можете поверить, находясь рядом с ним, я видел, как он старался, но не мог понять, почему?

Так что я не был счастлив, когда он прошел все подпрограммы сертификации. Что-то здесь было не так... что-то я упустил. Господи, как я жалел, что не умею думать немного быстрее!

Прошел день после того, как Уолд получил сертификат. Я не мог ни есть, ни спать, потому что не мог понять, зачем он ему, и это серьезно меня тревожило. Поэтому я начал бродить по станции в надежде где-нибудь хоть что-то узнать.

Я пришел в архив.

— Где Джадсон?

Девушка ответила мне, что он не появлялся там уже пару суток.

Я искал в Секторе Отдыха, по библиотекам, стереозалам и смотровым комнатам. Какие-то остатки здравого смысла не позволяли мне отправить ему срочный вызов. Но постепенно становилось очевидным, что его нигде не было. Конечно, на Бордюре были сотни помещений и коридоров, которые никогда не использовались — и не будут использоваться, пока не завершится этот грандиозный проект и не заработают передатчики материи. Но Джаду незачем было там прятаться.

Я расправил плечи и понял, что нужно заглянуть еще кое-куда. Думаю, я больше всего боялся, что его *не окажется* там.

Я положил руку на пластину дверного звонка. Через мгновение дверь открылась. Очевидно, она только что была в ярко освещенной солнцем комнате, поэтому не сразу разглядела, кто пришел. Она была теплая, загорелая с головы до пят, вся как пружина и бархат. Удлиненные глаза казались сонными, а губы сложились в

обиженную гримаску. Но тут она узнала меня и выпрямилась, за-городив собой дверной проем.

Я думаю, в глубине разума каждого человека имеется машинка, которая подбирает ответы и никогда не ошибается. Я думаю, у меня было достаточно данных, чтобы понять, что происходит, пока еще не было слишком поздно. Вот только я не умею вовремя получать эти ответы. Я смотрел на Флауэр, открывшую мне дверь...

— Вам чего-то нужно? — спросила она, с таким нажимом, что эта фраза стала обидной и оскорбительной.

Я вошел. Ей было решать, отступит ли она в сторону, или будет грубо оттолкнута. Она шагнула в сторону. Дверь закрылась за моей спиной.

— Где Джад?

— Не знаю.

Глядя прямо в ее удлиненные глаза, я поднял руку. Наверное, я хотел ударить ее, но вместо этого просто пихнул в грудь. Она упала на мягкую кушетку, невредимая, но испуганная.

— Что вы делаете...

— Вы больше никогда не увидите его, — сказал я, и звуки моего голоса отразились от стен. — Его больше нет. *Их больше нет.*

— Их?

Ее лицо под густым загаром пошло пятнами.

— Вы заслужили смерти, — сказал я. — Но думаю, будет лучше, если вы останетесь с этим жить. С мыслью о том, что вы никого не можете удержать.

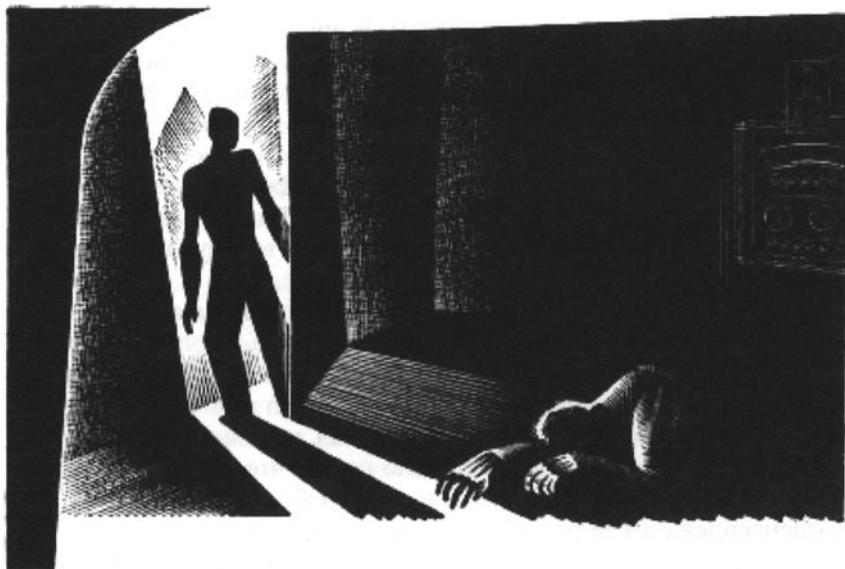
Я вышел.

В голове шумело. В перевязанной руке пульсировала боль. Я шел уверенно, и даже мысли у меня не возникло: «Зачем я все это сказал?» Теперь сошлись и обрели смысл все кусочки этого уродливого паззла.

Я нашел Уолда в Секторе Отдыха. Он был пьян. Я не стал говорить с ним, а пошел к кораблям и там глянул на ряд люков ожидающих кораблей. Вокруг не было ни души. Очевидно, глаз мой зафиксировал что-то в третьем люке, потому что мне захотелось вернуться и снова все осмотреть.

Там я тщательно осмотрел пол. Он был мягким, волокнистым, и казался обычным, но что-то в нем было не так. Я отошел к панели управления, включил экстренный прожектор и направил его свет вдоль пола. Горизонтальный луч может выявить что-то, что не видно при другом освещении.

У самого корабельного люка монотонность пола была нарушена, на ней виднелись какие-то полосы и гребни. И две линии, словно что-то тащили по полу. Внутри полосы по полу продолжились и

оборвались в каюте у левой койки, словно там какое-то время лежало что-то тяжелое.

Я осмотрел койку. Она казалась нетронутой, но это еще ничего не значило – на эластичной поверхности и не могло сохраниться никаких следов. А вот слева на ней было размытое пятнышко, словно там что-то пролили, а потом постарались тщательно затереть.

Я перешел в подсобное помещение. Там, казалось, все было в порядке, лишь дверцы одного шкафа были неплотно прикрыты. Я глянул внутрь.

Это был холодильник, на полках которого стояли контейнеры с едой. Вот только среди них почему-то находились микрокассеты с книгопроектора.

Я нахмурился и осмотрел их. Кассеты были упакованы в специальный материал, предохраняющий их от повреждений.

Почему же они находятся среди продуктов? Их спрятал тот, кто почему-то не мог оставить их на виду?

И кому вообще принадлежат эти кассеты?

Я вернулся в центральную каюту к левой койке. Коснулся контакта, который должен был раскрыть ее, показав внутреннее содержимое – отсека, где обычно хранится постельное белье. Но крышка не откинулась.

Я осмотрел контактную пластину. Она была залита быстро застывающей жидкостью для устранения утечки герметизации,

твёрдым, но эластичным материалом. Я принес с инструментальной полки молоток и стальной стержень. Поставил ее на контакт, ударил молотком, и застывший герметик раскололся. Кровать выдвинулась и раскрылась.

Было бесполезно трогать его, искать пульс или вообще что-то делать. С первого взгляда было видно, что Джадсон мертв. Шея его была скручена, и голова повернута вбок. Лицо посинело, глаза остекленели. Он был сложен почти пополам и втиснут в ящик для белья.

Я снова нажал контактную пластину, кровать закрылась и встала на место. Чувствуя внутри себя лишь сплошную, бесчувственную пустоту, я убрал стержень и молоток, разгладил пол. Затем прошел в подсобное помещение, встал за дверью и стал ждать.

Ждать. Не просто стоять – ждать. Я знал, что он вернется, знал точно так же, как внезапно запоздало понял, что каждый из пяти человек сыграл свою роль, сделав это неизбежным. И я холодно возненавидел себя за то, что не понял этого раньше.

Улетающие были участниками самого великого, небывалого, замечательного проекта в истории Человечества. Но они состояли, в основном, из тех, кому чего-то не хватало в современном мире, не хватало дружбы, живого общения, любви.

Много месяцев Флауэр играла с Клинтоном. Затем, когда она поняла, что все равно потеряет его, потому что он Улетит, то отправилась на охоту за новой жертвой. И она увидела Джадсона – легкую цель, уязвимого, открытого Джада, – и услышала мое заверение, что он обязательно Улетит. Вот тут-то Джадсон и стал обреченным.

Уолду требовалось восхищение точно так же, как Флауэр требовалась власть. Быть Улетающим и вечно ждать Твин, пока та старалась из всех сил, но не могла получить сертификат, подходило ему лучше всего. Но сертификация Твин не дала ему иного выхода, кроме как бросить ее, потому что Улететь сам он просто не мог.

Когда я позаботился о Твин, оставалась лишь одна женщина, которая могла Уолду заменить ее, – но она вышла за Джадсона. Если бы Джад Улетел, тогда брак был бы расторгнут. Уолд сделал все, что мог, чтобы разрушить их союз. Но Джад не Улетал, желая помочь Флауэр, а одновременно доказать мне, что его выбор был правильным. Тогда Уолду остался лишь один выход. Исход этого выхода был засунут сейчас в ящик для белья в левой койке.

Но Уолд не закончил свое дело. Дело не было бы завершено, а тело Джада оставалось на Бордюре. В таком взвинченном состоянии

нии Уолд должен был пойти куда-нибудь выпить и продумать следующий шаг. Нельзя было отправить корабль в полет, не находясь в нем. Этому препятствовала «Специальная инструкция».

Значит, он непременно вернется.

Я устал стоять, одна нога у меня затекла. Я отчаянно шевелил пальцами этой ноги, когда увидел, как открылся внешний люк, и попытался сжаться, чтобы моя туша не выпирала из-за двери подсобки.

Он тяжело дышал. Он фыркнул, как загнанная лошадь, потом вытер губы о предплечье. Казалось, ему было трудно сосредоточить взгляд. Я подумал о том, сколько же ликера влил он туда, где обычно у мужчин находится храбрость.

Он достал из мешочка на поясе толстый пластиковый провод и, повозившись, завязал его петлей. Петлю он накинул на скобу на панели управления, а свободные концы провода обмотал вокруг пускового рычага.

Потом снял с переборки тяжелый огнетушитель и подвесил его под панелью на рычаге, а свободный конец провода привязал так, что тот удерживал огнетушитель на весу.

Потом, тяжело дыша, Уолд достал и зажег сигарету. Жадно затянулся, а затем положил сигарету на панель, точно под пластиковый провод, удерживающий огнетушитель.

Когда огонек сигареты дойдет до провода, пластиковая оплетка расплавится, провод порвется, огнетушитель упадет и нажмет пусковой рычаг. Корабль улетит, и все доказательства канут в космическую бездну вместе с ним, и, по крайней мере, шесть тысяч лет никто не узнает, что сделал Уолд.

Уолд отступил на шаг, оглядел свою работу, и тут я вышел из подсобки. Вынув загипсованную руку из петли, на которой она висела, я с силой опустил ее Уолду на голову. Удар получился мощным и, должно быть, поразил его, точно ломом.

Уолд упал на колени, и с секунду казалось, что он сейчас потеряет сознание. Но он встремхнулся, поднял голову и увидел меня.

— Я мог бы использовать игольник, — сказал я. — Или мог бы заморозить и предоставить Координационному Бюро разбираться с тобой. Есть инструкции, что делать с такими, как ты. Но я выбрал иной способ. Вставай.

— Я никогда...

— Вставай! — проревел я и хотел его пнуть.

Он схватил мою ногу и резко выкрутил. Но, уже падая, я вырвался и тут же вскочил на ноги. Мы ринулись друг на друга, потом отлетели в разные концы каюты. Мое падение смягчила койка, ему же так не повезло. Он с трудом встал и оперся спиной о люк.

Я ринулся вперед, и врезался в него так, что буквально услышал, как затрещали его ребра.

Потом шагнул назад, когда он стал оседать, и с силой ударили его в лицо, так, что затылком он треснулся о люк. Я позволил ему упасть, затем опустился рядом на колени.

Много чего можно сделать с человеческим телом, если вы разбираетесь в физиологии и знаете расположение нервных центров, которые парализуют движение. Я все это знал, и, когда поднялся, он остался лежать, потея и скривившись от боли. Я подошел к панели управления и критически глянул на тлеющую сигарету. Оставалось меньше минуты.

— Я знаю, что ты меня слышишь, — задыхаясь, с трудом проговорил я. — Я хочу... чтобы ты... чтобы ты стал героем. Твое имя будет... выбито на Великой Стеле... Улетевших. Ты же всегда хотел этого без... усилий с твоей стороны... И теперь получишь...

Я вышел. Остановился и прислонился к стене. Через несколько секунд люк тихонько закрылся. Я с трудом сдержал серую волну тошноты, которая чуть было не захлестнула меня, затем повернулся и посмотрел в смотровое окошечко люка. Там была лишь чернота.

Джад... Джад, мальчик мой... Ты так хотел этого. Тебя чуть было не лишили всего. Но теперь все будет в порядке, сынок...

Шатаясь, я прошел по коридору к воротам. Там кто-то стоял. Когда я прошел ворота, она полетела ко мне и принялась бить мне в грудь маленькими, твердыми кулачками.

— Он Улетел? Он действительно Улетел?

Я отмахнулся от нее, словно она была мошкой, и закрыл один глаз, чтобы лучше видеть, потому что в глазах у меня все мутилось. Это была Флауэр. Одежда растрепана, волосы растрепаны, глаза налиты кровью.

— Они улетели, — прохрипел я. — Я же тебе говорил, что они Улетят. Джад и Уолд... Ты все равно не смогла бы остановить их.

— Вместе? Они Улетели *вместе*?

— Именно для этого Уолд и получил сертификат. — Я глянул на нее сверху вниз. — Как и у всех, кто Улетает вместе, у них было нечто общее.

Затем я прошел мимо нее и вернулся в свой офис. На табло горели индикаторы. Джадсон и Уолд. Новый корабль занял их место. Жилища были приbraneы. Отпечатки ладоней удалены из действующих и записаны на длительное хранение. Я стоял и тупо смотрел, пока не погасли все индикаторы, и табло стало темным.

Я подумал о том, что сердце мое долго не продержится.

Я подумал, что продолжаю убеждать себя в том, будто действую беспристрастно и справедливо.

Мне было плохо. Очень плохо.

Я подумал о том, что должность моя не имеет никаких особых полномочий и власти. Я выдаю людям сертификаты, проверяю их. Работа для клерка. Разве я должен играть роль Бога? Разве я должен вершить свой суд и сам исполнять приговор? Уолд ненес никакой угрозы ни лично мне, ни Бордюру, но все же я должен был наказать его. Его и Флауэр.

Я почувствовал себя маленьким, испуганным мерзавцем.

Кто-то вошел, и я оглянулся. В первое мгновение я разобрал лишь фигуру с серебряным гало, которая что-то бессмысленно бормотала. Я с трудом сфокусировал взгляд, но тут же снова прикрыл глаза, словно взглянул на солнце.

Волосы ее струились из-под бриллиантового кольца над бровями. Серебряный шелк стекал каскадами по телу, подметая пол позади нее. Глубокие, напитые кровью, как у голубя, глаза сверкали, а губы дрожали.

– Твин...

Невнятное бормотание постепенно сложилось в слова, смеющиеся и плачущие от счастья, в слова восторга:

– Клинтон... он ждет меня. Он тоже хотел попрощаться с вами, но... он попросил, чтобы я это сделала за него. Он сказал, что вы все поймете...

Я мог лишь кивнуть.

Она подошла вплотную к столу.

– Я люблю его. Люблю больше, чем мне казалось возможным. Но раз я люблю его изо всех сил, то... должна также любить и вас...

Она наклонилась над столом и поцеловала меня. Губы ее были холодными. Затем она снова расплылась. Или, вероятно, это были виноваты мои глаза. Когда я снова обрел способность видеть, ее уже не было.

Звонок и световые сигналы.

Зарегистрирован отлет.

Внезапно я расслабился и понял, что могу жить с тем, что сделал с Уолдо и Флауэр. Пусть это будет на моей совести, но Джадсон все же Улетел, а Твин обрела счастье. И отмщение воздам я сам. Маленькое такое отмщение, полностью человеческое, а не Божье.

Итак, подумал я, ежедневно я узнаю что-то новенькое о людях. Но сегодня я понял, что я тоже человек. Я чувствовал вкус пухлых

губ, которыми поцеловала меня Твин. Я старый, я толстый, думал я, и, Господи, я – человек!

Te, кто зовут меня Хароном, забывают, что это такое – принадлежать сразу к двум мирам, а не к какому-нибудь одному.

И они забывают еще одно – малоизвестную деталь легенды о Хароне. Для этрусков он был не только перевозчиком.

Он был палачом.

(Galaxy Science Fiction, 1950 № 10)

ТЕНЬ, ТЕНЬ НА СТЕНЕ

БЫЛО УЖЕ поздно, и Бобби спал и видел во сне место, где всегда было много черных бабочек, а еще там была собака с черным носом и тупыми, совсем не страшными резиновыми зубами. Это было темное место, уютное, с размытыми, нерезкими гранями, и он всегда мог уйти оттуда.

Затем вдруг возникла кривая полоса света, уничтожившая все (кроме тени на гладкой стене возле двери, которая была там всегда), и в комнату вошла Мама Гвен, вся в пламени горящего позади нее света. Она щелкнула находящимся высоко на стене выключателем, до которого Бобби не мог дотянуться, как ни старался, и комнату залил безжалостный свет. Мама Гвен превратилась из плоского черного, с волнистой каймой силуэта, каким всегда была в темноте, в дневную Маму Гвен.

Волосы у нее были широкими, а подбородок узким. Плечи были широкими, а талия узкой. Бедра были широкими, а юбка узкой, так что сквозь нее вырисовывались очертания двух костлявых ног. Руки отвесно спускались с плеч, а ноги при ходьбе оставались прямыми. И она никогда не двигала руками во время ходьбы. Она вообще не шевелила ими, если не нужно было ничего делать.

— Ты не спиши. — Голос ее был твердым, широким и плоским, но одновременно каким-то узким.

— Сплю, — сказал Бобби.

— Не спорь. Вставай.

Бобби сел и потер глаза кулачками.

— Папа...

— Твоего отца нет дома. Он уехал и не вернется дня два. Так что бесполезно вопить, призывая его.

— Я не собираюсь вопить, Мама Гвен.

— Ну, ладно. Вставай.

Недоумевая, Бобби встал. Стоя босиком, во фланелевой пижаме, он чувствовал себя каким-то взъерошенным.

— Принеси свои игрушки, Бобби.

— Какие игрушки, мама Гвен?

Голос ее щелкал, как мокрая одежда на холодном ветру.

— Все игрушки... вон те!

Бобби подошел к ящику с игрушками и снял с него крышку. Затем остановился. Повернулся и поглядел на нее. Ее руки свисали по бокам, такие же неподвижные, как и глаза под прямой линией лба. Бобби нагнулся к ящику с игрушками. Здесь была масса всего интересного:

“SHADOW, SHADOW,

By Theodore Sturgeon

кубики, звездообразные шестеренки от старого фонографа, сломанное сахарное яйцо с девичьим глазом на нем, картонным калейдоскопом и «Набором волшебника» с семью серебристыми кольцами, которые можно было соединять и разъединять, но это получалось только у папы. Бобби взяли вывалили на пол.

— Сюда, — сказала мама Гвен.

Она подняла прямую руку и указала прямым пальцем себе под ноги. Бобби стал собирать игрушки и приносить ей по одной, по две, пока не принес все.

— Аккуратней, аккуратней, — пробормотала она.

Потом согнулась посредине, как дверь гаража, и собрала игрушки в аккуратную кучку.

ON THE WALL..."

Illustrated by Bill Terry

— Неси остальные, — велела она.

Бобби снова полез в ящик, достал старую грифельную доску в деревянной раме и коробку с цветными мелками, ежегодник английской истории для чтения и старую свечку. Больше в ящике ничего не было. В комнате же еще были маленькие боксерские перчатки, теннисная ракетка с порванными струнами и старая гавайская гитара вообще без струн. Он собрал это все и принес к ее ногам.

— И это тоже — указала длинным пальцем Мама Гвен.

С комода к ее ногам перекочевали две белки и обезьянка, небольшое квадратное зеркальце, которое Бобби нашел на Генри-стрит, какие-то шестеренки и поломанные часы Джерри, которые тот

уронил в подъезде на прошлой неделе. Принеся все это, Бобби посмотрел на Маму Гвен.

– Вы что, хотите перевести меня в другую комнату?

– Вовсе нет.

Мама Гвен загребла всю кучу, сделавшуюся высокой под ее руками.

– Помоги, – сказала она, выпрямившись и вытянув руки. Бобби пришлось переложить всю кучу ей в руки. Не сказав даже «спасибо», Мама Гвен вышла, оставив Бобби в комнате одного. Он слышал, как ее шаги простучали в холле, услышал удар, когда она коленом открыла дверь гостевой комнаты. Потом скрежет и звон, когда она вывалила его игрушки на запасную кровать, без покрывала, с одним лишь синим матрасом. Затем она вернулась.

– Почему ты еще не в постели?

Она хлопнула в ладоши, звук получился сухим, словно сломалась палка. Удивленный, Бобби отправился в кровать и натянул одеяло до подбородка. Раньше был кто-то, у кого были теплые щеки и доброе слово для него, но было это давным-давно. Бобби взглянул на Маму Гвен.

– Ты был плохим мальчиком, – сказала она. – Разбил окно в сарае, натащил грязи ко мне в кухню и вообще был грубым и слишком шумным. Поэтому ты останешься в комнате без игрушек до тех пор, пока я не разрешу тебе выйти. Ты меня понял?

– Да, – сказал Бобби и тут же добавил, вовремя вспомнив: – Да, мэм.

Она щелкнула выключателем быстро, без предупреждения, так что темнота ослепила его, заставив моргать. Но комната тут же осветилась косой полоской света, лишь в верхнем углу стены за дверью осталось что-то прячущееся в тени. Там всегда что-то пряталось.

Затем Мама Гвен ушла, хлопнув дверью, свет исчез и осталась лишь темнота, не считая желтой полоски под дверью. Бобби отвел взгляд от нее и на мгновение, всего лишь на мгновение, оказался внутри теневой картинки, где порхали толстые черные бабочки и жила собака с резиновыми зубами. Иногда это продолжалось и дальше, но чаще исчезало, как только он шевельнулся. Или, может, превращалось во что-то другое. По крайней мере, Бобби нравилось там, и он жалел, что не мог остаться с ними в Стране Теней.

Перед тем, как уснуть, он увидел, как все они перешли на гладкую стену за дверью.

Когда Бобби проснулся, было еще рано. Еще даже не тянуло снизу запахом кофе. На глухой стене лежал румяно-желтый квадрат солнечного света, слегка изогнутый квадрат, ну, прямо-таки

поджидающий его. Бобби вскочил с кровати и подбежал к нему. Он омыл в этом свете руки и сел перед квадратом на корточки.

— Давай! — сказал он сам себе.

Прижав к ладоням большие пальцы, он медленно зашевелил руками. И на стене возникла черная бабочка, машущая крыльями в такт его движениям.

— Привет, бабочка, — сказал Бобби.

Он заставил ее полететь, заставил развернуться и опуститься на дно квадрата света, а потом сложить крылья. Потом Бобби вытянул одну руку и — вуала! — на стене возникла утка с длинной шеей.

— Кря-кря! — сказал Бобби, и утка открыла клюв и закрякала.

Потом Бобби заставил утку превратиться в орла. Он не знал, как кричит орел, поэтому просто проговорил: «Орл-орл-орл-орл! — и прозвучало это прекрасно. Бобби рассмеялся.

И пока он смеялся, распахнулась дверь комнаты и появилась Мама Гвен в белом халате с прямыми полами и в прямых плоских шлепанцах.

— С чем это ты играешь?

Бобби протянул ей пустые руки.

— Я просто...

Она сделала два шага в комнату.

— Встань, — сказала она, губы ее были бледны, и Бобби задал себе вопрос, почему она так сердится. — Я слышала, как ты смеялся, — буквально прошипела Мама Гвен, глядя на него сверху вниз, потом обвела взглядом спальню. — С чем ты играл?

— С орлом, — ответил Бобби.

— С каким еще орлом? Не смей мне лгать!

Бобби неопределенно взмахнул пустыми руками и отвел от нее глаза. У нее было такое сердитое лицо.

Она сделала еще пару шагов, и схватила его за запястье. Затем подняла его руку так высоко, что Бобби был вынужден встать на цыпочки, а второй рукой Мама Гвен провела по всему его телу.

— Ты что-то прячешь. Что? Где? С чем ты играл?

— Ничем. Правда, правда, ничем, — Бобби задохнулся, когда она встряхнула и охлопала его со всех сторон.

Она его не шлепала. Она никогда его не шлепала. Она делала это по-другому.

— Ты наказан, — прошипела она пронзительным, сердитым шепотом. — Глупый, глупый, глупый мальчишка... такой глупый, что даже не может понять, что его наказывают. — Она резко отпустила его руку и пошла к двери. — Не дай Бог, я услышу, что ты опять смеешься. Ты плохой мальчишка, и тебя запирают в спальне не для развлечения.

Оставайся здесь и поразмышляй над тем, как это плохо – разбивать окна. Пачкать все вокруг. И вообще, лезть, куда не следует.

Она вышла и закрыла дверь так резко, словно хотела ею хлопнуть, только беззвучно. Бобби посмотрел на дверь и на мгновение подумал о разбитом окне. Ему было очень жаль, просто мячик для гольфа полетел не в ту сторону. Папа сказал только, что нужно быть осторожным, и Бобби печально глядел, как папа вставляет новое стекло. Затем папа дал ему немного шпаклевки для игры и попросил, чтобы он никогда больше так не делал, и Бобби обещал ему не делать. И все это время Мама Гвен не сказала ему ни слова. Она лишь смотрела него, сощурив глаза и поджав губы, так что они превращались в тонкие ниточки, и ждала. Она ждала, когда папа уедет.

Потом Бобби вернулся к солнечному лучу и забыл о маме Гвен.

Он сделал на стене еще одну бабочку, потом голову собаки, потом аллигатора. Потом солнечный луч стал таким узкими, что нельзя было сделать уже ничего, кроме маленьких теней от пальцев, которые ползали вверх-вниз по полоске света, как черные муравьи и спичке. Потом солнечный лучик совсем исчез, так что Бобби вернулся на кровать и стал смотреть на неопределенное мерцание, жившее на стене за дверью. Это было что-то *иное*. Что-то не полезное, но и не плохое. Просто оно жило там, и разница между ним и другими вещами: бабочками, собаками, лебедями и орлами, которые тоже жили там, заключалась в том, что этому *нечто* не требовались его руки, чтобы жить и шевелиться. *Нечто* было само по себе. Бобби мечтал сделать бабочку, собаку или лошадь, которые остались бы после того, как он убрал руки. Но у него ничего не получалось. Единственное, что оставалось, единственное, что жило все время в Стране Теней, было это *нечто*, мерцающее в углу, где две стены смыкались с потолком.

– Я приду туда и буду играть с тобой, – сказал ему Бобби. – Вот увидишь.

Во дворе стоял красный фургон с тремя колесами и искривленное дерево, на которое так удобно лазить. Потом появился Джерри и стал звать Бобби, но Мама Гвен прогнала его.

– Он наказан, – заявила она.

И Джерри ушел.

Плохой, плохой, плохой. Странно, но Бобби не был плохим, пока папа не женился на Маме Гвен.

Мама Гвен не хотела Бобби. И в ответ Бобби тоже не хотел Маму Гвен. Папа иногда говорил другим взрослым, что теперь есть кому позаботиться о Бобби. Бобби вспомнил, что обычно, когда папа говорил это, то обнимал Маму Гвен за плечи, и в голосе его звучал вызов. Но он также помнил, как папа проворчал, оставшись

наедине, себе под нос сердитое «мне очень жаль». А теперь папа вообще уже долго не говорил этого.

Бобби сидел на краю кровати, жужжал сам себе под нос, думая об этом, а потом жужжал себе под нос, вообще ни о чем не думая. Потом он увидел бокью коровку, ползущую по комоду, осторожно взял ее большим и указательным пальцами, и посадил себе на ладонь. Очень бережно, потому что если сжать слишком сильно, то можно ее сломать. Потом он залез на подоконник и стал искать, пока не нашел дырку в окне, через которую, должно быть, и проникла в комнату божья коровка. Он выпустил ее в дырку, и коровка улетела, счастливая.

Комната была освещена рассеянным светом, отраженным от блестящей черной крыши сарая. При таком освещении Бобби не мог делать фигурки из теней, поэтому стал делать их мысленно, пока не почувствовал себя сонным. Тогда он лег, тихонько жужжа себе под нос, пока не уснул.

В сумерках вернулась Мама Гвен. Очевидно, Бобби услышал ее шаги на лестнице, потому что, когда она открыла дверь, он уже сидел на кровати, глядя в потолок.

Потолок блестел.

– Что ты делал?

– Наверное, спал. А уже ночь?

– Почти. Я думаю, ты хочешь есть, – у нее в руках была закрытая тарелка.

– М-м-м...

– Что нужно ответить? – рявкнула она.

– Да мэм, я... я хочу есть, мама Гвен, – быстро сказал он.

– Так уже лучше. Держи.

Она протянула ему тарелку. Бобби взял ее, снял крышку и понюхал. Овсянка. Он снова взглянул на нее.

– Ну?

– Спасибо, Мама Гвен.

И Бобби принялся есть чайной ложкой, торчащей из серо-коричневой, полужидкой массы. Разумеется, в ней не было ни грамма сахара.

– Наверное, ты ждал, что я принесу тебе сахар? – через некоторое время сказала она.

– Нет, – честно ответил Бобби и подумал, почему ее лицо стало сердитым и разочарованным.

– Что ты делал весь день?

Ничего. Сидел. Затем спал.

– Маленький бездельник! – неожиданно закричала она на него.

– Да что с тобой такое? Ты что, в самом деле слишком глуп, чтобы

бояться? Слишком глуп, чтобы попросить, чтобы я разрешила тебе спуститься вниз? Даже слишком глуп, чтобы плакать? Почему ты не плачешь?

Бобби уставился на нее широко раскрытыми глазами.

— Но вы бы не позволили мне спуститься вниз, если бы я попросил, — ответил он. — Поэтому я не просил. — Он зачерпнуло еще ложку овсянки. — И я не хочу плакать, Мама Гвен, мне ведь не больно.

— Ты был плохим мальчишкой, тебя наказали, и это должно причинить тебе боль, — яростно сказала она.

Затем выключила свет сильным ударом прямой руки, вышла и хлопнула дверью.

Бобби неподвижно сидел в темноте и жалел, что не может пойти в Страну Теней, как всегда мечтал. Он хотел бы пойти туда, поиграть с бабочками и с собаками с тупыми зубами, с пушистой травой и жирафами, хотел бы остаться там с ними, чтобы Мама Гвен не смогла бы никогда ворваться к нему. Жаль только, что папа тоже не смог бы прийти туда, да и Джерри, и это было бы досадно.

Бобби бесшумно встал с кровати и какое-то время глядел на стену возле двери. Он почти видел мерцающее *нечто*, которое жило там даже в темноте. Когда на стену падал свет, это нечто мерцало, чуть темнее окружающей стены. А ночью оно было чуть светлее окружающей черноты. Оно всегда было там, и Бобби знал, что это *нечто* живое. Он знал это так же твердо, как то, что «меня зовут Бобби» или «Мама Гвен не хочет меня».

Бесшумно, совсем бесшумно он прокрался на другой конец комнаты, где была маленькая настольная лампа. Он ее выключил и поставил на пол. Затем вытащил шнур из розетки, пропустил его под столом и снова воткнул. Теперь он мог перенести лампу почти на середину комнаты.

У лампы был круглый, открытый сверху абажур. Когда Бобби положил лампу на бок, то отверстие в абажуре направилось точно в стену у двери. Бобби, все еще не включая лампу, с уверенностью, обретенной долгой практикой, прошел в темноте в ванную и снял с нижнего крючка свой красный фланелевый купальный халат. Сложив его пополам, Бобби задрапировал им низ абажура. Затем включил лампу.

На стене, где была Страна Теней, появился яркий круг света, пересеченный четырьмя полосами от прутьев, державших абажур. Посредине, там, где они пересекались, было темное пятно.

Бобби критически посмотрел на него. Затем, сидя на корточках между лампой и стеной, протянул руку.

Утка.

— Кря-кря, — тихонько прошептал он.

Орел.

— Орл-орл.

Аллигатор.

— Гам-гам, — сказал аллигатор, открывая и закрывая пасть.

Затем он убрал руки и уставился на круг света, пересеченный черными полосками. Центральный кружок с полосками немного напоминал водяного паука, бегущего по поверхности ручья. Но это было скучно. Нечто просто сидело там и ничего не делало. Бобби сунул палец в рот и стал покусывать, пока ему в голову не пришла идея. Тогда он бросился к кровати, где лежали его тапочки, и поставил один тапок на пол перед лампой, а другой искоса прислонил к нему. Потом какое-то время рассматривал стену, затем лег плашмя на живот. Внимательно глядя на тень, Бобби сомкнул колени на ковре, сжал предплечья и соединил тень от рук с тенью от тапочек.

Результат ему понравился. Это было что-то вроде смеси паука с гориллой. Это было нечто совершенно новенькое, что никто никогда еще не видал. Бобби скрючил пальцы, и у теневой твари на узловатой верхней части появились яркие треугольные глаза и покачивающаяся, открытая челюсть. К тому же у нее были длинные руки и тонкие завитки щупалец. Бобби чуть передвинулся, и чудище покачало своей большой головой и прикрыло глаза. Глядя на него, Бобби внезапно почувствовал, что мерцающее *нечто*, жившее в углу под потолком, выползло и стало спускаться по стене прямо к чудищу, все ближе и ближе, потом — р-раз! — и оно бесшумно слилось с чудищем таким же быстрым и завершенным движением, как капли, сливающиеся на оконном стекле.

Бобби закричал от восхищения.

— Останься! Останься! — попросил он. — О, пожалуйста, останься! Я сделаю тебе домашних животных! Я сделаю тебе много еды! Пожалуйста, останься, пожалуйста!

Нечто сердито поглядело на него. Бобби подумал, что оно решило остаться, но еще не рисковал убирать руки.

Внезапно с треском открылась дверь, щелкнул выключатель и комнату засиял яркий верхний свет.

— Что это ты делаешь?

Бобби застыл, как замороженный, стоя на коленях на ковре, со скжатыми предплечьями и странно перекрученными руками. Он положил подбородок на плечо, так что мог видеть стоящую в комнате Маму Гвен, жестко прямую и угрожающую.

— Я... я просто...

Она бросилась к нему. Она рывком подняла его с пола и швырнула на кровать. Пинком разбросала его шлепанцы. Потом схватила лампу и выдернула провод из розетки.

— Я же сказала тебе — никаких игрушек, — прошипела она. — А это значит, что у тебя не должно быть никаких игрушек. Для этого ты и сидишь в комнате... На что это ты уставился?

Бобби вытянул руки и странным образом перекрутил их. Глаза его засверкали, показались маленькие белые зубки изо рта, когда он заулыбался.

— Он остался, он остался, — затараторил Бобби. — Он остался!

— Не знаю, о чём ты бормочешь, да и знать не хочу, — рявкнула Мама Гвен. — Я думаю, ты просто спятил.

Она вернулась к двери и щелкнула выключателем.

Комната стала темной — за исключением стены за дверью.

И тут Мама Гвен закричала.

Бобби закрыл глаза.

Мама Гвен закричала снова, за этот раз хрипло. Затем послышался странный звук, точно лай собаки, но какой-то придушенный.

А затем наступила тишина. Бобби сквозь пальцы посмотрел на смутно светящуюся стену, потом опустил руки, выпрямился, подтянул колени к груди и обнял их руками.

— Хорошо, — прошептал он.

На лестнице послышались шаги.

— Гвен! Гвен!

— Привет, папа.

Папа вошел в комнату и включил свет.

— А где Мама Гвен, Бобби? Что случилось? Я услышал...

Она там, — ответил Бобби, показывая на стену.

Наверное, папа не понял его, потому что вышел из двери и снова позвал:

— Гвен! Гвен!

Бобби сидел неподвижно, глядя на исчезающую тень на стене, хорошо видимую даже при тусклом свете, падающем с лестницы. Тень ползла и ползла. Она была треугольником острым концом вниз, в который на две трети был воткнут другой треугольник, тоже острым концом вниз, а снизу у него торчали две прямые палочки. Кроме того, у него были руки, сжатые в теневые кулаки, и оно ползло, бесшумно ползло по стене.

— Теперь я никогда не пойду в Страну Теней, — с довольным видом пробормотал Бобби. — Ведь там *Она*.

И он выполнил свое обещание.

(Imagination, February 1951)

ИНКУБЫ ИЗ ПАРАЛЛЕЛИ X

ОН СТАЛ МЕНЬШЕ, подумал Гарт, лежа на животе на вершине холма и глядя вниз, осторожно раздвинув густой кустарник, на Гезелл Холл. Холл высился над ним в детстве, и потом, круглогодично, еженедельно, каждую ночь в его снах. И вот теперь он снова ощутил себя школьником, ждавшим с того дня, когда наступил конец его мира, но не было в нем ни торжества, ни остроты ощущений, а только впечатление, будто Холл стал меньше.

Большое здание, беспорядочно раскинувшее крылья, со скрученными, поломанными антеннами энергоприемников, с двориками, заросшими желтым сорняком, оно словно лежало во впадине могучей шеи великана, который пожал плечами, и здание превратилось в беспорядочное нагромождение развалин.

Я должен был это предвидеть, подумал он. Я ведь был всего лишь ребенком, когда остался... когда фанксы...

И перед глазами снова возник космический корабль, стоящий на столбе пламени дюз, его детские мечты об иных мирах, а затем оглушительный гром настоящих реактивных двигателей – двигателей фанксов, – положивших конец его мечтам, его детству. Его миру.

Гарт Гезелл сунул руку под живот и выдернул длинными пальцами твердый корень, мешавший ему лежать. *Вот тут, подумал он, стояло главное здание. Когда появились ффакнсы, я выбежал через парадные двери к папе и Мули. А затем рухнула крыша, и кошка Мули в отчаянии бросилась прямо в огонь, потом он увидел лицо папы с осколком, перебившим переносицу и воткнувшимся прямо в глаз, и услышал, как он говорит... умоляет меня из горы щебня полным мук голосом бежать, спасаться, чтобы спасти расу, планету, Солнечную систему...*

Ну, вот он и вернулся. Не домой, потому что теперь здесь была вражеская территория. Весь этот порочный, дикий мир был теперь вражеской территорией для каждого, кто рискнет покинуть свое поселение, а деревня Гарта осталась за много дней пути позади. Позади так же остались годы взросления и обучения, и унылой жизни, влачить которую ему помогало лишь данное в детстве отцу обещание: я открою Врата.

– Я открою Врата.

Он произнес это вслух, громко, будто снова давал клятву отцу. А затем яростно бросился в сторону.

Его подсознание, обученное постоянно прислушиваться к окружающему, помогло ему избежать смертельного удара. Короткий дротик лишь болно ударил его по лопаткам, вместо того, чтобы

THE
INCUBI of PARALLEL X
by THEODORE STURGEON

пришипилить спину к земле. Гарт откатился, схватил дротик, единственным текучим движением вскочил на ноги и ударил дротиком вверх. У него осталось впечатление высокой, широкоплечей, золотистой фигуры, которая, не сделав ни шага, лишь отклонилась в сторону, избегая голодного острия дротика. Затем Гарта резко ударили по запястью, и дротик полетел куда-то в кусты.

Гарт стоял, беспомощный, схватившись за руку и глядя на улыбающегося незнакомца.

— У тебя быстрая реакция, верно? — спросил тот.

У него было широкое лицо и быстрая, резкая речь жителя Севера. Он стоял, опустив толстые руки и чуть согнув колени. Гарту

показалось, что из такой позиции незнакомец может немедленно переместиться в любом направлении.

– Но недостаточно быстро для Бронзы, – добавил незнакомец.

Гарт понял, почему незнакомца так зовут – золотистая кожа и желтые волосы, а также усеянные заклепками пояс и сапоги были явно его отличительным знаком. В руке он держал метательную палку и неторопливо постукивал ее концом по широкой, мозолистой ладони, изучая Гарта.

– Ну, а ты кто?

Гарт глянул через плечо на полуобвалившееся здание в зеленой лощине.

– Как вы называете это место?

– Гезелл.

– Ну, так я тоже Гезелл.

Лицо Бронзы превратилось в застывшую маску. Он прошел мимо Гарта, положив метательную палку на правое плечо. Наклонился, поднял выбитый у Гарта дротик и протянул ему.

– Спасибо, – осторожно сказал Гарт.

– Я слышал, как ты сказал, что откроешь Врата.

Гарт кивнул.

– Могу я помочь тебе? – спросил Бронза, и в этот момент Гарт понял, что победил, но подавил ульбку.

– А что тебе с того, если я и открою Врата?

Бронза облизнул губы, затем, даже не пытаясь скрыть свои побуждения, ответил:

– Там есть женщины. Тысячи женщин. Самые лучшие, самые умные в этом мире. – Он помолчал. – Я все время возвращаюсь сюда. Стою и смотрю вниз на Холл и пытаюсь найти путь туда. – Он вытянул свои мощные руки. – Если ты попытаешься помешать мне добраться до тех женщин, то я убью тебя. Если же ты поможешь мне, то я на твоей стороне. Целиком и полностью. Понял?

– Хватит торговаться, – сказал Гарт, позволив себе на сей раз усмехнуться. – Разве тебе мало женщин здесь?

– Женщин мало во всем этом проклятом мире. В моей деревне Преллтон-тэта семь женщин – и сотня мужчин. Вон там, за горами, в Хэддон-тауне, вдвое больше женщин и втрое больше мужчин.

– Значит, ты хочешь, чтобы кто-то открыл Врата, и тогда ты сможешь захватить их всех?

– Я? – закричал Бронза. – Нет, мне нужно всего лишь одну. Всего одну женщину, но чтобы она принадлежала только мне.

– Я вижу, что ты благоразумный человек, – улыбнувшись, сказал Гарт. – Можешь пойти со мной.

Бронза выглядел так, словно Гарт подарил ему королевство и пару крыльев в придачу.

– Я слышал о тебе, Гезелл.

— Наверное, ты слышал о моем отце, — сказал Гарт.

— О нем до сих пор рассказывают истории.

Если есть святыня, то должна быть и легенда, подумал Гарт.

— Почему же вы не пытались проникнуть в Холл? — спросил он вслух.

— Некоторые время от времени пробовали, — ответил Бронза, и бросил быстрый, испуганный взгляд вниз. — Но они все погибли.

— Это я уже слышал, — сказал Гарт, задумчиво глядя на Бронзу. — А ты сам видел, как это происходит?

— Один раз, — Бронза снял палку с плеча, присел на корточки и, пока рассказывал, нервно проводил толстыми пальцами по ее бороздкам и неровностям. — Я наблюдал, я и Рой О'Беннет со своими бойцами. Флен из Хэддон-тауна со своими людьми первыми ринулись в атаку, так как они были из большого поселения. А мы должны были идти следом и поддерживать их, когда они ворвутся в Холл. — Он замолчал и облизнул губы, его янтарные глаза смотрели, как у загнанного зверя. — У Холла было двое Хранителей, всего лишь двое против наших двухсот. Парни Флена завопили так, что мы услышали их на горе, и ринулись в атаку. В Холле не было ни малейших признаков жизни, пока они не миновали половину двора... — он махнул рукой, — а потом появились Хранители, один на северном конце, другой на южном. И между ними вдруг вспыхнул зеленый огонь, который я не могу описать. — Бронза прикрыл глаза. — Я увидел, как он мгновенно протянулся между Хранителями в разных концах двора, а затем был ослеплен. Когда я снова обрел способность видеть, мои храбрые парни убежали, оставив меня корчиться в траве, пряча в нее глаза. А во дворе лежал Флен и тридцать восемь его воинов, черные, и от них тянулись дымки. — Он снова замолчал, словно вновь увидел это ужасное зрелище. — Позже, — завершил он рассказ, — некоторые из нас отправились в Хэддон-таун, чтобы посмотреть, не осталось ли на нашу долю вдов, но все они были уже заняты.

Гарт не стал это комментировать.

— Расскажи мне, что ты знаешь о Хранителях, — попросил он.

— Я мало что знаю, — ответил Бронза. — Но если начну пересказывать все, что слышал, то мне потребуется не меньше месяца. Когда они появляются, то можно увидеть лишь капюшон и длинное одеяние, спускающееся до самой земли. Одни говорят, что это мужчины и женщины, — или, по крайней мере, были ими. Другие — что это монстры с другой стороны Врат.

— Скоро увидим, — сказал Гарт.

— Ты Гезелл, — сказал Бронза хриплым от подавляемого волнения голосом. — Ты можешь просто войти туда.

— Не могу, — покачал головой Гарт. — Очень не хочу разочаровывать тебя, Бронза, но много воды протекло через дамбу с тех

пор, как ффаксы завоевали нас. Врата создал мой отец двадцать лет назад. Он думал, что те станут охранять женщин месяц-другой, пока он не разобьет ффаксов. Но они убили моего отца. И Врата остались запертыми. И с того времени большинство женщин в мире было увезено, а мужчины стали бороться за немногих оставшихся, секрет же Врат был скрыт в сознании восьмилетнего ребенка. И вот теперь Холл стал святыней, а Хранители – его защитниками, наука – магией, а мир разлетелся на множество кусочков, воюющих друг с другом.

– О чём ты говоришь? Ты – Гезелл, и не можешь войти туда?

– Все изменилось, – терпеливо сказал Гарт. – Я слушал рассказы путешественников, прочитал все немногие оставшиеся записи, и все сводилось к одному: я единственный живой человек, который может открыть Врата, но преданные дураки-Хранители уничтожат меня, если я попру прямо на них.

– Откуда мне знать, что ты – Гезелл? – с внезапным подозрением заявил Бронза.

– Ниоткуда, – сказал Гарт и, не поворачиваясь, сделал быстрое движение, и из кобуры в его руку буквально выпрыгнула какая-то трубка. – Гляди, Бронза.

Лицо Бронзы окаменело.

– Что это? Что это за штука?

Гарт нажал на контакт на боку трубки. Из нее вырвался пучок света, отблески которого заиграли на испуганном лице Бронзы. Здоровяк вскрикнул и тут же застыл, в ужасе зажмурившись. Гарт выключил трубку и убрал в кобуру.

– Меня зовут Гезелл, – повторил он, но я не собираюсь все время это доказывать. Хочешь – верь, не хочешь – нет.

– Что это было? – пробормотал Бронза. – Как оно сделалось? Этот свет, белый свет...

– Это просто свет, – рассмеялся Гарт и хлопнул здоровяка по мясистому плечу. – И хватит болтать.

– Ты не должен был делать это, – хрюкло сказал Бронза. – Ты не должен был пугать меня, Гезелл. Я же сказал, что помогу. И я не откажусь от своего слова. Я верю тебе.

– Прекрасно. А теперь замолчи и дай мне подумать.

Они стояли на гребне лесистого холма, почти вертикально спускающегося в лощину. Позади лощины стоял Холл, а за ним высилось плечо холма, не такое высокое, как то, где они стояли, но все же выше здания. Покрытый сорняками обширный двор был пуст, не считая нескольких гигантских деревьев, одно из которых поднималось над центральным зданием. Оно протянуло толстенную ветку, точно руку великана, над самой крышей. Гарт внимательно осмотрел ее, затем противоположный склон.

– Бронза!

Бронза тут же выпрямился, преисполненный рвения услужить.

— Что, Гезелл?

— Хорошо ли ты управляешься со своими дротиками?

— Весьма недурно, Гезелл. Как-то я убил оленя на расстоянии девяносто ярдов.

— Сколько-сколько?

— Ну, семьдесят, — исправился Бронза под пристальным взглядом глубоко посаженных глаз Гарта, кашлянул и усмехнулся.

— До вершины утеса, пожалуй, все сто пятьдесят — видишь вон там, отвесную скалу, поднимающуюся над Холлом?

— Угу. Я мог бы вбить в нее дротик, но не слишкомочно.

— А насколько точно ты можешь попасть туда?

Бронза уверенно сложил большой и указательный пальцы колечком.

— Вот в такую мишень.

— Покажи.

Бронза выбрал дротик и вставил его в чашку на конце метательной палки. Немного потоптался, получше упираясь ногами, глянул вверх, пошевелил кистью и шагнул чуть левее. На мгновение он застыл, фиксируя взглядом утес, затем внезапно его рука почти исчезла от быстрого движения, а сама метательная палка сделалась невидимой, только свист резал воздух.

На короткий момент Гарт потерял дротик из виду. Затем его глаз уловил движение за миг перед тем, как тот достиг ствола дерева, росшего на выступе утеса, и тут же услышал короткий удар.

Невероятно! подумал он, но вслух сказал:

— Неплохо, неплохо. Но все же ветер может все испортить.

Гарт расстегнул пояс и скинул с себя все, оставшись в нижнем комбинезоне — комбинации темно-синей рубашки и белых штанов, обтягивающих его развитые мышцы. Узкая белая полоса тянулась под мышками, а другая проходила чуть ниже талии. Гарт поднял руки и потянул маленькое кольцо, двигая его вдоль полосы. Судя по округлившимся глазам и открытому рту Бронзы, он впервые увидел застежку-молнию.

Гарт повторил то же движение с колечком на нижней полосе и выскоцкнулся из комбинезона через горловое отверстие. Затем пробежал пальцами по краю, остановился и принял осторожно вытягивать из комбинезона нитку, не обращая внимания на изумленного Бронзу.

— Что ты делаешь?

— Займись пока кое-чем полезным, — сказал вместо ответа Гарт. — Я хочу, чтобы ты нашел на земле чистое твердое место. Чтобы там не росло никакой травы, и было оно под открытым небом. Найди такое.

Донельзя заинтригованный Бронза сделал то, что ему велели. К тому времени, когда Гарт вытянул уже тридцать футов нити, нужное место было приготовлено, и Бронза, тяжело дыша, вернулся к нему. Гарт сжался над ним – было похоже, что Бронза вот-вот лопнет от любопытства. Он протянул ему нить.

– Оторви-ка для меня кусок.

Бронза взял конец нити и обмотал ее вокруг кулаков.

– Погоди! – рассмеялся Гарт.

Найдя две толстых палки, он смотал нить с кулаков Бронзы и обмотал ею палки, оставив между ними дюймов шесть свободной нити.

– Давай теперь, – велел он, – только держись за палки, а не за нить.

Озадаченный, Бронза схватил палки и потянул. Нить натянулась с протяжным музыкальным звуком, но и не подумала рваться. Широкое лицо Бронзы сделалось изумленным. Он перехватил палки поудобнее и намотал на них нить, оставив лишь пару дюймов. Затем прислонился спиной к деревцу, стиснул зубы, прижал руки к груди и стал тянуть. Трицепсы его напряглись так, что натянутая кожа на них заблестела.

Раздался приглушенный треск, и Гарт шагнул к нему. Кусок одной палки упал на землю. Нить отрезала его, как коса пучок пшеницы. Бронза, затаив дыхание, уставился на остаток у себя в руке. Палка была отрезана чисто, как невозможно сделать ножом.

– Потому я и дал тебе палки, – усмехнулся Гарт, – чтобы ты не отрезал себе лапы.

– Это материал франков... – с трудом выдохнул Бронза.

– Почему? Это человеческое изделие. Сжатое волокно подверглось ионной бомбардировке... Но не пытайся этого понять. Главное, что эта нить легко выдерживает шесть тонн и начинает рваться лишь после восьми с половиной тонн. И она никогда не запутается.

– Да, – кивнул Бронза, – но зачем она?

– Ты привяжешь ее к дротику и пустишь на ту сторону ущелья. Так что давай-ка теперь работать. В этой рубашке осталось еще не меньше четырехсот ярдов. Половины должно хватить. На всякий случай, приготовим немного больше.

Целых два часа, пока удлинялись дневные тени, они трудились, сматывая нить в небольшие рулончики. Постепенно рулончики стали покрывать голый участок земли. Говорили они мало. Наконец, Гарт сказал:

– Готово.

Бронза встал и потянулся, разминая затекшую спину.

– Я проголодался.

– Так накорми нас, – сказал Гарт.

Бронза тут же схватил свой колчан с дротиками, метательную палку и, ни слова не говоря, скользнул в кусты. Через четверть часа он вернулся с двумя большими кроликами. У одного было неровное отверстие на голове позади глаз, а у второго все еще из груди торчал дротик. Бронза сел на корточки, достал видавший виды нож и с быстрой небрежностью, говорившей о длительной практике, выпотрошил и освежевал одного зверька и вручил Гарту теплый, капающий кровью кусок.

— А теперь послушай меня, — сказал Гарт с набитым ртом. — Я не знаю точно, кто такие Хранители, но одно я знаю наверняка — зеленый огонь, который ты видел, исходит не от них. Он появляется из-под земли — это такое энергетическое поле, активированное чем-то, что они носят под длинной одеждой... Зачем я вообще стараюсь что-то тебе объяснять?

— Я слушаю, — проворчал Бронза, выплевывая обглоданный хрящ.

— Ладно. Тогда пойми, что требуются два Хранителя, на обеих сторонах подземного кабеля, чтобы включить огонь. *Нужны двое, чтобы сделать это.* Ты меня понял? Если я сумею избавиться от одного, то к другому ты сможешь подойти без всякой опаски.

— Да?.. — протянул Бронза, вытирая с подбородка кровь кролика.

— Так ты действительно понял? Через минуту я оставлю тебя и хочу быть уверенным, что могу на тебя положиться. Даши мне честное слово — что займешься Хранителем, не боясь быть поджаренным?

Бронза недоуменно взглянул на него.

— Но ведь ты сказал, что я могу, разве не так? — просто спросил он.

Гарт позволил себе снова усмехнуться.

— Думаю, Бронза, мы сумеем это сделать, — сказал он. — А теперь слушай мой план...

Ночь была тихой и холодной, но Гарту, раздетому до пояса, в одних лишь коротких штанах и ботинках — все, что осталось от его комбинезона, — было жарко, он весь обливался потом, когда закончил долгий, бесшумный подъем на утес. Он сделал глубокий вдох и выдох, затем отправился на выступ сбоку утеса. Оттуда он увидел расчищенное место и дерево, в которое Бронза метнул днем проверочный дротик.

Встав за деревом, в котором все еще торчал дротик Бронзы, Гарт протянул к нему руку с фонариком и послал яркий белый луч вниз.

Затем стал ждать.

В небе висел полумесяц — зарождающаяся луна, которой не терпелось стать круглой. Где-то кузнец чеканил, как несмазанное колесо из пословицы, да древесная жаба издавала музыкальные звуки, повествуя о своих глубоких чувствах. Виднелся край черной, отвесной, восьмидесятифутовой пропасти — и там, далеко от

тени утеса, стояло большое дерево с веткой, протянутой к зданию, точно застывший в благословенном жесте гигант.

Где же Бронза? Противоположный выступ был лишь мешаниной теней и пятен лунного света. Там ли Бронза, стоит, целясь туда, где увиделпущенный Гартом луч света? Или он убежал, охваченный страхом, к себе в деревню, чтобы потратить остатки ночи и всю оставшуюся жизнь досужими мечтаниями о том, как он почти что помог открыть Врата?

Звуки кузнечика и жабы внезапно показались Гарту непереносимыми. Фыркнув от нетерпения, он высунулся из-за дерева. И в ту же секунду раздался свист, что-то пролетело мимо его носа и со стуком воткнулось в дерево. Гарт упал на колени, уставившись в темноту, а затем рассмеялся над самим собой. *Надеюсь, на сегодня я сделал все глупости*, подумал он. Гарт знал, что Бронза вряд ли сумеет попасть в темноте в то же дерево, и, высунувшись из-за ствола, чуть было не словил дротик своей глупой башкой.

Дротик воткнулся не в дерево, поскольку Гарт проинструктировал Бронзу целиться в землю возле него, потому что из ствола дерева Гарт вытащить дротик уже не сумел бы, а он должен был отвязать от него нить.

Гарт пошарил рукой и нашупал дротик. Затем из мешочка на поясе достал перчатки, тонкие, легкие и неимоверно прочные, сделанные из того же вещества, что и туника. Надев перчатки, он провел рукой по дротику и наткнулся на привязанную к нему нить. Он уже обмотал ее вокруг руки, когда нить дважды резко дернулась. Гарт усмехнулся. Это было послание от Бронзы: «Удачи!»

Смотав нить в бухту, он обошел с ней вокруг дерева, пропустив нить между стволом и веткой. Легонько дернув за свободный конец, затягивая, и бросил бухту на землю.

Затем глубоко вздохнул и подошел к краю утеса. Теперь все зависело от того, правильно ли он оценил расстояние.

Начали, подумал Гарт. Он взял нить и привязал ее свободный конец к поясу. Затем опустился на колени, уложил бухту на землю так, чтобы она могла разматываться без препятствий. Подошел к краю утеса, взялся руками в перчатках за нить, натянутую от дерева к дереву через лощину. Сосредоточился и постарался ни о чем не думать.

Строения внизу были темными, за исключением тусклого-оранжевого света, горевшего в главном Холле. Он заметил мерцание, шевелились какие-то тени, словно там двигались чьи-то беспокойные фигуры.

Что, черт побери, медлит Бронза? Он что, забыл, что нужно делать? Большой, глупый, медлительный...

С другой стороны каньона раздался громкий треск, когда вниз по склону покатился валун, и послышался вопль, отзывающийся эхом,

отразившийся от стен лощины и исчезнувший вдалеке. Вопль этот походил на призыв потерянной души и ей словно ответили товарки с обеих сторон лощины.

Сигнал! – подумал Гарт и шагнул с утеса.

Быстрый полет, толчок, и он почувствовал, как нить загудела у него в руках, когда ночной ветерок стал играть на ней, словно на струне. Миг он висел, затем стал ползти по ней на руках.

Плечи вскоре заныли, но Гарт старался не думать об этом. Вперед, вперед, только вперед...

Потом он соединил руки и сильным толчком развернул свое тело в ту сторону, откуда прибыл. Накрытый тенью утес был уже далеко, оставалось совсем немного. Гарт пополз дальше. Большое дерево, впереди и внизу становилось все ближе и ближе. С трудом заставляя непослушные руки хватать и отпускать, он упорно лез вперед.

В груди у него нарастало волнение. Ему показалось, что кто-то окликнул его снизу. Хранитель? В этот момент даже Хранитель был неважен. Ничто не было важно, кроме необходимости... нет, кроме долга переставлять руки, чтобы продвигаться вперед.

Готово! Ежесекундно Гарт глядел вниз, но когда настал нужный момент, то захватил его врасплох. Он протянул непослушную руку и с силой дернул. Завязанный хитрым узлом конец нити с той стороны, откуда он полз, тут же развязался, и ветер отбросил нить куда-то в темноту.

Гарт скользнул по ней с быстрой молнией.

Земля ударила его по коленям, затем он подскочил на нити вверх, к самому карнизу главного здания Холла, а когда достиг верхней точки своего взлета, выпустил нить. Один страшный миг ему казалось, что руки не повинуются, но затем понял, что уже летит вниз, и сосредоточился на приземлении.

Темная крыша стремительно надвинулась снизу. Он принял удар напруженными ногами, упал на бок и перекувыркнулся.

Затем позволил себе роскошь целую минуту лежать неподвижно и отдыхать.

СПИХНУВ ВАЛУН по склону и проревев в ночи свой боевой клич, Бронза пустился бежать, как перепуганный кролик, по темной тропинке, ведущей вниз по склону.

– Безумец, безумец, – бормотал он на ходу.

Безумный план Гезелла не мог сработать. Чудесный, героический, блестящий план, но совершенно безумный. И он, Бронза, тоже сошел с ума, раз согласился ему помочь. Лучше бы ему отправиться домой. У него уже есть что рассказывать всему Преллтону вся оставшаяся жизнь.

Но, несмотря на такие мысли, ноги продолжали нести его вниз по склону, к смертоносному двору Гезелл Холла.

— На месте, — раздался тихий голос.

Появилась закутанная в бесформенное одеяние фигура Хранителя, молча готовящаяся в лунном свете, чтобы выпустить испепеляющую зеленую смерть.

Я поворачиваю домой, совершенно холодно и рационально подумал Бронза.

Но остался стоять, где застыл.

Потом он увидел второго Хранителя, идущего медленно, словно скользящего по дорожке, совершенно не двигая ногами, а просто нечеловечески плавно скользя. Так передвигаются улитки. И многоножки. В голове у Бронзы внезапно пронеслись все рассказы о монстрах с другой стороны Врат.

И увидел Бронза еще кое-что. Если второй Хранитель пройдет еще немного, чуть дальше от Холла, то он, Бронза, окажется как раз на прямой линии между ними...

В животе у него что-то дернулось, словно съеденный кролик внезапно ожил и решил попрыгать. Бронза стоял на месте. Во рту у него мгновенно пересохло.

Второй Хранитель уже вышел из его поля зрения, приближаясь к той точке, которая примет Бронзу в объятия зеленого пламени...

— На месте, — раздался голос второго Хранителя, а затем Бронза получил первое из двух его самых больших потрясений в жизни.

Перед глухой стеной здания вдруг вспыхнул яркий белый свет.

— Хранитель! — пропел глубокий, звучный, как орган, голос.

Свет заиграл на вырванном из темноты лице — лице Гарта Гезелла.

— Гезелл! — задохнулся Хранитель и, всхлипнув, бросился к свету.

Второй медленно двинулся за ним. Постепенно Бронза различил всего Гезелла в нимбе белого света. Он висел в воздухе на одной руке, примерно, на трети высоты стены. Вторая рука была убрана за спину.

— Стойте! — тем же звучным голосом крикнул он. — Забудь свои привычки, Хранитель, потому что я вернулся!

Хранитель слева заколебался и остановился. Одним движением он скинул с себя мантию и отбросил ее в сторону. Другой последовал его примеру. Две нагие фигуры двинулись к зданию, точно лунатики. И как только они это сделали, освещенная фигура медленно и величественно спустилась на землю. Хранители пали на колени и поклонились его ногам. Свет погас.

— Бронза? — шепнул Гарт, и этот шепот, почти беззвучный, вырвал гиганта из испуганной оцепенелости.

Он вскочил на ноги и побежал через широкий двор, а там испытал второе потрясение.

Гарт стоял у стены, и Бронза почувствовал в его позе крайнее напряжение.

— Наблюдай за ними, — шепнул Гарт, обращая свет фонаря на две почтительно склонившиеся фигуры.

Одна из них оказалась девушки.

Давно уже встревоженные жеребцы в сознании Бронзы тут же пришли в неистовство. Взрыв желания сотряс его до самых глубин. Он быстро нагнулся и схватил девушку за руку.

— Эй, ты, встань!

Она повиновалась.

Она стояла и смотрела на него широкими, безмятежными глазами. Она даже не попыталась прикрыться или сжаться. Она встретила его пристальный взгляд и спокойно ждала.

На Земле было два вида женщин – Сбежавшие и Возвращенные. Сбежавшими назывались те, кто сумел укрыться от франков – по случайной удаче или чисто животной хитрости тех мужчин или женщин, что спрятали их. Они были призом в честной игре для франков, пока франксы правили Землей, а также были призом для каждого из сотен мужчин, боровшихся за них.

И очень мало женщин Земли, возможно, одна на тысячу, оказались Возвращенными. Почти неизменно франксы убивали женщин. Но иногда, очень редко, отпускали их живыми. Никто не знал, почему. Может, просто из-за какого-то каприса, а может, в качестве эксперимента. Но по грубой этике неоднородного средневекового общества – все, что осталось от земной культуры после франков, завоеванной, а потом уничтоженной во время их ухода, – эти женщины были священны. Они расплатились. И жизнь их на этой планете была легендой и заупокойной мессой одновременно, они ходили и скорбели по Земле. И их нельзя было трогать. Это все, что могли для них сделать за их утраты и одиночество. Они знали это, поэтому ходили по Земле без страха.

Дикие жеребцы в сознании Бронзы постепенно успокоились. Они стихли и были подавлены, точно чья-то твердая рука погладила их распалившиеся ноздри.

— Сестра, – сказал Бронза, – я приношу извинения.

Она только склонила голову, затем повернулась к Гарту и тихо сказала:

— Что мы можем сделать для господина?

Гарт вздохнул.

— Я проделал длинный путь. Мы с моим другом должны отдохнуть. Несите караул, как всегда, а утром настанет новый день, и ничто уже не будет для вас прежним.

Девушка коснулась плеча другого Хранителя.

— Пойдем.

Он встал. Это был стройный молодой человек с темными бровями и дикими, испуганными глазами, точно у бурундука. У него была белая кожа, тонкие руки и горделивая осанка.

— Господин, — сказал он Гарту.

В тоне его звучало подобострастие, но одновременно и бесконечная гордость от того, что ему доверили такую важную службу. Они с девушкой ушли в здание.

— Он бесполый, — сказал Бронза, это было только определение и не несло в себе никакого презрения.

— Я устал, — сказал Гарт.

— Спи, — сказал Бронза. — А я останусь на страже.

— Ты тоже можешь поспать, — сказал ему Гарт. — Мы прошли, Бронза. Мы и в самом деле прошли...

— БРОНЗА!

Гигант был уже на ногах, с оружием в руке, не успел Гарт закончить это короткое слово. Он быстрым взглядом осмотрел комнату, не увидел непосредственной угрозы и подошел к кровати.

— С тобой все в порядке?

Гарт лениво потянулся в постели.

— Никогда лучше себя не чувствовал, хотя моим плечам не помешал бы массаж... Что у нас на завтрак?

Бронза подошел к двери, распахнул ее и наполнил воздухом свои могучие легкие, собираясь кричать. Но слова замерли у него в горле. Потому что за дверью уже стояла в ожидании девушка.

Гарт тоже увидел ее.

Входи.. О, Господи. Девочка, ты, наверное, замерзла!

— У меня не было вашего позволения... — серьезно ответила она.

— Пойди оденься. И скажи второму Хранителю тоже что-нибудь нацепить на себя. Как тебя зовут?

— Вики.

— А как зовут... другого Хранителя?

— Дау, господин.

— Прекрасно. Только меня зовут не господин. Лучше Гарт или Гезелл, как вам больше понравится. А это Бронза. Ты принесешь что-нибудь поесть?

— Да, Гарт Гезелл.

Гарт скривил губы. В ее устах его имя звучало даже более подобострастно, чем «господин».

— Мы будем готовы через минуту, — сказал он. — Я хочу, чтобы вы оба поели с нами, ты понимаешь? Ты и тот, другой.

— Это великая честь, Гарт Гезелл, — улыбнулась она, и улыбка показалась чуждой на таком тонком и строгом, аскетичном лице.

Секунду она подождала, не скажет ли Гарт еще что-нибудь, затем отступила и исчезла за дверью.

Завтрак был очень неловким для всех. Они ели за столом в маленьком зале в Холле, под портретом первого Гезелла. Вероятно, Гарт станет таким же лет через десять. Все Гезеллы были похожи друг на друга.

Вики, одетая теперь в короткое платье, поддерживаемое широким поясом, вела себя скромно, тихо, говорила лишь тогда, когда обращались непосредственно к ней, и отгораживала глаза от пристального взгляда Гарта длинными, густыми ресницами. Дау смотрел перед собой вечно удивленными глазами, и явно прилагал все усилия, чтобы не смотреть прямо на Гезелла. Бронза лишь усмехнулся, заметив замешательство Гарта, и игнорировал чопорный вид обоих Хранителей.

Гарт подождал, пока еда будет закончена, затем положил руки на стол.

— А теперь нам предстоит работа.

Хранители повернулись к нему так резко и покорно, что на мгновение Гарт потерял ход мыслей. У Бронзы был такой вид, словно он вот-вот рассмеется. Гарт бросил на него ядовитый взгляд и сказал Хранителям:

— Но я хочу, чтобы сначала вы кое-что рассказали мне. Я отсутствовал долгое время и хочу услышать историю этого места, все, что вы знаете, особенно то, что касается Врат.

Вики и Дау поглядели друг на друга.

— Начинайте, начинайте, — сказал Гарт.

Дау сел прямо, держась руками за край стола, и опустил глаза.

— В год прихода ффанксов, — начал он с интонацией, — вспыхнуло синим светом нечто похожее на арку огромных дверей, проем которых был заполнен светящимся туманом.

— Мы верны Гезеллам, — пробормотала Вики.

— И из этого прохода появилось создание длиной с руку и весом в четыре раза тяжелее, чем если было бы отлито из свинца. Оно понюхало воздух, оно схватило горсть земли и поднесло к коробке, в которой была его голова, а потом оно учудило наших женщин. И тогда воззвало оно, и из сводчатого прохода появились сотни тысяч его соплеменников, со странными предметами и машинами, творящими зло. Это и были ффанксы.

— Мы верны Гезеллам, — пробормотала девушка.

Гарт открыл было рот, чтобы что-то сказать, но тут же закрыл его. У него был чуткий слух, и он сразу же уловил напевность речи Дау. Никто не разговаривал в таком ритме. Это был не рассказ, а монотонный ритуал.

— Сначала мир недоумевал, сначала мир стал смеяться над ффанксами. Ффанксы были такими маленькими, их корабли напо-

минали игрушки, и они распространились по всей Земле, не вредя ни единой душе, точно маленькие забавные куклы. Они разлетелись по всей планете, а когда были готовы – нанесли удар.

Произнеся два последних слова, Дау опустил голову на руки.

– Мы верны Гезеллам, – вторила ему Вики.

Дау внезапно выпрямился. Голос его стал громче, глаза расширились и уставились куда-то вперед. Пока он говорил, Гарт увидел, как незаметно кивает косматой головой Бронза, точно в такт дидактическим фразам Дау.

– Они напали на наших женщин. Они искали их в домах, в пещерах и церквях, они уничтожали женщинами. Оружием их были молоты небесной силы, испускавшими неслышимые звуки, которые заставляли сильных мужчин убивать собственных дочерей, а затем и самих себя. А затем грязные ффандсы собирали их тела. Иногда они пасли их, паря на своих маленьких, прилизанных воздушных кораблях, собирая мужчин и утомленных женщин в кучи и гоня их в загоны. Загоны обнесены были стенами с силовыми оградами, уничтожавшими нападавших извне, а затем они занимались тем, что убивали женщин, снова и снова, тысячами ежедневно. И настали на Земле черные времена, самые ужасные времена... Земля была объята безумием.

– Мы верны Гезеллам.

– Гезелл был гигантом, жившим на утесе, и творил чудеса, но оторвался от своих работ ради решения проблем Земли. Из всех людей на Земле лишь он один изучил природу ффандсов, места, откуда они прибыли, и разработал заклинание, каким можно их уничтожить. Именно он придумал, где можно спрятать женщин, такое убежище, которое не могли найти даже ффандсы. Он создал Врата и провел через них женщин – женщин красивых и женщин умных, а также всех женщин с дочерьми. Земля одичала, мужчины утратили вкус к жизни и принялись атаковать утес Гезелла, пытаясь пройти через Врата и добраться до женщин. Некоторых толкала на это страсть, некоторых – трусость. И поэтому Гезеллу пришлось принять меры для обороны, назначить Хранителей и дать им твердые инструкции уничтожать всех нападающих, будь то люди или ффандсы.

– Мы верны Гезеллу.

– И вот Слово Гезелла: «*Охраняйте Врата даже ценой своей жизни. Не пытайтесь открыть их, иначе ффандсы найдут их и заберут скрытые за ними сокровища. Когда настанет время, женщины сами откроют Врата – или я, или другой Гезелл откроет их с этой стороны. А вы охраняйте Врата*». Таково Слово Гезелла, его последнее Слово. Прибыли ффандсы и убили его, но перед смертью он прочел свое заклинание, и ффандсы тоже умерли. Они умерли в обоих мирах, так что угроза исчезла. А Земля оста-

лась лежать во тьме в ожидании, когда вернется Гезелл и откроет Врата. А до тех пор единственной надеждой мира является Слово Гезелла: «*Охраняйте Врата*».

Дау закончил рассказ. Бронза сидел неподвижно, словно загипнотизированный. Губы Вики беззвучно шевелились.

Внезапно Гарт с силой хлопнул ладонью по столу.

– И это наносит вред, – проворчал он. – Дау, где... откуда ты узнал то, что сказал сейчас? Кто это сказал тебе?

– Это Слово Гезелла, – недоуменно ответил Дау. – Мы...

– Мы повторяем его каждое утро и каждый вечер, – перебила его Вики, – чтобы укрепить нас в исполнении долга.

– Но чьи эти фразы? Кто придумал их?

– Гарт Гезелл, уж *ты* должен знать... а, может, ты просто проверяешь нас?..

– Отвечайте на вопрос.

– Я услышала их от Дау, – сказала Вики.

– А я от Соамсов, а те от Элберта и Весты, которым сказал их сам Гезелл.

Гарт прикрыл глаза.

– Элберт... Святой фимиам! Это же был...

Гарт вовремя замолчал. Он вспомнил Элберта – мечтательного лаборанта, с которым отец прежде частенько вел долгие, интересные диспуты и который все остальное время трудился в лабораториях. Гарт понял, с чего начался этот миф, рожденный поэтическим умом этого юного неудачника.

Гарт задумчиво поглядел на восторженные лица сидящих за столом.

– Сейчас я расскажу вам ту же историю, – сказал он тусклым голосом, – но без прикрас. Гезелл был моим отцом. Он был великим и добрым человеком. Но он *не был* девяти футов ростом, Бронза. И. – повернулся он к Хранителям, – он не придумывал заклинание. Теперь о вашей легенде. Луга Хэка и Сэка – это просто болото к югу от того места, где до появления ффандсов стоял самый большой город на Земле. Настоящее его название Хэкенсэк. Арка из синего света не волшебство, а наука – она той же природы, что и Врата, хотя несколько отличается от них. Ффандсы были маленькими и тяжелыми потому, что пришли из мест, где молекулярная структура более плотная, чем у нас. И они напали на наших женщин по серьезной причине. Вовсе не из злобы и не ради спортивного интереса. Они делали это из жизненной необходимости. И из-за этой необходимости бесполезно было побеждать их и изгонять. Их надо было не побеждать, а *уничтожить*. Не стану вдаваться в тонкости химии иных измерений. Но я хочу, чтобы вы точно поняли, кто такие были ффандсы – и тогда вы лучше поймете, что было им нужно. Между мужчинами и женщинами не существует большого

физического различия. Я имею в виду, что структура костей, метаболизм, мускулатура и кое-какие органы отличаются по качеству, но не по природе своей. Но есть одна штука, которое производит женское тело, и которой нет у мужчин. Его называют *экстрадиол бета-прима*, и он отличается по структуре от мужского *экстрадиола*. Именно из-за него женщины являются женщинами. Без него они – ничто... фригидные, бесполые, опустошенные создания. Вот за этим веществом и охотились ффандсы. Вы слышали рассказы о том, чего они хотели. Женщин. Но хотели они их не как женщин. Им нужен был *экстрадиол* по причине, которая считалась важнейшей на Земле, да и во всех других мирах: *экстрадиол делал их бессмертными!*

Рот Бронзы раскрылся. Вики не отрывала от Гарта глаз. Тяжелые брови Дау сошлись с выражением, походившим больше на страх и тревогу, чем на недоумение.

– Подумайте об этом минутку. Подумайте о том, что бы произошло, если бы мы на Земле нашли животное, несущее в себе вещество, которое делало нас бессмертными... как безжалостно и беспощадно мы бы охотились за ним.

– Секундочку, – воскликнул Бронза. – Ты хочешь сказать, что ффандсов нельзя было убить дротиком?

– О, Боже, да нет же!.. Они не были бессмертными в этом смысле. Они просто не умирали от старости, которая вызывается у всех видов условием, называемым дисфункцией тканей. Извлеченный из тела женщины *экстрадиол бета-прима* восстанавливал ткани ффандсов и сохранял их здоровыми примерно тридцать наших лет, а то и больше. Затем повторная инъекция могла продлить жизнь еще на такой же срок, и так далее.

– А где мир ффандсов? – спросил Дау и тут же бурно покраснел, словно смущенный звуками собственного голоса.

– Это не так уж легко объяснить, – ответил Гарт. – Вот предположим, что дверь, – он указал на дверной проем, – открывается не в одну комнату, а в несколько. Представьте, что, скажем, если вы войдете в нее и повернете направо, то из первой комнаты тут же пройдете во вторую. Эту вторую можно назвать Параллельным Миром X, или просто Параллелью X. Врата и арка с синим туманом в Хэкенсэке – это дверные проемы между мирами... между Вселеными. Эти Вселенные существуют в одном и том же пространстве, но на разных уровнях вибрации... Не думаю, что вы это понимаете, этого никто не понимает. Это старая теория. Никто не обращал на нее внимания, пока до нас не добрались ффандсы.

– Но если это, как ты говоришь, дверной проем, – тут же спросил Бронза, – тогда почему ффандсы не нашли дорогу в мир, куда ушли женщины?

— Видишь вон тот дверной проем? — улыбнулся Гарт. — Предположим, ты знаешь, каким способом можно открыть дверь в одну из двух комнат. Но ты понятия не имеешь, что вместо того, чтобы свернуть налево и попасть во вторую комнату, можно подняться и очутиться в третьей. Примерно так это и работает. Ффанксы просто не могли додуматься, как войти в арку между измерениями, чтобы попасть в мир Врат. Но существовала возможность, что ффанксы *могли бы* додуматься до этого, поэтому держу пари, что женщины об этом предупредили, и они там готовы сражаться. Но возвращаясь к моей истории... я рассказываю вам все это, чтобы вы поняли, что мы будем делать, так как мне не нужны люди, которые просто выполняют команды, мне нужны люди, которые мыслят сами. Ну, так вот... Я пытаюсь дать вам общие представления о том, кем был мой отец — человек, который трудился, волновался, совершал ошибки, бывал счастлив, напуган и храбр — словом, такой же, как и вы. Он был ученым, специалистом по молекулярным структурам. В первые годы после вторжения он поймал парочку ффанков — как вы помните, тогда они еще не нападали. Отец был единственным человеком, который сумел установить с ними контакт, причем сделал это так, что сами они этого не поняли. Специалист по уплотненной материи может делать множество странных вещей. Например, он узнал, что мыслеволны людей очень похожи на мыслеволны существ типа ффанков, то есть электрические импульсы, производимые их мозгом, можно перевести в волны, которые могут зарегистрировать и расшифровать наши приборы. Подробностей отец не получил, но некоторые понятия сумел расшифровать. Например, он узнал, что арка с синим туманом была единственным выходом из их мира, и что они никогда не посещали иные планеты нашей Вселенной. Другим понятием была цель их поисков на Земле. Когда отец узнал это, то уничтожил свои подопытные экземпляры, но к тому времени было уже слишком поздно. Он разобрал маленькие тела ффанков буквально по атомам и узнал, как их уничтожить. По идеи это было просто, но на практике трудновыполнимо, потому что нужно было выпустить в их мире изотоп азота, который начал бы в их атмосфере цепную реакцию. Из-за различий в молекулах двух Вселенных — таблица элементов у них точно такая же, только элементы обладают большей плотностью — их атмосферный водород, например, мог быть заменен свободным водородом и тригидридом мышьяка с ионами азота в виде побочных продуктов, которые снова и снова начали бы реакцию... Но я вижу, что все это для вас пустые слова. Простите. Достаточно сказать, что мой отец узнал, как уничтожить ффанков, но сделать это мог лишь он сам. К тому времени ффанксы уничтожили связь, и в мире воцарился хаос. Отец знал, что ему понадобится довольно много времени, поэтому создал Враты. Он

разгадал секрет синей арки ффандсов, которую видел издалека. Он изучил этот странный синий светящийся туман и предположил, какова его природа. И, пытаясь создать другую такую же арку, через которую планировал вторжение в их мир там, где его не ждали, он наткнулся на идею Врат. Врата заполнил странный красновато-оранжевый туман вместо синего, а атмосферой по другую сторону можно было дышать, значит, это был не мир ффандсов. Отец прошел через Врата и осмотрелся. Там была растительность, вода и, насколько он смог понять, никаких опасных зверей и никакой цивилизации, только насекомые и небольшие зверьки, похожие на кроликов, настолько ручные создания, что их можно было ловить голыми руками. И у отца возникла идея использовать этот мир в качестве убежища для женщин, пока он сам работал над созданием оружия, которое должно уничтожить ффандсов. Вы знаете остальную часть этой истории – как сюда добирались женщины, все те, с кем отец сумел связаться, и как затем отцу пришлось наладить оборону против охваченных паникой, жаждущих женщин толп, принявшихся штурмовать его владения. Я был всего лишь восьмилетним мальчишкой, когда отец завершил оружие. Это была невинно выглядящая капсула восьми дюймов в длину, заполненная сжатым газом. Отец запланировал поход к Хэнсэку, тайно, ночными переходами, прячась днем, и установить проектор, который, как колышком, закрепил бы синью арку. Но на следующий день появились ффандсы... Я уверен, что они никак не могли узнать, что здесь находится то, что сотрет их с лица Вселенной. Я так и не смог узнать, почему они прибыли именно в тот момент – может, проследили очередную группу женщин, пробиравшихся по каньону. Но, так или иначе, появились их маленькие корабли и ударили силовыми лучами по зданию лаборатории, думаю, потому, что оно было самым близким к дороге через каньон. Крыша рухнула. Отец погиб, а здание сгорело.

Гарт глубоко вздохнул. Глаза его горели яростью.

– Я был рядом с ним, когда он умирал. А затем я ушел с капсулой.

– Значит, это ты пустил яд через синью арку, – воскликнул Бронза. – Я слышал не раз, что это сделал Гезелл.

– Это был Гезелл, – убежденно сказала Вики.

– Да, это сделал я. Когда капсула попала в их мир, произошла прекрасная цепная реакция. Водород, которым они дышали, превратился в тригидрат мышьяка. Не знаю, сколько потребовалось времени, чтобы погибли все на их планете, но, думаю, это было не очень долго. И все здешние ффандсы тоже погибли. Им ведь приходилось постоянно возвращаться домой, чтобы возобновлять запасы воздуха. Не думаю, что мы когда-либо увидим живых ффандсов.

– А где ты был все эти годы?

— Рос. Учился, исполняя заветы отца. Он был очень прозорливым человеком. Он не был уверен, что случится в ближайшем будущем, но предполагал, что ничего хорошего, и готовился к этому. Например, он сконструировал аппарат для гипнотерапии, который я использовал, чтобы обучить вас, пока вы спали — размером всего лишь с два твоих кулака, Бронза. Аппарат был сделан для меня на случай, если что-то случится с отцом, и в него была заложена куча справочников, а также основные принципы Врат. Месяц за месяцем я обучался с его помощью, а когда стал достаточно взрослым, чтобы суметь прожить одному, то стал путешествовать. Я переходил от города к городу, рылся в развалинах библиотек, изучал атомную теорию, сопротивление материалов, электронику — а потом начал экспериментировать сам. — Он окинул взглядом сидящих за столом. — Ну как, вы готовы помочь мне с Вратами.

— Мы уже дали клятву... — начала Вики.

— Давайте забудем об этом, — перебил ее Гарт.

— Мы дали клятву, — спокойно продолжала Вики, — служить Гезеллам, не щадя своей жизни, и я не вижу оснований изменять ей. А ты, Дау?

— Я согласен.

Но лицо Дау было напряженным, и пару секунд Гарт думал, что он хочет начать спор, но, возможно, он ошибался.

— Прекрасно, — сказал Гарт. — Теперь вы знаете, что когда франксы уничтожили лабораторию, то вместе с ней разрушили и генератор Врат. Думаю, что могу восстановить его. Разумеется, с вашей помощью.

— Эй, погоди-ка, — воскликнул Бронза. — Но ты же вроде говорил, что женщины могут открыть Врата с той стороны?

— Предположительно, у них есть такая возможность, — кивнул Гарт. — Но кое-что доказывает, что это должны сделать мы — а именно то, что до сих пор они не открыли Врата.

— Как ты думаешь, почему?

— Возможно, боятся, — пожал плечами Гарт. — А может, с ними что-то произошло. Кто знает? Так давайте узнаем это.

— Гарт, — осторожно сказала Вики, — они прожили там много лет. Не может ли быть, что они... я имею в виду, не предполагаете ли вы, что с ними...

— Женщины даже тридцати-сорока лет могут принести много пользы нашему миру, — ответил Гарт. — И не забывайте, что с ними были их дочери. Так что для Земли это будет вливание новой крови. Однако, одно из самых важных соображений — это сами женщины. Среди них были лучшие мозги планеты — архитекторы, врачи и даже конструкторы-машиностроители. Но самое большое сокровище — Гloria Геман. Она была соперником моего отца, почти так же хороша в его специализации, как и он, и даже лучше

в некоторых других областях. Если она еще жива, то сделает гораздо больше, чтобы поставить мир на ноги, что тысяча живущих здесь мужчин. Вы сами увидите... сами увидите. Так что вперед, давайте-ка начинать работать!

ПОСЛЕДУЮЩИЕ ДНИ были полны дел. Гарт осмотрел источник энергии и убедился, что он в прекрасном состоянии. Он использовался Хранителями только для создания огненной защиты, но все остальное оборудование было либо разбито, либо давно уже не работало. Супербатареи были на основе неотурмалина, сложных кристаллов, которые могли хранить огромное количество энергии. Первым делом Гарту нужно было восстановить большие солнечные тарелки, заряжавшие эти кристаллы. Отец разработал их, чтобы заменить передачу энергии при помощи радиоволн, которой пользовался для создания этих кристаллов из уплотненного вещества.

Хранители – Гарт был против этого слова, но Бронза настаивал на его использовании, – трудились, как бобры, Вики работала неустанно и спокойно. А Дау в лихорадочной спешке, что весьма озадачивало Гарта и сердило Бронзу. Самого же Бронзу нужно было постоянно держать в поле зрения, чтобы не давать ему командовать Хранителями, как рабами. Гарт держал его под контролем, частенько высказывая вслух сомнения, а может ли он, Бронза, сделать то-то и то-то, или сумеет ли перенести это туда-то.

– Ты думаешь, я не смогу, – бормотал Бронза и принимался за дело с таким пылом, словно нападал на врага.

Дважды Гарт собирал всех в новой лаборатории и объявлял, что Врата готовы к открытию. В первый раз, когда он щелкнул выключателем, ничего не произошло, и Гарту потребовалось восемь дней, чтобы проверить схемы и протестировать средства управления. Во второй раз взметнулся язык тусклого-оранжевого пламени, секунду дрожал и мерцал, затем исчез.

И каждый раз Бронза ругал Гарта за то, что он позволял Хранителям присутствовать при этом.

– Сначала ты позволил им считать себя суперменом, – сказал он, – а затем позволяешь им наблюдать, как совершаешь ошибки.

Поэтому, когда опыт удался, Гарт был один в своей кустарной лаборатории. Он пыхтел, заменяя кристалл, который на несколько тысячных выпадал из фазы цикла, а когда повернулся к генератору Врат – там было оно.

Оно беззвучно висело, такое красивое, что у Гарта перехватило дыхание, такое желанное, что он едва мог поверить своим глазам. В нижней части свечение было красновато-оранжевым, но вверху постепенно становилось золотистым.

Гарт щелкнул выключателем. Врата остались открытыми. Тогда он понял, что синхронизация частоты кварцевых кристаллов и кристаллов турмалина была настолько полная, что Врата открылись самостоятельно. Он знал, что они должны быть самоподдерживающимися, но не догадывался, что они еще и автоматически запускались.

Для обеспечения безопасности Гарт выключил рубильник и стал рассматривать Врата.

– Получилось, – бормотал он.

Он чуть ли не чувствовал присутствие рядом отца, который глядел на него темными глазами и готов был обнять за плечи – награда, которую так ценил в детстве Гарт.

Потом Гарт взглянул на дверь, подумав о Бронзе и остальных, но тут же пожал плечами.

– Да, ладно, пусть они спят. Наглядятся еще...

И он пошел к Вратам.

ВИКИ СПАЛА в своей маленькой комнатке. Как бывало частенько, ей снился Гезелл. Старый Соамс обучал ее при помощи гипнотерапии, а этот обучение могло быть повторно стимулировано самим сном. Часть ее являлась картинкой во сне главного строения Гезелл Холла, где висел большой портрет Гезелла. Вики смотрела на него во сне, и портрет Гезелла-старшего на ее глазах превращался в портрет Гарта. Но пока она смотрела, лицо на портрете начало бледнеть, у него побелели волосы и брови. Лицо было неподвижным, но в глазах появилась тревога, затем ужас, затем мука. И пока она, застыла, глядела на все это, во сне прозвучал вдруг звук, который она не забудет до конца жизни – ужасный стон.

Вики вскочила с кровати и застыла посреди комнатки. Постепенно она приходила в себя, осмотрелась, затем бросилась к закрытой на задвижку двери.

В тихой панике она ринулась в лабораторию, ворвалась в открытую дверь...

Между высокими сетками электродов, с которыми последние недели работал Гарт, висела стена пламени. Вики в ужасе уставилась на нее, а затем поняла, что в ней такого странного – от нее не несло жаром. Тогда Вики осторожно подошла к этой стене.

И увидела на полу возле стены пламени человеческую руку.

Она сразу же узнала эту руку. Много раз она во время еды смотрела из-под опущенных ресниц, как ловко орудует ложкой эта рука. Она видела, как эта рука четко и точно управляет со сложной аппаратурой.

Это была...

– Гарт Гезелл... – простонала она.

Вики склонилась к руке и только тут поняла, что рука торчит из стены пламени, словно из завесы тумана.

Она схватила руку и потянула. Появилось предплечье, колено...

– Бронза! – закричала Вики, уперлась босыми ногами покрепче в пол и тянула, тянула...

И вытянула из стены пламени тело Гарта Гезелла. Безжизненное, окровавленное тело. Кровь текла из носа и ушей. На безжизненном лице были такие же муки и ужас, какие она только что видела во сне. Лицо было покрыто пятнами, а губы синими.

Вики снова закричала, просто бессловесный крик в ярости на судьбу, а не только от страха. Затем перевернула тело на спину, повернула голову на бок, сунула пальцы ему в рот и вытащила язык. Затем упала на колени и начала делать искусственное дыхание.

– Бронза! – закричала она, мерно нажимая с силой на грудь Гарта.

И тут в дверях появился Бронза, похожий на военного скакуна, с раздувшимися ноздрями и блестящей от пота обнаженной грудью.

– Что... что ты делаешь с ним? – крикнул он, шагнул вперед и уже протянул руку, чтобы отшвырнуть ее от Гарта.

Вики повернула к нему голову и сказала: «Стой!».

Сказано это было тихо, но с такой силой, что Бронза остановился, словно наткнулся в темноте на стену. Вошел, протирая глаза, Дау.

Не обращая внимания на мужчин, Вики легла сверху на Гарта и приблизила губы к его рту.

– Вики... – в ужасе прошептал Дау. – А твоя клятва...

– Заткнись, – прошипела она и впилась в губы Гарта.

– Какого черта она... – начал было Бронза.

– Не мешай ей, – изменившись тоном сказал Дау.

Бронза был поражен властным тоном Дау. Затем стал смотреть, что делает Вики. Щеки Вики и Гарта надувались и опадали в едином ритме. В наступившей тишине было слышно дыхание, свиствшее в напряженных ноздрях девушки.

– Гезелл... – хрюпло прошептала Вики, на секунду оторвавшись от Гарта, но тут же снова впилась ему в губы.

Внезапно голова Гарта дернулась. Он тихонько закашлял.

– У нее получилось, – пробормотал Бронза. – Вики... у тебя получилось!

Вики извернулась, как кошка, и вскочила на ноги. Затем погрузила руку в ведро с водой, набрала пригоршню и вылила холодную воду Гарту на грудь. Он сделал глубокий вздох и снова принял кашлять.

– Нужен алкоголь, – с силой сказала Вики.

Они перевернули Гарта на бок, Дау поднял ему голову, а Бронза выпил Гарту в рот пару глотков чистого спирта. Гарт содрогнулся.

— Кто-то поцеловал меня, — пробормотал он и, тяжело дыша, откинулся на спину. — Врата... Женщины мертвы. Все бесполезно.

— А что там случилось? — спросил Дау. — Там что, ядовитый воздух?

— Нет... Воздух в порядке. Просто его... слишком мало. Не знаю, что случилось, но что-то уничтожило большую часть кислорода в том мире. Я потерял сознание, прежде чем успел отойти от Врат. А женщины...

— Ты видел их останки?

— Ни малейших следов. Все вокруг было пустым. Пустым и безжизненным. Параллель Х...

Наступила тишина. Затем Гарт спросил:

— Ну, и что мы теперь будем делать?

Внезапно Дау упал к его ногам.

— Гезелл! — закричал он. — Великий Гезелл, простите меня!

Гарт с недоумением поглядел на него.

— Дау, я же тысячу раз просил тебя не называть меня...

— Ты! — чуть ли не в лицо ему выплюнул Дау. — Ты — самозванец! Ты отступник! Ты сам дьявол! Ты появился здесь под маской великого Гезелла, чтобы вторгнуться в святилище женщин Гезелла. Настоящий Гезелл никогда не устал бы! Настоящий Гезелл не бросил бы работу! Настоящий Гезелл не позволил бы, чтобы его спасла женщина!

Бронза тоже вскочил на ноги.

— А теперь послушай, ты...

Дау протянул к нему тонкие руки.

— Ну, давай — убей меня, я заслуживаю сотню смертей, потому что нарушил долг Хранителя. Но я умру, защищая Гезелла и его дело. Это меньшее, что я могу сделать. — Внезапно он бросился на Бронзу. — Немедленно убей меня! Убей меня!..

Бронза протянул руку и схватил Дау за ворот. Дау попытался вывернуться, но его руки были намного короче, чем лапищи Бронзы, и все, что он мог сделать, это колотить по его железным бицепсам.

— Ну, и что с ним сделать? — спросил пораженный Бронза. — Раздавить его?

— Не причиняй ему вреда, — ответил Гарт. — Но я думаю, сейчас ему лучше поспать.

Бронза взмахнул свободной рукой и, точно молотом, ударил кулаком Дау по голове. Маленький Хранитель тут же потерял сознание. Бронза положил его на кушетку.

— А ты как, девочка? — спросил Бронза у Вики.

Вики смерила его взглядом широко распахнутых глаз и повернулась к Гарту.

— Я служу Гезеллу!

— Кажется, есть три Гезелла, — устало сказал Гарт. — Мой отец, который давно уже мертв. Я сам. И своего рода миф, как о короле Артуре. И какому из этих Гезеллов ты служишь?

— Только тебе, — выдохнула Вики.

Она поднялась, взглянула на начавшего шевелиться Дау с видом глубочайшего презрения, извинилась и вышла из лаборатории.

— Пусть идет, — сказал Гарт Бронзе.

— Она может все тут взорвать, — предупреждающе бросил Бронза.

— Мне кажется, нет.

— Но ты можешь ошибаться, Гарт Гезелл.

Гарт криво усмехнулся.

— Ты знаешь это и, тем не менее, остаешься здесь. Мне жаль, что эти преданные последователи не поступают так же. Я просто не могу стать тем, кем они хотели бы меня видеть.

— Может, и не можешь, — прорычал Бронза. — Но должен. Это я тебе говорю. — Он толкнул Дау. — Ну, и что будем с ним делать?

— Попытаемся придать ему немного здравомыслия.

— Тогда, может, сперва открутить ему голову и насыпать в нее этот здравый смысл совком?

— Этого не нужно, — усмехнулся Гарт. — Я знаю, что с ним происходит. Бронза, много людей с готовностью поступают на службу, потому что она заменяет обычную жизнь, которую они не хотят вести. Так случилось и с этим мальчиком. Жизнь в наше время не проста, не тебе это говорить. А в качестве Хранителя Дау жил спокойно, тихо, точно зная, что должен делать и как. И он не видел оснований когда-либо это менять. А затем появился я и понизил его до уровня парня, который должен бороться за свое существование. И это ему не понравилось.

— Звучит хорошо, — хмыкнул Бронза. — Но ты действительно можешь вбить ему все это в голову? Или мне придется год стоять над ним на страже, пока ты тащишь его из болота, в которое он изо всех сил стремится вернуться?

— Полегче, полегче, — печально сказал Гарт.

— Чертова с два он тебе нужен, — прорычал Бронза. — Что-то не так с миром Врат. Что-то не так было и с твоей идеей идти в Гезелл Холл в тот день, когда я тебя встретил, но это тебя не остановило.

— Бронза облизнул губы. — И мне кажется, что ты чем-то похож на этого Дау. И тебе придется стать таким, каким я тебя воображаю, если хочешь, чтобы я пошел за тобой.

Вики они нашли в лаборатории, глядевшей на Врата, холодно светившиеся и переливающиеся в раме. Гарт и Бронза встали возле нее.

— Если бы мы смогли как-то жить там, — сказал Гарт, — тогда бы смогли понять, что случилось с тамошней атмосферой.

– Франксы это могли, – сказала Вики.

– Позволь ему думать самому, сестренка, – сказал Бронза с не-подражаемой комбинацией грубоści и нежности, с какой всегда относился к ней.

– Франксов больше нет, Вики, – ответил Гарт. – Если я вообще в чем-то уверен, то именно в этом.

– Я знаю это, – вздохнула Вики. – Я хотела сказать, что франксы сумели перейти из более плотного воздуха в разреженный... ты сам так говорил.

Созвучным шлепком Гарт ударили себя по лбу.

– Бронза, – испуганно воскликнул он, – а у нее есть мозги.

– Да?

– Воздушные шлемы! Я был так занят, что не заметил одной штуки, которая прямо бросалась в глаза. Идемте. В механический цех!

ШЛЕМЫ, КОТОРЫЕ они создали буквально за пару дней, были кустарные, но пригодные к эксплуатации. Используя куполообразные верхушки алюминиевых баллонов, стальные полосы и куски плексигласа, они создали базовую конструкцию. Мягкая пенорезина изолировала плечи, грудь и спину. В шлемы подавался сжиженный кислород, пропущенный через маленький, но эффективный химический нагреватель.

– Во время вылазки нужно опасаться кислородного опьянения, – пояснил Гарт.

Дау они заперли на северном складе. Гарт пытался поговорить с ним, но понял, что это совершенно бесполезно. Дау был словно в трансе. Он обращался к выдуманному Гезеллу, именем его проклиная проклятых самозванцев.

– Что возьмем с собой?

Они стояли перед Вратами. Бронза – нетерпеливый, взволнованный. Гарт задумчивый, а Вики спокойная, как всегда. В каньон, где были установлены Врата, они поместили прожектора, дававшие яркий зеленый свет, и генератор тумана для защиты от любых злоумышленников, которые могли появиться за время их отсутствия.

– Мои дротики, – сказал Бронза.

– Нет, – покачал головой Гарт. – Возьми лучше это. – И он бросил Бронзе свой старый бластер. – Он более легкий. Я не хочу оскорбить твою верную руку, но бластер бьет немного дальше.

– Спасибо. – Бронза восхищенно повертел бластер в руках. – Я тебе никогда не говорил, что если бы у тебя не было этой штуковины, когда мы встретились в первый раз, то я бы тебя убил? Просто я раньше никогда не встречал человека с таким оружием.

— Я не заряжал его более четырех лет, — рассмеялся Гарт, — так что он был почти бесполезен. Но теперь, разумеется, он полностью заряжен. Вики...

— У меня есть кинжал. Кроме того, я понесу дополнительный воздушный баллон.

— Хорошо. Я тоже возьму два. Этого должно хватить. Теперь послушайте мой план. Радио у нас нет, а воздух там разреженный. Так что мы вряд ли услышим друг друга, пока не соприкоснемся шлемами. Поэтому, когда попадем туда, каждый будет действовать самостоятельно. Все, что я могу посоветовать — держитесь вместе и не отходите далеко. Следите друг за другом — это всего лишь предварительная разведка. Потом мы можем вернуться туда с лучшей экипировкой. Готовы?

Бронза показал кружок из указательного и большого пальцев.

— Готова, — напряженно сказала Вики.

Гарт надел шлем и закрепил на плечах. Остальные последовали его примеру.

Затем Гарт решительно направился во Враты.

Выйдя из Врат по другую сторону, все трое столпились вместе.

Они стояли на каменной равнине, простиравшейся вдали, насколько хватало глаз. Вдали были видны силуэты огромных гор. Равнина была усыпана валунами, крупными, полуразсыпавшимися, с тем же оранжево-золотистым оттенком, как и свечение Врат.

Оглянувшись назад, Гарт понял, почему во время первого посещения едва сумел найти Враты. Они светились очень тускло, словно вчера в солнечном свете. Гарт коснулся плеч обоих компаний и показал им на Враты. Они кивнули, и Гарт понял, что они правильно восприняли его предупреждение. На этой равнине легко можно было заблудиться среди валунов.

Гарт вспомнил первые Враты, и как вместе с отцом он впервые вышел из них тоже на плоскую равнину. Там были скалы, но они ничем не походили на чудовищные рассыпающиеся валуны, окружавшие их теперь. И он снова подумал, в который раз уж за последние несколько дней, а что, если Враты старшего Гезелла чем-то отличались от тех, что воссоздал он, и они вели в мир иной, не в тот, куда отец отправил женщин. В дебрях сложной математики, на которой основывалась конструкция Врат, малейшая ошибка могла иметь далеко идущие последствия.

И тут мысли его резко прервали. Благодаря двум тонким пластинам, приваренным к «щекам» шлема, Гарт услышал рев на высоких тонах. Он завертел головой...

Это был вертолет — но такой вертолет, который мог увидеть безумный авиаконструктор лишь в горячечном бреду!

Вертолет был огромен и летел медленно. Очень медленно. Громадные лопасти его винтов были почти двести футов в радиусе, а вращались они не быстрее крыльев древней голландской ветряной мельницы.

Он остановился в сотне футов от них. Размеры вертолета были невероятными. Когда он опустился на землю, верх фюзеляжа оказался на высоте восьмидесяти футов. Открылась дверь...

Гарт одним быстрым движением прижал шлемы товарищей к своему. Они столкнулись с оглушительным лязгом.

— Прячьтесь! — рявкнул он. — В этих скалах легко исчезнуть из поля зрения!..

И он повернулся в поисках укрытия. С правой стороны была большая плоская скала. Когда-то, очевидно, она стояла на ребре, но теперь наклонилась на восемьдесят градусов. Под ней было достаточно места, чтобы туда поместился Гарт и шлем его не торчал наружу.

Но сначала он пошарил взглядом в поисках своих компаний. Бронза скорчился за круглым валуном. Вики бежала к Вратам, бежала зигзагом, панически подыскивая себе убежище. Гарт видел, как она упала, и баллон свалился с ее плеча. Она поднялась и попыталась закинуть его обратно за спину.

Гарт глянул на вертолет, и то, что он увидел, лишь усилило первоначальный приступ страха, когда дверь вертолета начала раскрываться.

К ним направлялись большими подпрыгивающими шагами четыре женщины. Одеты они были странно — в какую-то сбрую поверх облегающих курток и юбок с разрезами. Одежда у них была непохожа одна на другую, но у всех очень небрежная. И каждая несла устрашающую дубину с набалдашником. Талии у всех были затянуты поясами, на которых висели кинжалы. У идущей впереди была на шее черная цепочка, на которой покачивался большой драгоценный камень, искривившийся и переливающийся в привычном уже оранжево-золотистом свете. Камень был блестящим, с ядовито-зеленым оттенком неотурмалина. Но Гарт никогда еще не видел кристалл такого размера. Он был огранен из камня, должно быть, дюймов сорока в длину. И женщина легко несла его на цепочке толщиной в кабель, потому что сама была семидесяти пяти футов в высоту.

Гарт услышал громкий стук в ушах. Сначала он подумал, что так отдаются в шлеме шаги четырех великанш — три остальных были почти такого же роста, как и их предводительница, — но потом понял, что в ушах стучит просто потому, что он забыл дышать.

Он повернулся и поиском своих компаний. Бронза замер, испуганно глядя вверх на огромную голову предводительницы. Вики нигде не было видно...

И также не было Врат. Они закрылись.

Предводительница остановилась ярдах в двадцати от него и нагнулась, рассматривая землю и перебирая в пальцах свой кулон. Лицо ее было спокойным и хладнокровным. Она была очень красива, с длинными ресницами, высоко изогнутыми бровями и цветом лица, напоминающим мрамор с прожилками.

— Бронза! — закричал Гарт, увидев, как вторая женщина с массой ниспадающих золотистых волос возникла позади Бронзы, который, не отрываясь, глядел на предводительницу. Блондинка подняла тридцатифутовую дубинку, которая весила, наверняка, целую тонну, и издала какое-то громкое, нечленораздельное треньканье. Бронза, разумеется, не мог услышать предупреждающий крик Гарта.

Предводительница выпрямилась и глянула на блондинку. Потом издала какой-то похожий звук — очевидно, частота их голосов переходила в ультразвук, — и блондинка нехотя опустила дубину.

Затем, к ужасу Гарта, предводительница наклонилась и протянула могучую руку. Бронза попытался броситься в сторону, но рука схватила его и подняла высоко в воздух.

И тут Гарт узнал великаншу. Он понял, что видел это холодное, прекрасное лицо, видел очень давно, еще в детстве.

Бронза корчился и бился в гигантских пальцах. Гарт увидел, что ему удалось вырваться, и он полетел вниз с высоты сорока футов. Великанша упала на одно колено и ловко схватила его. Затем она поднесла Бронзу почти вплотную к своему лицу и глядела, как он корчится. Бронзе внезапно удалось освободить руку, и он опустил ее к поясу, к рукоятке бластера.

— Нет! Не надо! — закричал Гарт.

Он знал, на что способен бластер с близкого расстояния. Но яростный крик его был бесполезен, его никто не мог услышать.

Великанша теребила его еще несколько секунд, затем левой рукой подняла кулон и поднесла камень поближе к Бронзе, словно это была странная лупа.

Бронза выхватил бластер, и в тот же момент громадный палец великанши повернул ползунок на ободе драгоценного камня.

Из камня ударило зеленое пламя, окутalo Бронзу и из зеленого вдруг стало ослепительно белым. Камень слегка потемнел и, казалось, увеличился, сделавшись более твердым.

Внезапно магнитные застежки шлема Бронзы отскочили. Словно под напором внутреннего давления. Шлем слетел с его головы и откинулся за спину, покачиваясь на одной крепежной полосе.

И тогда заговорил бластер.

— Не надо! — закричал Гарт, понимая, что это бесполезно. — Это же Глория Геман!

Но вместо оглушительного рева пламени, которого ждал Гарт, до его ушей долетело только слабенькое: ф-ф-ф!.. Из дула бластера высунулся и тут же исчез язычок пламени длиной десять-пятнадцать дюймов. Бронза еще раз изогнулся, затем потерял сознание.

Гигантская фигура, похожая на Глорию Геман, держа Бронзу, точно маленькую тряпичную куклу, позвала остальных женщин. Все столпились возле нее. Блондинка длинным тонким пальцем подцепила повисший за спиной шлем и указала на уши Глории Геман. Только тут Гарт заметил, что подвески на ее ушах сделаны из шлемов ффаксов, вернее, их очень увеличенных копий. Предводительница покачала головой, рассмеялась и осторожно надела шлем на голову Бронзы. Поднеся его чуть ли не вплотную к глазам, словно делала чрезвычайно тонкую работу, она застегнула магнитные застежки и осторожно проверила воздушные трубы. Затем она развернулась и пошла к вертолету, в то время как остальные продолжили поиски.

Краешком глаза Гарт уловил блеск металла на расстоянии в несколько ярдов – это был запасной баллон, который бросила Вики. Но самой Вики не было и следа, также, как и Врат.

Гарт Гезелл остался один в этом мире, пигмей, прячущийся под камнем, точно жук. В то время, как его тискали колоссы, явно стремившиеся уничтожить всех из его вида.

Огромные босые ноги затопали совсем рядом с ним. Гарт слышал, как трещат под ними камни. Он вжался в узкую трещину, зная, что если великанша наступит на камень, под которым он прятался, что это будет концом Гезелла и славы этого имени.

– **ЗА ГЕЗЕЛЛА!** – буквально пропел Дау, обернув кабелем раму Врат.

И тут что-то ударило ему в спину так, что он отлетел и упал. Но и в падении он не отпустил кабель и почувствовал удовлетворение, так как кабель плотно обмотался вокруг рамы, и, не глядя, Дау почувствовал, что мерцающий золотистый свет внезапно погас.

Он повернулся и поднялся на одно колено.

На полу лежала Вики и, согнувшись от боли, нянчила окровавленную ногу. Глаза ее были крепко закрыты, и сквозь прозрачный пластик шлема Дау увидел, как из-под плотно сомкнутых век текут слезы.

Затем Вики пришла в себя, осмотрелась, вскочила на ноги и прыгнула к дальней стене лаборатории, где стояла потухшая рама Врат. На секунду она застыла, поглаживая ее дрожащими пальцами, затем повернулась и отошла.

И только тогда увидела Дау.

Вики быстро отстегнула магнитные застежки и сняла шлем. Волосы ее были растрепанными, глаза дикими.

– Дау! Врата!

– Ложные Врата ложного Гезелла, – с прежней интонацией сказал Дау.

Вики обернулась на мертвую раму, затем опять повернулась к Дау.

– Что ты здесь делаешь?

– Воля Гезелла освободила меня, и его рука вела меня. Я сумел выбраться через потолок склада, куда меня заперли. И теперь более, чем прежде, я сознаю, что действия мои были не случайны. Потому что ты спасена, сестра, спасена от позора, спасена, как Хранитель, давший клятву верности истинному Гезеллу.

Вики изумленно взглянула на него.

Он терпеливо, торжествуя, объяснил ей:

– Ты отошла от Зла и вернулась, как раз когда я, повинувшись воле Гезелла, покончил с ложными Вратами.

– Отшла? Никуда я не отходила! – отчаянно выкрикнула Вики.

– Я просто упала. Я оглянулась на... на... – Она закрыла глаза и содрогнулась. – А затем подвернула ногу и упала... Дау, что произошло с Вратами?

– Ты отошла от Зла, – улыбнулся он. – И этим заслужила избавление. А теперь, сестра, пойдем к большому портрету и станем ждать дальнейших указаний.

– Дау, мы должны снова включить Врата! Он там в опасности! Они убьют его, убьют!

– Ты подтверждаешь мои слова. Смерть самозванцу. Таково желание Гезелла!

И тут Вики начала кое-что понимать.

– Это ты закрыл Врата?

Дау склонил голову.

– Таково желание Гезелла. Я – всего лишь слепое его орудие, недостойное орудие...

Она ринулась к нему, как кошка.

– Ты идиот! Безумный слепой идиот! Покажи, что ты сделал. Мы должны включить Врата. Мы должны сделать это, Дау? Ты что, не понимаешь? Он там погибнет, если мы не поможем ему!

– Эти Врата, – громогласно заявил Дау, – Врата ложные, дьявольская уловка. Когда Гезелл пожелает, чтобы Врата открылись, он откроет их без всяких проводов, кристаллов и стальной рамы. И как Хранитель, я должен покончить с этим изобретением, чтобы оно больше никогда никого не ввело в заблуждение. – Сверкая глазами, он повернулся и схватил кувалду. – Никогда больше не будет Врат в Гезелл Холле, пока сам Гезелл не откроет их!

Он прошел мимо нее. Вики шагнула было за ним, но тут же остановилась. Она увидела согнутый конец кабеля Дау, лежащий на полу. Вики метнулась вперед и схватила свободный конец этого

кабеля. Дау поднял кувалду высоко над головой, а его правая нога оказалась рядом с кабелем.

Вики шагнула в сторону, а потом яростно дернула свободный конец кабеля. Лежащий на полу кабель захлестнул Дау лодыжку. Он покачнулся, потеряв равновесие, и не удержал поднятую над головой кувалду. Правда, в последний миг Дау удалось отдернуть голову, и кувалда ударила его по плечу. Дау упал навзничь, ударившись лицом о каменный пол.

Лежа неподвижно, он издал какие-то невнятные звуки, пытаясь прийти в себя.

Вики стояла над ним, точно ангел мести.

Дау перевернулся на спину, трясущейся рукой схватился за плечо. Потом посмотрел на нее налитыми кровью глазами.

– Хранитель... – с трудом выдавил он.

– Дау, помоги мне включить Врата, – сказала Вики.

– Ты введена в заблуждение, сестра моя.

– Сейчас не время обсуждать это. И не начинай снова о моем святом долге. Вставай!

Дау поднялся, не сводя с нее обезумевших глаз.

– Так мне повелел сам Гезелл, – едва шевеля губами прошептал он, – и теперь я передаю тебе его волю.

Вики закрыла глаза, пытаясь держать себя в руках.

– Ты будешь мне помогать?

– Почему ты продолжаешь исполнять этот безумный план? Как тебя сумел заставить этот... этот Гарт? – Последнее слово Дау произнес с открытым презрением.

– Я люблю его, – просто сказала Вики.

Наступила звенящая тишина. Тишина шока... тишина самой смерти, где не было ни единого звука, даже звуков дыхания.

Наконец, побелевшие губы Дау шевельнулись.

– Ты любишь его? – прошептал он. – Ты?..

Вики побледнела также, как он.

– У всех нас есть свои страхи, – ответила она. – Бронза как-то сказал мне, что думает Гарт Гезелл о твоем безумии. Он сказал, что ты стал Хранителем, потому что решил уйти из реального мира. Ты сошел с ума, пытаясь сохранить свое положение. Ты легко обречешь мир на тысячелетия дикости, если это поможет тебе вернуться к охране Гезелл Холла и молитвам перед портретом.

Дау поднял руки, словно стараясь защититься от ее горячих слов, и по-прежнему не сводил с нее глаз, а когда Вики замолчала, лишь сказал:

– Ты хочешь уйти.

– Да! – закричала она. – Да, будь ты проклят! Одно из правил, которое придумал ты сам, гласит, что лишь женщина, скрывшая свою женственность бесформенным балахоном, а лицо закрыв

капюшоном, может быть Хранителем. Ты выбрал веру, а я позволяла тебе верить. Я уже говорила, что у всех нас свои страхи. Мой страх заставлял меня притворяться Возвращенной. Я украла привилегии этих бедных существ, которые были высосаны и выброшены фанксами. Они ходят по миру в полной безопасности, и я притворялась такой же. А когда появилась возможность скрыться под капюшоном Хранительницы, я воспользовалась им. Я жила здесь словно во сне. Но теперь я проснулась... – Ее нижняя губа набухла, а глаза засияли. – Я проснулась, и я люблю его, люблю его, люблю его!..

Она замолчала и услышала, как Дау скрипит зубами.

– Шлюха! – хрюпло выплюнул он это слово. – Подумать только, я столько лет жил рядом с... с... – он не смог подобрать слово и зарычал, точно дикий зверь.

– А теперь, когда мы выяснили, кто мы есть, Хранитель, – ходило сказала Вики, – давай включим Врата.

– Я – Хранитель, и я остаюсь верен...

Внезапно он бросился на Вики, утратив остатки самообладания. Утратил вышколенную бесстрастность Хранителей, утратил неизменное, жалостливое отношение к Возвращенной женщине.

Его дикий прыжок сбил Вики с ног. Они покатились по полу. Дау не был ее кулаками, он только хватал и тянул. Тянул за волосы, тянул за одежду. Царапал ногтями тело, сжимал его, давил, тискал.

Сначала Вики пыталась защищаться, извивалась и боролась. Внезапно Дау прижал коленями ее руки, и, схватив за волосы, прижал ее голову к полу. От боли в груди Вики стал расти ужас – примитивный ужас, не похожий ни на что, что она испытывала в жизни. Но буквально через секунду ужас сменился чем-то иным. Если только что она боялась за свою жизнь, то теперь вдруг все в ней изменилось. Дау склонился над ней, и Вики взглянула ему в глаза. Они были круглые, сосредоточенные, с прожилками и напитыми кровью белками. Рот его открылся, и Вики увидела прикушенный, окровавленный язык. Кровь и пена пузырились на его губах, и от его омерзительных прикосновений тело Вики захлестнула новая, не испытанная еще волна эмоций.

Это было больше, чем просто ужас. Это было отвращение, возросшее до такой степени, что его невозможно было терпеть. Одним резким движением Вики освободила руки и голову, чувствуя, как трещат ее волосы, но это было неважно. Она так и не поняла, как оказалась способна на такое: схватив одной рукой Дау за шею, а другой за бедро, она вскочила на ноги, и, почти не ощущая веса Дау, взметнула его тело у себя над головой. Подняв его на вытянутых руках, она со всех сил дернула его вниз, одновременно отпустив шею.

Дау стремительно полетел к полу и ударился головой...

Вики долго стояла, словно чугунная статуя, невидящими глазами уставившись на скрюченную на полу фигурку, сплющенную голову, которой почти не было видно сверху. Затем Вики почувствовала боль во всех суставах, которая становилась все сильнее, и все мышцы ее свело от нервного потрясения. Вики пошатнулась и, сделав шаг назад, оперлась спиной о стену.

Затем присела, пытаясь сделать глубокой вдох сведенным судорогой горлом. А потом внезапно заплакала, тоненько, пискляво всхлипывая, и слезы затуманили ее глаза. Так она плакала очень долго.

Но весь следующий день, и следующий, а потом еще и еще, она занималась работой.

ГАРТ ЛЕЖАЛ в щели под скалой, сердце его билось где-то в горле, но глаза изучали громадную мозолистую гигантскую ступню. Потом рядом с ней опустилась другая, а первая ступня поднялась и пинком опрокинула крупный валун по соседству. Гарт почувствовал, как задрожала скала, в которую он пытался вжаться, и съежился.

Наконец, гигантские ступни исчезли. Он осторожно вылез из щели и лег ничком, едва осмелившись приподнять голову. Все три женщины были далеко от него, внимательно осматривая землю. На четвереньках Гарт пробрался обратно в тень скалы, встал на ноги и осмотрелся.

Врата исчезли. Вики, вероятно, ушла через Врата, подумал Гарт. Бронза тоже исчез – наверное, он сейчас уже мертвый. Гарт подумал о том, что это было за зеленое пламя. Цветом оно походило на неотурмалин, но его лучи не сожгли тело Бронзы, по крайней мере, до такой степени, чтобы он смог разглядеть это на расстоянии. Камень слегка походил на кристаллы гасителей колебаний, которые разработал его отец, чтобы запасать энергию.

Но в таком гигантском кристалле должна быть целая прорва энергии, которая, конечно же, уничтожила бы любого человека.

– Бронза... – вслух пробормотал Гарт.

Большой, крутой, верный Бронза, вспыльчивый, но надежный. Перед глазами Гарта всплыло лицо Бронзы, озадаченное, немного упрямое. Но Бронза всегда начинал согласно кивать головой, даже раньше, чем выяснял, прав Гарт или нет.

Гарт почувствовал, как на глаза его навертываются слезы. Затем огромный усилием он выбросил из головы все воспоминания и сосредоточился на происходящем вокруг.

Действуя осторожно, он стал пробираться к запасному баллону с воздухом, который бросила Вики. Он перенес его к тем двум, что тащил сам. С таким запасом он протянет немного дольше.

– Хотя для чего все это, – пробормотал Гарт. – Мне все равно не выбраться отсюда.

Он бросил последний, отчаянный взгляд на Врата и, закрепив на спине баллоны, пошел к вертолету.

Пройдя сотню футов, он нашел листок – гигантский листок растения одиннадцати футов в длину и почти пяти в самом широком месте. Гарт с благодарностью поднял его. Листок оказался пористым и очень легким. Гарт набросил его на плечи и пошел между скалами. Листок был цветом точно в тон почвы и являлся идеальным камуфляжем. Чтобы полностью спрятаться, Гарту нужно было только броситься на землю и накрыться листом.

Он уже прошел две трети пути к вертолету, когда сотрясение земли предупредило его. Оглянувшись, Гарт увидел, что все три женщины быстро идут в его сторону. Казалось, они неторопливо прогуливались, но каждый их шаг был не менее двадцати футов, так что двигались они с пугающей скоростью. Гарт бросился на землю и накрылся листком. Шаги были все ближе и ближе, земля тряслась под ними. Затем они стали удаляться. Гарт встал. Женщины шли, о чем-то быстро переговариваясь. Они явно больше не занимались поисками.

Гарт принялся действовать. У него не было другого выбора, кроме как улететь вместе с этими созданиями. Гарт просто не представлял, что делать и куда идти, если они улетят без него.

Одна за другой, они скрылись в вертолете. Гарт видел, как прогнулись рессоры под чудовищным весом этих гигантесс.

Раздался оглушительный стук, и стали поворачиваться чудовищные лопасти ротора. Гарт скинул с себя листок и бросился к вертолету, полагаясь на удачу и надеясь, что его не заметят. Он уже был под медленно поворачивающимися лопастями, но понятия не имел, как попасть внутрь машины. Собрав остатки сил, Гарт бежал к вертолету. Ноги казались ватными и плохо слушались, а ведь Гарту приходилось еще нести на себе три запасных баллона.

На бегу Гарт увидел, как рессоры распрямляются, по мере того, как машина медленно поднималась в воздух. Гарт был уже рядом, когда колеса поднялись вверх, на земле оставалось лишь носовое колесо. Гарт бросился к нему. Оно было меньше остальных, когда колесо стояло на земле, его ось была на высоте ключицы Гарта. Но когда он добежал до нее, носовое колесо тоже уже оторвалось от земли. Застонав от усилия, Гарт совершил отчаянный прыжок.

Его выброшенная вверх рука прошла в светящееся отверстие как раз в тот момент, когда колесо подпрыгнуло вверх. Гарт оперся коленом и сунул в отверстие вторую руку. Оно оказалось достаточно большим, чтобы прошли также голова и плечи. Но пролезть дальше ему не дали баллоны с воздухом.

Затем Гарт с ужасом увидел, что распорка колеса находится на шарнире.

Колесо было выдвигающимся!

Гарту пришлось повернуться стеклом шлема вверх, чтобы внимательно все осмотреть. Он не мог измерить, насколько глубоким было ложе для колеса. Может, он сумеет поместиться там вместе с колесом?

Гарт глянул вниз.

Он должен пролезть туда – потому что вертолет был уже в сотне футов над землей и быстро поднимался все выше!

Гарт согнулся, оперся пальцами ноги о край светящегося отверстия. Затем он сумел схватиться за распорку колеса. Подтянувшись, он поймал распорку второй рукой, лег животом на шину, и в это время колесо поехало внутрь, и крышка ложа закрылась за ним. Его прижало спиной к металлу, стиснуло, но тут движение колеса прекратилось.

Гарт не мог бы вылезть отсюда, но, по крайней мере, его не раздавило.

СТОЯЛА НОЧЬ.

Гарт припал к земле у здания размером с гору. Оно было построено из деревянных досок, размером с участки четырехполосного шоссе.

Гарт пытался забыть об ужасном перелете, хотя знал, что память о нем будет преследовать его еще много лет – теснота, невозможность пошевелиться, какие-то железяки, упирающиеся в живот и в шею и причинявшие Гарту ужасные страдания, и, наконец, ужас посадки, когда колесо, за которое он цеплялся вышло из ложа и ударившись о землю, закрутилось с ужасающей быстротой. И как больно Гарт ударился о землю и отлетел в сторону от приземлившейся машины...

Гарт прошел вдоль стены, ища дорогу внутрь. Двери он попробовать не мог, потому что к ним вели лестницы со ступеньками высотой в семь футов, к тому же двери были ярко освещены.

Гарт споткнулся, попав ногой в незаметную в темноте ямку глубиной в четыре фута, и упал. Поднявшись на колени, он уловил в тусклом свете какое-то движение и замер. Перед ним была черная дыра, в которой тянулись ярко-желтые дорожки искусственного освещения, просачивавшегося между громадными половицами. И в тусклом свете Гарт увидел нечто живое, затаившееся возле него в темноте. Оно было рогатое, гладкое, и на одном его конце подрагивали два длинных кнута.

Это был таракан, совсем близко, до него можно было дотянуться рукой.

Гарт облизнул мгновенно пересохшие губы.

– После тебя, дружище, – вежливо сказал он.

Словно услышав его, таракан пошевелил усиками и исчез в дыре. Гарт глубоко вздохнул и последовал за ним.

Внутри, под полом, все было черным и блестящим, черным и блестящим. Дважды Гарт попадал в дыры, в одной из которых промок. Все это было отвратительно, но он брел все дальше и дальше, пока окончательно не потерял способность ориентироваться. Он уже не знал, где тот вход, через который попал сюда, но это его не волновало. Главное, Гарт знал, что ищет, и, наконец, нашел это.

У одной стены, на грубом земляном полу, по которому шел Гарт, был довольно высокий бугорок, а над ним широкий овал света показывал наличие дыры на месте громадного, выпавшего из доски сучка. Гарт поднялся к нему.

Дерево под его пальцами было мягким, как бальза. Гарт без труда отрывал куски, расширяя дыру от сучка. От вершины бугра до дыры было фута три, так что Гарту приходилось сидеть на корточках. Это было чрезвычайно утомительно, но он не останавливался, пока дыра не оказалась достаточно большой, чтобы просунуть в нее голову.

Из-за маленького лицевого стекла в шлеме, Гарту пришлось высунуть голову целиком, прежде чем он что-либо увидел. А еще несколько секунд он потерял на то, чтобы глаза привыкли к яркому свету. А то, что он увидел, впервые в жизни заставило его полностью прочувствовать фразу: «Когда я смотрел на это, мне казалось, что я вот-вот упаду в обморок!»

Он юркнул обратно в дыру и замер, стараясь не дышать. Одна из великанш сидела на полу, опираясь на протянутую за спину руку. А Гарт расширил свою дыру и высунул голову как раз между ее широко расставленными большим и указательным пальцами!

Немного прия в себя, Гарт осмотрелся и пошел под гигантской тенью девушки, в тех местах, где она застилала свет из щелей между половицами. Затем вернулся назад и стал ждать, пока она уйдет.

Наверное, Гарт задремал, потому что не слышал громовых шагов и голосов женщин наверху, а когда открыл глаза, тени уже не было. Гарт встал на колени и осторожно высунул в дыру голову.

Пол уходил вдаль, как пампасы. В комнате, насколько видел Гарт, было восемь-девять женщин. На некоторых были платья, которые, при других обстоятельствах Гарта могли бы заинтересовать.

Гарт напрягся и нажал плечами. Стиснув зубы, он чувствовал, как края дыры подаются его усилиям. И, наконец, он пролез в дыру и оказался в комнате.

Отступив осторожно к плинтусу, но внимательно осмотрелся. Удостоверившись, что никто из женщин не глядит в его направлении, Гарт бросился в единственное темное место, которое уви-

дел — под свободно свисавшую рыболовную сеть, закрывавшую окно и, очевидно, служившую занавеской. Он скользнул за нее и стал глядеть сквозь крупные ячейки сети. Такое убежище казалось ненадежным, но Гарт понимал, что гигантессам будет трудно его разглядеть.

Затем Гарту пришлось заняться отсоединением своего опустевшего баллона и подключением запасного.

Женщины собрались у стола в центре комнаты, голоса их грохотали, они странно, точно в замедленной съемке, жестикулировали. Никто не смотрел в его сторону. Затем Гарт взглянул вправо. В углу стоял маленький столик, за которым висела еще одна сеть. Гарт перебежал туда и повис на ячейках драпировки. Сеть заколебалась и провисла под его весом. Гарт подождал, пока она успокоится, потом подтянулся и поставил в ячейки ноги. Сеть снова осела, но выдержала его вес.

Тридцать футов, отделявшие его от нижней стороны столика, показались Гарту самым опасным подъемом в жизни, но он все же полез. Сеть, казалось, проседала, когда он ставил ногу в очередную ячейку. Взглянув вниз, Гарт увидел, что она коснулась пола, затем стала подниматься обратно вверх.

Внезапно он вспомнил невероятную плотность крошечных захватчиков ффандсов, и в его голове стало кое-что проясняться.

Взволнованный, Гарт лез все выше и выше, и, наконец, достиг стола. Встав на край, один ужасный миг он шатался на самом краю, затем восстановил равновесие и зашагал по деревянной крыше. И конечно же, на гладкой крыше стола остались его следы, когда он пошел подальше от края.

На столике стояло какое-то электрическое оборудование, в котором Гарт не стал разбираться. Он прошел к дальнему краю, присел за непонятным аппаратом и поглядел на центральный стол, за которым собирались великанши.

И кровь у него застыла в жилах.

В центре громадного стола стояла, ярко освещенная, стеклянная клетка. А в клетке лежало тело Бронзы. Без шлема. Предводительница, так походившая на Глорию Геман, управляла каким-то аппаратом, от которого в клетку протянулись манипуляторы. На концах манипуляторов были зажимы, какие-то куски белого материала, такого же грубого, как кокосовое волокно, пинцет, тампон и блестящий скальпель, больше похожий на двуручный меч.

Если в клетке пригодный для дыхания воздух, подумал Гарт, то Бронза может быть живым!

Но волна радости, которая прокатилась у него в голове при этой мысли, тут же погасла, когда Гарт понял, что они намереваются делать... Они готовились к вскрытию Бронзы!

На краткий миг Гартом овладела отчаянная паника. Он бросился было обратно к драпировке, словно намеревался спуститься по ней и напасть на женщин, но тут же остановился и постарался взять себя в руки.

Осмотрелся, внезапно выпрямился и улыбнулся, а затем принялся действовать.

– И ВОВСЕ ОН не прелестный!

Женщины собирались вокруг стола, разглядывая фигурку в клетке.

– Мы не должны его резать, пока все девушки не полюбуются на него. Он же совсем как куколка! – сказала одна.

– Вы забываете, что и франксы тоже казались нам куклами, – холодно сказала предводительница. – Вы что, предлагаете пройти мимо этого маленького дьявола все три тысячи двести женщин, одну за другой? Да ведь начнется паника, с которой будет трудно справиться. Нет уж, давайте оставим все между нами. Мы изучим все, что сможем, а потом уберем его подальше.

– Ну, да, это твой долг, – раздраженно бросила блондинка. – Ну, так давай, делай, что должна.

Все пододвинулись ближе. Предводительница уперлась коленями в стол, чтобы дать опору рукам при управлении с манипуляторами. Два манипулятора с зажимами крепко схватили бедра крошечной фигурки. Еще два зафиксировали бицепсы, а третья пара – запястья. Затем над фигуркой навис скальпель... Но предводительница внезапно остановилась.

– Вы оставили эту штуку включенной?

Все повернулись к угловому столику. Одна из женщин подошла и потрогала стоящее на нем устройство.

– Нет, но лампы теплые.

– Ночь сегодня теплая, – сказала еще одна. – Хорошо. Давайте резать.

Все снова сгрудились вокруг стола. Скальпель повернулся и стал медленно опускаться...

– СТОЙТЕ! – проревел чей-то голос... чей-то звучный мужской голос.

– Мужчина! – пропищала одна из женщин.

Другая быстро принялась застегивать кофточку.

– Где? Где? – пропищала третья. – Я так давно не видела мужчины, что просто...

– Глория Геман, – перебил ее мужской голос. – Холли, Геман, сокращение от «аллилуйя» – помнишь?

– Гезелл! – восхликала предводительница.

— Ну и дурак, — проворчала блондинка. — Я так и знала, что этот человек не оставит нас в покое. Это все его шуточки... Он и Вра-та-то придумал, чтобы подшутить над нами. Неудивительно, что через них прошли эти маленькие дьяволы...

— Где вы? — повысила голос предводительница.

Блондинка щелкнула пальцами.

— Это какая-то радиопередача, — заявила она. — Тебе никто не ответит, Глори. Вот гляди. — И она повернулась к угловому столику.

— А как зовут меня, доктор Гезелл?

Тишина, какой-то писк, словно пропищала далекая мышка.

— Тебя зовут Буч, блондиночка, — снова раздался мужской голос.

— Идите все сюда!

— Это магнитофон!

Все бросились через комнату к угловому столику.

— Мне казалось, ты говорила, что он выключен? Смотрите — лента проматывается!

К устройству на столе потянулась чья-то рука, чтобы выключить его.

— Не выключайте, — сказал голос. — Лучше послушайте меня. Вы должны мне поверить. Я — Гезелл. Неважно, что вы видите, неважно, что вы думаете, вы должны понять это. А теперь выслушайте меня. Вы получите возможность проверить мою личность после того, как я закончу.

— Никто, кроме Гезелла, никогда не называл меня Холли, — сказала Глория.

— Тс-с-с! — прошипела блондинка.

— Я нахожусь прямо здесь, в этой комнате, — продолжал Гарт, — и вскоре вы увидите меня. Но до этого, Глория, я хочу напомнить тебе кое-что из математики. Ты помнишь теорию мигающей материи? Из нее вытекает гипотеза о взаимном разделении Вселенных. Вселенная А существует один квант времени, затем исчезает, и ее место занимает Вселенная В, которая, в свою очередь, тоже пре-кращает существование и заменяется Вселенной С, и так далее. А в конце цепочки вновь возникает Вселенная А. С точки зрения наблюдателей во Вселенной А, их Вселенная существует непрерывно. То же справедливо и для наблюдателей из Вселенных В, С и так далее. Кажому кажется, что их Вселенная существует по-стоянно. Все это элементарно. Вот формулы для каждой Вселен-ной ограниченной серии четырехмерного континуума...

Далее последовали математические термины, совершенно не-понятные всем находящимся в комнате, за исключением Глории Геман. Она слушала внимательно, высоко подняв изогнутые брови и нахмурившись от напряжения. Затем достала из кармана блокнот и карандаш, и принялось быстро что-то вычислять, одновременно слушая продолжающуюся речь.

— Обратите внимание на количественный сдвиг в первой фазе каждого цикла. Этот сдвиг должен существовать, чтобы достигнуть полного резонанса. Проще говоря, если нарисовать гиперболическую кривую дрожащей рукой, то эта кривая представляет собой целую серию маленьких циклических движений. И физический эффект это может иметь лишь в самом континууме. Каждый цикл происходит в слегка измененных условиях пространства-времени. Это объясняет сверхплотность тел ффандсов и всех их вещей. То, что нормально для нас, очень разрежено для них. Нам они казались очень плотными андроидами, а мы им — гигантами из разреженной материи. И в цикле должна быть некая точка, где они становятся нормальными с нашей позиции. Однако, пространственные характеристики — лишь часть общего континуума. Одновременно должен меняться и темп времени. Согласно моим расчетам, вы здесь пробыли где-то между семью и восемью с половиной месяцев, и должны терпеливо ждать конца трехлетнего срока, необходимого для подготовки капсулы с цианидом и переносе ее в мир ффандсов. Со смешанными чувствами должен вам сообщить, что война с ффандсами закончилась более двадцати двух лет назад по времени Земли. Доктор Гильберг Гезелл умер во время атаки ффандсов, но успел закрыть Врата. Сейчас Врата были снова открыты, но что-то пошло не так, и они закрылись. Должен вам сказать, что, с точки зрения земных стандартов, вы, милые дамы, стали ростом в семьдесят пять футов. Так что сначала проверьте расчеты, прежде чем выйдите из себя и уничтожите маленькое плотное создание в герметичном шлеме, которое вышло из Врат. Это мог быть маленький сын доктора Гезелла Гарт, который стал здесь семи дюймов высотой и записывает свои слова на магнитофон на самой высокой скорости, а потом воспроизводит их на самой медленной... Я повис на сетке под столом. Пожалуйста, сестры, обращайтесь со мной бережно. Я проделал такой долгий путь...

Занавеску тут же выдернули из-за столика, и все в ужасе отскочили назад.

— Ффандс! — выкрикнул кто-то. — Уничтожьте его!

— Мы должны его уничтожить, — сказала блондинка. — Мы не можем рисковать, Глория. — В ее словах звучал весь ужас завоевания Земли... силовое поле... жалкие единицы Возвращенных женщин. — Это может оказаться новым приемом ффандсов, новым оружием...

— Но математика... — начала было Глория.

— Да к чертям математику! — крикнула из толпы какая-то девушка.

— Она права!

— Она *права*!

— Уничтожьте его!

Гарт спрыгнул на столик и подошел к магнитофону. Круг женщин моментально расширился. Гарт, с трудом управляясь с громадным переключателем, перевел его в режим записи, прислонил шлем к микрофону и пронзительно защебетал, в то время как лента стремительно наматывалась на катушку. Затем он перемотал ее обратно, остановил и включил воспроизведение:

– Должен признаться, получилось так, как я и ожидал. В конце концов вы поступите так, как подсказывает вам совесть, только убедитесь, что следуете велению совести, а не паники. Хочу вам также сказать, что на Земле царит хаос. Там сейчас новое средневековье. В некоторых местах люди вернулись к полигамии, в других – к феодализму, в третьих – к матриархату. Вас здесь три тысячи женщин и их дочерей, а для Земли это значит очень много.

По собравшимся у стола пробежали шепотки.

– Полигамия?

– Это когда одна женщина и несколько мужей.

– Отправьте меня туда! Хочу полигамию!

– Но если он здесь семь дюймов высотой, то там мы были бы все семьдесят пять футов. О, Боже мой!

– Вы хотите знать, как вернуться, – снова зазвучал голос Гарта, – чтобы вернуть себе земные размеры. Я могу вам это сказать. Но не стану спешить. Сначала вы решите, что сделаете со мной, а потом я, может, заключу с вами сделку.

Молчание.

– А теперь скажите мне, жив ли еще тот парень в клетке? – спросил Гарт и добавил: – Пойдите посмотрите на него.

По одной, по двою женщины отходили к большому столу, чтобы испуганными глазами посмотреть на лежащего в клетке человечка.

Затем Глория схватила микрофон.

– Нет, он не умер. Он мог бы умереть, но как раз в тот момент, когда я окутала его полем неотурмалина, он выстрелил из бластера. Поэтому кристалл поглотил энергию бластера, а не высосал ее из человека.

Гарт протянул руки за микрофоном, и, когда записал свои слова, из магнитофона послышалось:

– Слава Богу, здесь собраны лучшие математики Земли. Хочу дать вам немного пищи для размышлений...

Внезапно его прервал оглушительный грохот. Для Гарта он прозвучал так, словно по шлему забарабанили мягкие пули. А для женщин это был пронзительный вой сирены.

– Быстрей к вертолету! – закричала Глория. – Аста, Мэрион, Джозефина – быстрее! Ио, проверь проводку к пеленгатору на равнине! Похоже, он сработал, как утром. – Она повернулась к микрофону. – Это Врата. Черт побери, мы скоро узнаем, действительно

ли закончилась война с франксами! А пока я посажу тебя в клетку к твоему другу. И молись, чтобы эти кошки не нарушили мой приказ, пока меня не будет! – Она отбросила микрофон и ринулась к большому столу. – Буч, помести его в клетку к первому, – велела она блондинке. – И если ты хотя бы притронешься к кому-либо из них до моего возвращения, то помоги тебе Боже, потому что я выцарапаю тебе глаза. Ты меня услышала.

– Ты еще пожалеешь об этом, – огрызнулась блондинка. – Когда ты узнаешь, что это проклятые франксы ищут своих дружков телепатов, то принесешь мне извинения.

– Я приползу к тебе на коленях, – бросила Глория. – А тем временем, делай то, что я тебе сказала. – И она выбежала из комнаты.

– Ладно. Приказ есть приказ, – проворчала блондинка.

Гарт молча наблюдал за оставшимися, отступив на шаг и расслабившись. Он сделал все, что мог, теперь осталось лишь ждать. Толстушка осторожно взяла его, но, обнаружив, какой он тяжелый, поспешно перенесла на большой стол. Другая женщина принесла маленькую стеклянную клетку. Гарт сам вошел в нее, и дверца была плотно закрыта. Затем Гарт услышал, как шипит подаваемый в клетку воздух. Он с радостью почувствовал, как увеличивается давление, потому что последние часы, проведенные в разреженной атмосфере, знаменовались чувством, будто кожу распирает изнутри.

Толстушка взяла маленькую клетку и поставила ее на большую, в которой лежал Бронза. Одновременно открылся пол клетки, а Гарт неизящно полетел кувырком в большую.

Первым делом Гарт бросился к Бронзе и проверил его пульс. Пульс был слабым, но устойчивым. Затем Гарт расстегнул и снял свой шлем, потом склонился над Бронзой.

– Бронза...

Никакого ответа.

– Бронза!

Молчание.

– Эй, парень... ты только посмотри, сколько тут женщин.

– Что?..

Бронза тут же открыл глаза и замигал.

– Бронза, – рассмеялся Гарт, – ты хотел женщин. Так взгляни вокруг.

Взгляд Бронзы сфокусировался, и он увидел то, что было за стеклянными стенами клетки. А увидев, резко сел на полу.

– Это все мне?

Правда, тут же он снова упал, потеряв сознание.

Гарт лег рядом с ним, взял его за руку, все еще посмеиваясь, затем уснул сам.

Толстушка расслабилась. Буч отослала ее, к ее облегчению, а сама осталась на коленях перед столом, глядя на мужчин в клетке со страхом и ненавистью. Потом раздался какой-то сигнал, и все женщины ушли, осталась лишь блондинка.

А Гарт видел сон, в котором гнался за девушкой в коричневом капюшоне. Та убегала, потому что боялась его, но Гарт преследовал ее, так как хотел сказать, что ей не нужно бояться. И когда он, наконец, догнал ее, то услышал далекий голос Бронзы:

— Гарт!

Голос был очень далеким, настойчивым, но слабым.

Гарт резко проснулся, хотел подняться, но тут же почувствовал сильную боль во лбу. Он ощутил, как по лбу бежит струйка крови. Ошеломленный, он откатился, вскочил на ноги, и лишь затем открыл глаза. И увидел, что, пока он спал, Буч подвела острие скальпеля почти вплотную к его голове. Лицо блондинки нависало над клеткой. И Гарт увидел, как оно искается в приступе смеха. Сквозь стекло едва доносился ее невнятно бубнящий голос.

Гарт повернулся к Бронзе. Тот лежал на спине с одним из U-образных зажимов на горле. Зажим был не настолько тугой, чтобы задушить его, но и не такой слабый, чтобы его можно было легко снять. Бронза с трудом дышал.

— Гарт, — прошептал он.

Гарт вскочил на ноги, и кровь тут же залила ему глаза. Снаружи снова раздался громкий смех. Гарт стер кровь и бросился к Бронзе. Скальпель мгновенно опустился, преграждая ему путь. Гарт увернулся, но потерял равновесие и упал.

Снаружи донеслись громовые раскаты смеха. Должно быть, блондинка там славно веселилась.

Гарт взглянул на скальпель. Он висел неподвижно. Тогда Гарт метнулся к Бронзе. Тут же высунулся и поймал его за лодыжку пинцет с зажимом. Гарт выдернул ногу, оставил на его зазубренных челюстях четыре квадратные дюйма кожи. Потом все же добежал до Бронзы, хороенько уперся ногами, схватил U-образный зажим и с трудом развел в стороны. Бронза выкатился из-под него и хрюпнув вздохнул. Скальпель ударил плоской стороной Гарта между лопатками, и он растянулся рядом с Бронзой.

— Сколько мы уже здесь? — с трудом спросил Бронза.

— Дня полтора. На Земле прошло за это время месяцев восемь-девять. Интересно, чем там занята Вики?

Гарт огляделся, но все было спокойно. Блондинка куда-то исчезла.

— Слышишь, сюда идут остальные. Скоро мы все узнаем.

Они встали и наблюдали, как к столу медленно подходят великанши.

– Они что-то несут... Смотри, какие у них лица, Бронза!

– По мне так все они дикие.

– А Глория... Ты ее видишь? Высокая, невозмутимая...

– Высокую я вижу, – бесстрастно ответил Бронза.

– Она что-то кладет на большой стол... Эй, что это еще за штука?

– Похожа на надгробную плиту, – сказал Гарт. – Я слышал о том, что заключенных заставляют рыть себе могилы. Но это...

Камень был помещен в маленькую клетку, руки великанши поставили клетку на крышу их временного обиталища.

– Выйди из-под него.

Камень упал к ним в клетку. Гарт тут же подскочил к нему.

Это был грубо вырезанный монолит примерно три фута высотой, вырезанный из мягкого, белоснежного известняка. В нем была камера со стеклянной дверцей.

– Ты когда-нибудь видел такое? – выдохнул Бронза.

Гарт не ответил. Он читал надпись, вырезанную на камне:

ШЛЮЗ ГЕЗЕЛЛА

– Нет, никогда не видел, – сказал, наконец, Гарт.

– Посмотри-ка. Здесь какая-то дверца, – пробормотал Бронза.

Гарт осмотрел дверцу и нашел пластиковую задвижку. Когда он открыл ее, дверца распахнулась, Гарт достал из камеры какой-то свиток и развернул. На нем изящным почерком было написано:

*Это ваши Врата ко всем людям,
ко всему, что плачет, смеется и трудится в поте лица,
ко всем, кто голодает и терпит нужду,
кто совершает ошибки,
кто раскрывает тайны,
ко всему, что растет, крепнет, становится сложнее,
а потом доходит до окончательной простоты.*

*Друзья приветствуются,
Для остальных это послужит предупреждением.*

Гезелл, это ваши Врата,

Так же, как и мои.

Запертые Врата не требуют охраны.

Мои Врата открыты, и я охраняю их.

Гезелл знает, что я люблю его.

Пожалуйста, передайте ему,

что теперь я тоже знаю это.

Вики (Возвращенная)

– Возвращенная, – прошептал Гарт. – Возвращенная.

Над их головами раздался хлопок, когда наверху открылся переносной шлюз. Через него в клетку бросили динамик и микрофон. Бронза поймал их и передал Гарту.

Гарт посмотрел через прозрачную стенку клетки и увидел Глорию, ее спокойное лицо и затуманенные глаза.

— Гарт Гезелл, ты прочитал свиток. Я принесла его, потому что не хотела, чтобы ты ждал еще дольше, а также не хотела, чтобы ты услышал о том, что здесь написано, из третьих рук. Она починила твои Врата, Гарт, и пропихнула через них этот камень, так, чтобы мы нашли его. А затем, когда мы стали кричать и звать ее, вышла к нам сама. Возможно, мы не поверили бы ни вычислениям, ни утверждениям. Но мы исследовали ее. Она Возвращенная. В этом нет никаких сомнений. Только тогда мы поверили. Ффанксы никогда не стали бы тратить ни секунды, чтобы придумать какую-нибудь ловушку и приманки. А, значит, мир действительно освободился от них. И Вики подарила нам этот мир только из любви к тебе, Гарт... Теперь ты готов начать вычисления?

Гарт поставил динамик с микрофоном у стены, и выпрямился. Сердце его бешено колотилось.

— Только когда я увижу Вики, — ответил он.

Наступило молчание. Затем Глория сказала:

— Бронза, надевай шлем.

Бронза повиновался без всяких вопросов. Воздушный шлюз на верху открылся. Гарт сел и прислонился к стенке клетки. Сердце его по-прежнему не унималось.

Внезапно рядом с ним оказался Бронза в шлеме. Он стиснул плечо Гарта с такой силой, что стало больно, но тут же отпустил. Послыпался какой-то шум. Гарт, наконец, осмелился повернуться. Бронза, в шлеме, помогал кому-то спуститься в клетку. Затем шлюз был закрыт.

Вики стояла посреди клетки и глядела на него серьезно, без всякого страха.

Гарт протянул к ней руки. Неизвестно, кто сделал первый шаг — он или она. Возможно, оба одновременно. Гарт прижался щекой к ее лицу, а когда отстранился, лица у обоих были мокрые. Значит, кто-то из них плакал.

Возможно, оба.

ГЛОРИЯ СКАЗАЛА своим женщинам-математикам:

— Итак, как видите, Гарт был совершенно прав насчет сдвига. Он, Вики и Бронза могут вернуться через свои Врата. Но нам придется открыть другие Врата. Через них мы попадем в мир, где станем лишь в три раза больше своих истинных размеров. А там мы построим еще одни Врата. И они приведут нас на Землю, домой.

— Но если все так просто, — спросила толстушка, — то почему мы столько времени осторожничали? Почему сразу не перешли в тот промежуточный мир и не ждали там?

— Потому что, — ответила Глория Гемен, — промежуточный мир — это и есть планета франков.

ЗЕМЛЯ УСТРОИЛА грандиозный праздник на лугах Хэка и Сэка, там, где впервые появилась арка с синим туманом, через которую на Землю хлынула Смерть. Но теперь через нее в наш мир пришла Жизнь.

(Planet Stories, 1951 № 9)

ЗОЛОТАЯ СПИРАЛЬ

I

ТОД ПРОСНУЛСЯ ПЕРВЫМ, вероятно, потому, что всегда был такой бойкий, такой любопытный, а возможно, потому, что ему было (или должно быть) семнадцать. Он вяло отбивался, но манипуляторы не отпускали. Они сгибаю и разгибаю его руки и ноги, сжимали грудь, гладили, терли и массажировали. Суставы скрипели. Вялая кровь сонно цеплялась за стенки вен, отказываясь течь быстро и весело по жилам.

Тод задохнулся и закричал, когда холодные иглы побежали по всему телу, а потом опять закричал, когда кожа стала чувствительной и загорелась, как ошпаренная. Затем он упал в обморок, который, вероятно, перешел в сон, потому что он проснулся тогда, когда закричал кто-то рядом.

Тод чувствовал себя слабым, голодным, но хорошо отдохнувшим. Первой его осознанной реакцией было ощущение, что манипуляторы убрались от тела, а из задней части шеи вынули иглы. Трясущейся рукой он провел там и почувствовал следы от проколов, уже полузаросшие заживающей кожей.

Тогда он стал слушать продолжавшиеся крики, чувствуя удовлетворение уже от того, что кричит не он сам. Затем он позволил себе открыть глаза и с огромным удивлением обнаружил, что крышка его Гроба распахнута.

Тод схватился за края, несколько секунд боролся с сильным головокружением, затем преодолел его и положил подбородок на край Гроба.

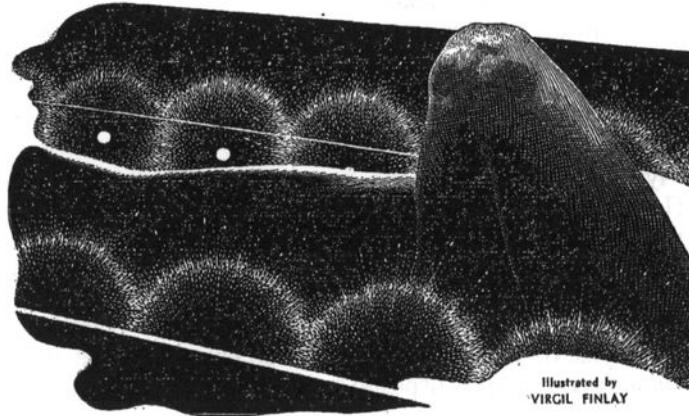
Крик доносился из Гроба Эйприл. Он был тоже открыт. Поскольку оба массивных ящика стояли вплотную друг к другу, крышки их на шарнирах откидывались в разные стороны, поэтому Тод видел, что делалось там внутри. Манипуляторы трудились над телом девушки, опытными, но совершенно бесстрастными движениями. Ей казалось, что она находится в каком-то ужасном кошмарном сне, лежа на спине, сне о поездке на бешеном велосипеде, педали которого сами крутили ей ноги. И одновременно руки ее жалило облако шершней. Набор игл вышел из ее шеи, что причинило дополнительную боль.

Тод подполз к концу Гроба, встал на трясущиеся ноги и схватился за металлический поручень, установленный на уровне груди. Потом скользнул по нему руками, так что поручень оказался под мышками. Повисший на поручне, он сумел спустить ноги из гроба и стал на верхнюю ступеньку. И тут же без сил осел на нее. Когда

его сердце и легкие немного успокоились, он сумел спуститься на четыре ступеньки, съехав по ним, как ребенок, на ягодицах.

Крики Эйприл смолкли.

Тод сидел на нижней ступеньке, весь трясясь от усталости, с ногами на металлическом полу и коленями, поджатыми к груди. Перед ним на низеньком постаменте стоял куб с круглым диском-пеключателем. Отдохнув, Тод медленно протянул руку к диску. Раздался звон, передняя стенка куба исчезла, превратившись в медленно уплывающее облачко блестящей пыли. Тод поднял тяжелую руку и сунул ее внутрь. Одну за другой, он взял оттуда и поднес к губам две капсулы. Проглотил и достал из куба бокал. Он был на две трети полон пурпурными кристалликами. Тод ударил

Illustrated by
VIRGIL FINLAY

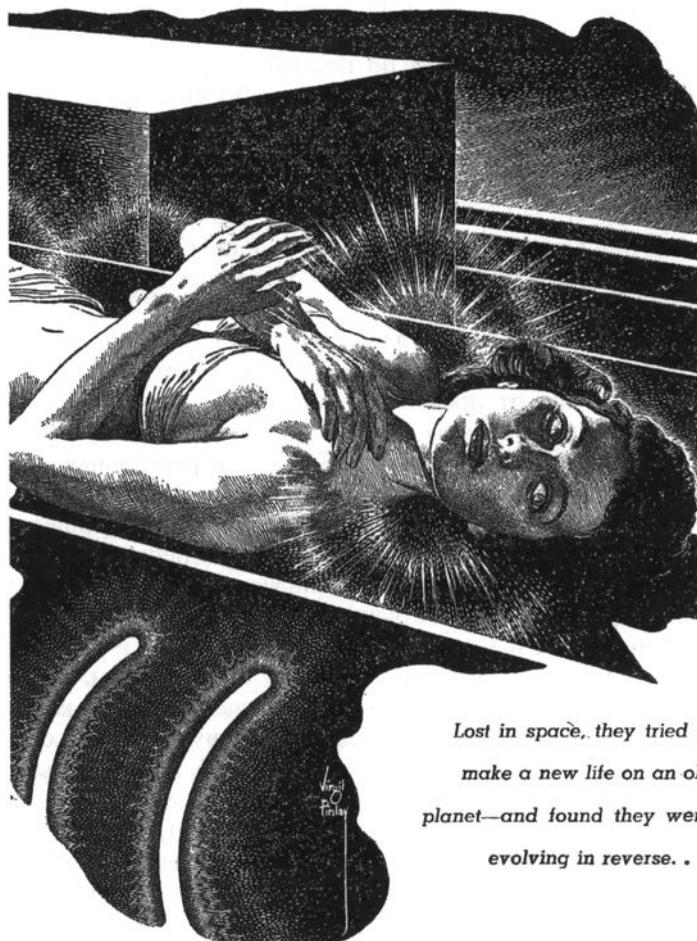
The Golden Helix

A Novel by THEODORE STURGEON

им по стальному полу. Крышка бокала рассыпалась, а кристаллики внезапно превратились в яростно пенящуюся жидкость. Когда пена опала, Тод выпил ее до дна. В голове у него словно что-то взорвалось. Немного спустя, когда голова прояснилась, зрительный горизонт Тода расширился, и он увидел другие Гробы, стены отсека, и только сейчас вспомнил о корабле и его миссии.

Где-то ужасно далеко, вернее, теперь уже близко, был Сириус и планета его системы – Земля-Прим. Первая и самая крупная колония, Земля-Прим, когда-то станет процветать так, как никогда не сможет процветать Земля, потому что Прим будет приспосо-

бленной и запланированно обустроенной планетой. Находясь в восьми с половиной световых лет от Земли, население Прим первоначально состояло из иммигрантов с Земли, живущих в куполах и работающих над изменением состава атмосферы планеты, чтобы когда-нибудь начать жить здесь нормально. Периодически им должны быть сделаны вливания свежей крови с Земли, чтобы на обеих планетах жили люди одного вида, потому что до тех пор, пока не придумают полеты между мирами быстрее скорости света, невозможны никакие частые сношения. Расстояние, которое свет пролетал за восемь лет, отняло бы у людей половину жизни. Решением были Гробы — чудесные аппараты, где человек мог находиться в состоянии сна, уснуть на Земле, а проснуться в космосе

*Lost in space, they tried to
make a new life on an old
planet—and found they were
evolving in reverse...*

возле места назначения, до которого остался бы примерно месяц пути без Гробов, как люди в кораблях, так и на планете-колонии, могли бы изменяться и мутировать. Люди хотели завоевать звезды – но остаться при этом людьми.

Тод и пятеро его товарищей по полету были отобраны не случайно. У них были супер-пупер способности к механике, математике и художественному творчеству. Но они не были так уж во всеми супер. Нельзя заселить колонию одними лидерами и ожидать, что они выживут. Они, как и весь их груз (чертежи машин, записи фильмов, музыки и книг: технические и медицинские справочники, романы и развлекательная литература) не были ни усовершенствованы, ни гениальны. За исключением Тигви, все они, по тестам, находились на среднем уровне, являлись массой, а не элитой.

Тод пробежался взглядом по глухим стенам и увидел в углу силуэт закрытой двери. Ему захотелось броситься туда, распахнуть дверь, пробежать по коридору в рубку управления, раскрыть ставни иллюминаторов и первым впитать в себя panoramu космоса. Он много читал о нем, но так и не увидел – все уже погрузились в глубокий сон, когда корабль оторвался от земли.

Но Тод лишь вздохнул и вместо этого пошел к Гробам.

Гроб Альмы еще был закрыт, но из остальных доносились какие-то звуки и возня.

Первым делом Тод заглянул в Гроб Эйприл. Казалось, она спала. Иглы и манипуляторы уже исчезли. Ее кожа светилась: она была живой, в отличие от прежней, одноцветно-восковой. Тод улыбнулся и пошел взглянуть на Тигви.

Тигви тоже уже мирно спал. Жесткая вертикальная складка между бровями стала теперь мелкой, а его ловкие руки лежали неподвижно. Тод никогда прежде не видел его, не взирающего прищуренными зелеными глазами, всего напруженного и готового действовать. Приятно было, так или иначе, почувствовать, что, несмотря на груз своей ответственности, Тигви мог быть таким же беспомощным, как и все остальные.

Тод улыбнулся и перешел к закрытому Гробу Альмы. Он всегда улыбался, когда видел Альму, когда слышал ее голос, когда она прерывала его размышления. Было приятно чувствовать себя храбрым рядом с Альмой, такой мягкой и уютной. И можно было вынести все, что угодно, зная, что она здесь.

Тод пересек отсек и посмотрел на последнюю пару. Карл, разъяренно отбивавшийся от манипуляторов, уже выдернул у себя из шеи набор игл, и теперь те свободно качались на тонких трубках. Он не кричал, но рычал и задыхался. Глаза его были открыты, но виднелись лишь белки.

Мойра была расслаблена и растянулась в Гробу, как длинная золотистая кошка. Казалось, она была довольна, получив возможность еще поспать.

Потом Тод услышал новый звук и вернулся к Эйприл. Та уже сидела, скрестив ноги и склонив голову, очевидно, глубоко сосредоточившись.

Тод поднялся на ступеньки ее Гроба, протянул руки и откинул с лица ее белые волосы. Эйприл подняла на него бездонные рубиновые глаза альбиноса и захныкала.

— Пойдем, — спокойно сказал он. — Мы все здесь.

Она не шевельнулась. Тогда Тод перегнулся через край Гроба, и обхватил рукой ее остренькие лопатки.

— Пойдем.

Она покачнулась и стала падать, но Тод поймал ее, так что она встала на колени. Потом положил ее руки на край Гроба.

— Держись крепче, Обезьянка, — сказал он и, когда она схватилась за край, поднял ее тоненькое тело из Гроба и поставил на лестницу. — Теперь отпускайся. Хватайся за меня.

Она механически повиновалась, и он повел ее по ступенькам. Затем щелкнул выключателем ее куба и сунул ей в рот капсулы, пока она оцепенела, словно загипнотизированная, глядела на него. Затем он открыл бокал, подержал его, пока не спала пена, затем, по-прежнему обнимая ее за плечи, напоил. Эйприл закрыла глаза и резко упала на него, сделала глубокий вдох и замерла так надолго, что он уже испугался, затем задышала нормально.

— Тод... — прошептала она.

— Я здесь, Обезьянка.

Она выпрямилась, повернулась и посмотрела на него. Казалось, попыталась улыбнуться, но вместо улыбки вдруг задрожала.

— Мне холодно.

Он встал и поддерживал ее за плечи, пока не убедился, что она может стоять без его помощи, затем принес с вешалки за Гробом мантию, помог надеть, потом опустился на колени и сунул ее ноги в шлепанцы. Довольно долго она стояла неподвижно, обнимая себя руками. Затем повертела головой, осматриваясь.

— Мы... уже там! — выдохнула она.

— Мы здесь, — поправил Тод.

— Да, здесь. Здесь. Как ты думаешь, сколько времени мы...

— Мы не знаем, пока не снимем показания приборов. Лет двадцать пять, может быть, двадцать семь.

— Я была бы уже старая, старая... — сказала она, пробежала кончиками пальцев по лицу и по шее. — Мне могло бы быть уже сорок лет!

Тод рассмеялся, затем краешком глаза уловил какое-то движение.

— Карл!

Карл навалился боком на край Гроба, ноги его были еще внутри. Неважно, каким он был слабым, но Карл должен был усмехнуться Тоду и сделать какие-нибудь самодовольные жесты. Но вместо этого он был неподвижен, в замешательстве глядя вокруг. Тод подошел к нему.

— Карл! Карл, мы здесь!

Карл тупо взглянул на него. Тод вдруг почему-то занервничал. Карл был всегда шумным и подвижным. Казалось, он был гораздо крупнее внутри, чем снаружи, и вечно пытался вырваться из тесного плена своего тела, соображая быстрее и смеясь громче, чем все остальные.

Он позволил Тоду помочь ему спуститься с лесенки и, пока Тод доставал для него капсулы и бокал, оцепенело озирался. Затем он выпил бокал и чуть было не упал. Тод и Эйприл подхватили его. Когда же он выпрямился, то стал уже прежним Карлом.

— Эй! — взревел он. — Мы здесь! — Он взглянул на них. — Эйприл! Тод!.. Ну, и как вы, детишки?

— Карл? — раздался вдруг голос флейты, если бы флейта умела говорить.

Все обернулись и увидели облако золотистых волос, упавших на край Гроба Мойры.

Они нетерпеливо бросились к Гробу Мойры, помогли ей вылезти и спуститься вниз. Карл издал такой облегченный вздох, что Тод и Эйприл улыбнулись друг другу.

Карл тут же пожал плечами, словно стыдясь своей маленькой слабости, как неуместной одежды, и направился, чтобы быть возле Мойры и позаботиться о ней.

— Что тут происходит? — раздался громкий, тяжелый бас.

— Тигви! Тигви, это... это мы, — отозвался Тод. — Карл, Мойра, Эйприл и я. Все, кроме Альмы.

Массивная голова Тигви медленно поднялась из Гроба. Он огляделся, поворачивая голову, точно радар. Затем голова его замерла и словно передала движение телу, которое стало медленно подниматься. Все четверо наблюдавших за ним знали, чего это ему стоило, что двигался он лишь на чистой воле, но никто не щевельнулся, чтобы ему помочь. Никто добровольно никогда не помогал Тигви.

Одна нога, вторая... Даже не держась за край Гроба, Тигви спустился по лесенке и уселся на нижней ступеньке, словно на троне. Руки его двигались медленно, но уверенно, когда он брал капсулы и вскрывал бокал. Затем он позволил себе секунду посидеть неподвижно, с закрытыми глазами и раздувшимися ноздрями, в которые вливалась жизнь. Впечатление было такое, словно мышцы его наливались силой. Он казался все более массивным и все более высоким, а когда открыл глаза, они были полны жизнью и светом.

Он взглянул на дверь в углу.

– Кто-нибудь уже...

– Мы ждали вас, – сказал Тод. – Мы... можем мы теперь выйти посмотреть? Я хочу увидеть звезды.

– Сначала позаботимся об Альме.

Тигви поднялся и пошел к Гробу Альмы. Единственный среди них, он был настолько высокий, что мог заглянуть в Гроб, не поднимаясь по лесенке.

Затем, не поворачиваясь, он бросил:

– Стойте.

Все остановились посреди отсека. Тигви повернулся к ним. Лицо его было совершенно невыразительным. Секунд десять он стоял неподвижно, затем тихонько вздохнул. Потом он поднялся по лесенке Гроба Альмы и откинул крышку. Долгую, долгую секунду он замер, склонившись над телом внутри. С того места, где стояли все, они не видели, что там, но никто не сделал ни малейшего движения, чтобы подойти и взглянуть.

– Тод, – сказал, наконец, Тигви. – Принеси хирургический набор. Набор *Лямбда*. Мойра, мне будет нужна твоя помощь.

Шок волнной прокатился по телу Тода, но он привык повиноваться приказам Тигви и уже шел, прежде чем Тигви перестал говорить. Подойдя к переборке, он открыл панель управления и нажал нужные кнопки. Раздался металлический лязг и к его ногам выполз тяжелый футляр. Он принес футляр Тигви и помог установить на стойке у Гроба. Тигви сразу же сунул руки в мембрану на одном конце набора, кивком велев Мойре сделать тоже самое на другом его конце. Тод отошел, постаравшись не взглянуть на Альму, и вернулся к Эйприл. Она обеими руками обхватила его левую руку.

– *Лямбда*... – прошептала она. – Это же Роды, верно?

Тод покачал головой.

– Роды – *Каппа* хирургии, – с трудом сказал он и откашлялся. – *Лямбда* – это кесарево сечение.

Темно-красные глаза Эйприл округлились.

– Кесарево сечение? *Альме*? Но ей же не было нужно кесарево сечение!

Тод повернул голову к Эйприл, но ничего не увидел, так как глаза его застлали слезы.

– Не было нужно, пока она была жива, – прошептал он.

Тод почувствовал, как маленькие ручки сильно сжали его руку. На другом конце отсека молча стоял Карл. Тог смахнул ладонью с глаз влагу. Карл медленно, очень медленно, начал стискивать пальцами свои виски.

Тигви и Мойра были заняты очень долго.

II

ТОД СЕЛ НА пол у стены и опустил голову, больно упервшись бровями в свои колени. Затем обнял их руками и, плотно зажмурившись, позволил себе увидеть Альму живой, радостную Альму, такую уютную Альму, храбрую Альму.

Он уже раз испытал такую же смесь страдания и гнева, сидя, слепой и беспомощный, в темном углу склада на космодроме. Прошел слух, что Эйприл не приедет, потому что альбиносов решили не отправлять в колонию Сириуса. В конечном итоге, этот слух оказался неверным, но в тот момент все было неважно. Вот и теперь он вспоминал и вспоминал Альму, как она нашла его там, просто подошла и села рядом. Она даже не притронулась к нему и ничего не говорила, а просто ждала, пока Тод бросится к ней на грудь и зарыдает, как ребенок. И никто, кроме него и Альмы, не знал об этом...

Он вспомнил Альму с дочерями в космопорту, как они прыгали по газону и плескались в бассейне, и как потом Альма лежала и глядела на звезды, и в ее мягкому, нежному взгляде он заметил непримиримую вражду к такому громадному пространству. Прыжки по газону и неукоснительное достоинство — все это легко существовало в Альме.

Он вспомнил, как она потом сказала ему: «Никогда не бойся, Тод. Просто думай о более худшем, что могло бы произойти. То, чего ты боишься, вероятно, все же *не так* плохо — просто что-то могло быть лучше. — И еще она сказала: — Не путай логику и истину, хотя логика тоже нужна. Логика может опираться на твердую землю, а другим концом уходить в открытый космос. Истина не так гибка. — И еще: — Конечно, Тод, ты *должен* быть любим. Не стыдись этого желания. И вообще, это не должно тебя волновать. Ведь ты-то любим. Эйприл любит тебя. И я тебя люблю. Может, я люблю тебя даже больше, чем Эйприл, потому что она любит все, чем ты являешься, а я люблю то, чем ты станешь.»

И были еще воспоминания более глубокие и важные, хотя относились они к мелочам — случайная встреча взглядов, касание рук, смех или далекий напев...

Тод постепенно уплывал во тьму, которая была рождена потерей и отчаянием, и постепенно становилась отсутствием всяких чувств. И он понял то, что казалось ему самым пустячным из пустяков: значение его позы у переборки. Мысленно Тод посмотрел на себя со стороны. В этой позе было удобно углубляться в себя и одновременно быть таким защищенным... И Альме очень не хотелось видеть его в этой позе.

Он поднял голову и поспешно выпрямился из положения зародыша. *Теперь все закончилось*, неистово сказал он себе и затем ошеломлено спросил у себя же, что же он имел в виду.

Тод повернулся и посмотрел на Эйприл. Она неподвижно сидела, прижалась к нему. Он толкнул коленом ее в ребра, достаточно сильно, чтобы заставить ее вспомнить, что у нее есть ребра. Она подняла на него глаза и спросила:

– Как? Как можно?..

Она не закончила фразу, но Тод понял. Из каждого из трех стандартных пар корабля проекта «Сириус» одна должна было зачать детей на планете, вторая даже раньше, сразу же после пробуждения, а третья, контрольная, перед тем, как лечь в Гроб. Но развитие плода не могло произойти *до* пробуждения. Это было невозможно, в Гробу останавливались все жизненные процессы. Таким образом...

– Как? – умоляюще повторила Эйприл. – Как такое могло случиться?..

Тод забыл о своих страданиях, взглянул на Эйприл и подумал о том, почему это выпало на долю именно Тигви.

– Тод, – тут же раздался голос Тигви.

Тод погладил Эйприл по плечу, поднялся и подошел к Тигви. Он по-прежнему заставлял себя не глядеть в Гроб. Тигви, все еще чем-то занятый, кивнул головой.

– Мне нужно здесь немного больше места.

Тод взял прозрачный куб, на который указал Тигви, и посмотрел на извивающийся розовый комочек внутри.

Он чуть было не улыбнулся. Младенец был жив. Тод шагнул в сторону, и Тигви сказал:

– Забери из всех.

Тод взял все кубы и перенес туда, где сидела Эйприл. Карл встал, подошел к ним и опустился на колени. Можно было ощутить вибрацию полей, насыщающих воздух внутри кубов питательными веществами.

– Хорошее среднее количество... Черт, я хотел сказать, нормальное потомство, – сказал Карл. Четыре девочки и один мальчик. Просто замечательно.

Тод посмотрел на него.

– Мне кажется, есть еще один...

Была еще одна девочка. Мойра принесла ее в шестом кубе.

– Сладенькие... – выдохнула Эйприл, глядя на них. – Какие они сладенькие!

– Это все, – устало сказала Мойра.

Тод взглянул на нее.

– А Альма?..

Мойра слабо махнула рукой на аккуратную стопку кубов-инкубаторов.

– Это все, – устало прошептала она и подошла к Карлу.

Это все, что осталось от Альмы, с горечью подумал Тод. Он взглянул на Тигви.

Тот поднял руку и вытер лицо о плечо. Поднятая рука опустилась на край Гроба и на секунду стиснула его. Затем Тигви отпустил Гроб и принял сдирать с рук стерильный пластик. Отчаяние опять рванулось из груди Тода наружу, но он прикусил щеку и заставил его остаться внутри. *Странная традиция*, подумал Тод, почему-то невежливо показывать на людях свое горе...

Тигви бросил остатки пластика в отверстие для мусора и повернулся лицом к остальным. Поочередно он посмотрел на каждого, и каждый посмотрел в ответ на него. Затем Тигви повернул рычаг, и крышка Гроба Альмы бесшумно скользнула на место.

Процай...

Тод сел возле Эйприл и оперся спиной о переборку. Рукой он обнял ее плечи. Карл и Мойра сидели рядом, держась за руки. Глаза Мойры были прикрыты, хотя она не спала. Лицо Карла было угрюмым. Тод взглянул на него, затем перевел взгляд на кубы. Трое младенцев плакали, хотя, конечно, их нельзя было услышать через пластиковые стенки инкубаторов. Внезапно Тод ощутил на себе взгляд Тигви. Он передернул плечами и тут же заставил горе уйти в некое просторное хранилище глубоко в его душе.

Тигви сел, скрестив ноги, на пол перед остальными и положил что-то на пол.

Тод посмотрел на этот предмет. На первый взгляд он казался металлической пружиной величиной с большой палец, вертикально установленной на черной подставке. Затем Тод понял, что это какой-то предмет искусства, сделанный из золотистого вещества, светящегося и казавшегося текучим. Это была двойная замкнутая спираль, она вращалась, снова и снова, блестя золотом, какая-то странно живая и одновременно похожая на миниатюрный водопад. Сформирована она была так, словно наматывалась на цилиндр, а цилиндр крутился, чтобы избавиться от нее, и их движение было вечным и неустанным.

– Это лежало в Гробу Альмы, – сказал Тигви. – Его там не было, когда мы покидали Землю.

– Но он должен быть там, – тупо сказал Карл.

Тигви молча покачал головой. Эйприл открыла рот, но тут же закрыла его, ничего не сказав.

– Что, Эйприл? – спросил Тигви.

– Ничего, Тигви, – покачала головой Эйприл. – Правда, ничего.

– Но поскольку Тигви продолжал ожидающе глядеть на нее, она произнесла: – Я хотела сказать... Она красивая. – И Эйприл опустила голову.

Губы Тигви дернулись. Тод мог лишь молча посочувствовать ему. Он погладил белые волосы Эйприл, и та слегка дернула плечом от его прикосновения.

– Что это, Тигви?

Поскольку Тигви не ответил, Мойра спросила:

— А она... Могла эта штуковина что-нибудь сделать с Альмой?

Тигви задумчиво взял непонятный предмет в руку. Тод увидел желтые отсветы на его горле и щеке, и золотистые точки в глазах

— Что-то она сделала, — пробормотал Тигви, затем помолчал. — Как вы знаете, по плану Альма должна была забеременеть после пробуждения. Но родить...

Карл с силой потер рукой лоб.

— Во всяком случае, Альма должны были бодрствовать не менее двухсот восьмидесяти дней!

— Возможно, так и было, — согласилась Мойра.

Тод видел, как рука Тигви схватила предмет, словно и теперь он мог считаться драгоценностью. Мойра почувствовала нечто приятное, и те же эмоции отразились на лице Тигви.

Тигви поднялся.

— Нужно осмотреть корабль, проверить припасы, расчеты... Нужно связаться с Землей-Прим, если сумеем, и отправить им сообщение. Тод, проверь воздух в коридоре.

— Звезды... Мы увидим звезды! — прошептал Тод Эйприл, и эта мысль затмила все остальное.

Он пошел к углу, где была панель управления дверью. Там он нажал кнопку проверки, и на двери зажегся зеленый индикатор, показывая, что, после их пробуждения, все каюты, отсеки и помещения управления были нагреты и наполнены воздухом.

— Воздух в норме.

— Продолжай.

Все стояли возле Тода, когда он потянул рычаг. *Не стану я ждать приказа, подумал Тод. Я пройду по коридору, открою защитную пластину илюминатора, и за ним будут звезды и космос!*

Дверь открылась.

Но за ней не было ни коридора, ни переборок, ни бронированных илюминаторов...

Вообще не было корабля!

Была ночь, сырья и теплая. Влажная. Были растения с переплетенными ветвями, мясистыми листьями и соединившимися корнями. Какое-то существо ударило, как молотом, в дверной косяк и исчезло, оставив на пороге пятнышко крови. Было небо, ужасное, сверкающее зеленое небо. Снаружи что-то кричало и билось, давление воздуха там было выше, чем в отсеке, и все это было совершенно неправильно.

Тод почувствовал. Как по подбородку бежит кровь — он прикусил себе губу. Он повернулся и увидел три пары испуганных глаз, уставившихся на Тигви, который сказал:

— Закрой же дверь!

Тод нажал рычаг, но он отломился и остался в его руке.

В голове у него медленно тянулись мысли, длинные, как удавы. Тод стоял с металлическим обломком в руке и думал:

Нам говорили, что в первую очередь мы будем должны адаптироваться. Нам говорили, что, возможно, со временем нашего прибытия на Земле-Прим уже будет тонкая атмосфера, но что, вероятно, нам придется жить в куполах. Нас предупреждали, что мы можем встретить тут результаты мутаций, от которых люди станут не совсем людьми. Нас даже предупреждали, что мы можем не найти на Прим вообще ничего живого. Но посмотрите теперь на меня... на всех нас. Нас не готовили адаптироваться к такому! И мы не можем...

Снаружи донесся какой-то нечленораздельный вопль. Что-то толщиной с большой палец, длиной с руку и ворившее, как далекие сигналы горна, метнулось через дверь и стало летать по отсеку. Тигви тут же сорвал с вешалки плащ и, изловчившись, сбил палкой это существо. Извиваясь, оно побежало к двери, но Тигви набросил на него плащ и рявкнул:

– Закрой же эту чертову дверь!

Карл выхватил у Тода отломленный рычаг и попытался вставить его на место, но рычаг рассыпался, словно был сделан из сухаря. Тод шагнул вперед, схватился за дверной косяк и выглянулся наружу. Все было спокойно. Из странно перекрученной травы выглянула ящерица длиной с руку и замерла, уставившись на него. Тод крикнул, и существо стало подниматься на передних лапах, слишком длинных для такого создания, пока его тело не встало под углом в сорок пять градусов к земле, а затем щелкнуло длинным хвостом, и что-то пролетело над самой головой Тода. Тод повернулся, чтобы посмотреть, что там, и в этот момент ящерица ударила его с одной стороны, а Эйприл – с другой.

Эйприл победила, а проигравшая ящерица, щелкая зубами, ринулась вперед. Эйприл плечом ударила Тода в грудь, он потерял равновесие и упал на пол. Холодный, сухой, пульсирующий хвост стукнул его по руке. Тод судорожно схватил его. Часть хвоста оторвалась и стала прыгать по земле, точно перевернутый на спину жук-щелкунчик. Но Тод успел перехватить хвост и пополз назад, таща за собой ящерицу, потом встал сначала на колени, потом на ноги, пару раз взмахнул ящерицей над головой и с силой ударил ее о косяк. Остатки хвоста, которые он сжимал, тоже оторвались, и чешуйчатая тварь скользнула по полу в отсек, заставив Мойру дико прыгнуть, чтобы убраться с ее пути, так что она чуть не сбила с ног коренастого Карла.

Тигви открыл футляр с набором хирургии *Лямбда*, высыпал на пол лекарства и инструменты и, перевернув опустевший ящичек, накрыл им чешуйчатое тело.

– Эйприл! – закричал Тод.

Обернувшись, он увидел, что она что-то пинает ногами в траве. Он схватил ее и втащил внутрь.

— Карл! — крикнул Тод. — Дверь...

Но Карл уже спешил к нему с горелкой в руке. Парой ловких движений он срезал рычаг, удерживающий дверь открытой, захлопнул ее и закричал:

— *Параметалл!*

Задыхаясь, Тод бросился к шкафам и принес ленту этого синтетического вещества. Карл отрезал от нее широкую ленту и перерезал на две половинки. Одну он прижал к двери и, не глядя, протянул назад руку. Тод бросил ему молоток. Карл схватил его, примерился и ударил молотком по ленте. Мелькнула голубовато-белая вспышка, и лента мгновенно затвердела, прочно приварившись к двери. То же самое Карл сделал со вторым куском, приварив его рядом к стене. Получились две шейки, в которые Мойра тут же просунула прут, надежно закрепляя дверь.

— Нужно стерилизовать пол? — спросила Мойра.

— Нет... — поколебавшись, ответил Тигви.

— Но... бактерии, споры...

— Забудь об этом, — сказал Тигви.

Эйприл заплакала. Тод обнял ее, но и не подумал успокаивать. Что-то в глубине его души, что-то более глубокое, чем паника, и более важное, чем удивление, подсказало ему, что эти слезы предназначались, чтобы оплакать Альму. *Плачь, плачь*, подумал Тод, *оплакивай всех нас...*

Когда все кончилось, лицо Карла перекосилось от запоздалого шока.

— Корабль исчез, — тупо сказал он. — Мы на планете.

Он взглянул на свои руки, резко повернулся к двери, уставился на нее и задрожал. Мойра подошла к нему и встала рядом, не прикасаясь — она просто встала рядом на случай, если понадобится. Эйприл постепенно успокаивалась.

— Я... — начал было Карл, но тут же замолчал и покачал головой.

Щелчок. Тррр... Треск, щелчок. Тигви принялся машинально собирать рассыпанное содержание хирургического набора. Тод погладил плечо Эйприл и пошел помочь ему. Мойра взглянула Карлу в лицо и тоже пришла на помощь. Затем к ним присоединилась Эйприл и последним — Карл. Они все подмели, повесили одежду, ликвидировали беспорядок, затем Тод опустил прикрепленный к стене столик, и они положили на него мертвую к тому времени ящерицу. Мойра осторожно освободила закутанное в плащ насекомое, с силой ударила им об пол, положила его в опустевший хирургический футляр и принесла слабо шевелящуюся тварь Тигви. Долгую секунду Тигви глядел на нее, затем положил на стол и за-

крепил рядом с ящерицей. Потом он пинцетом открыл ящерице челюсти, нагнулся, чтобы получше рассмотреть и проворчал:

— Эйприл...

Она подошла к нему. Тигви притронулся скальпелем к клыкам ящерицы.

— Смотри-ка сюда.

— Канавки, — сказала Эйприл. — Как у змеи.

Тигви повернул скальпель и плоской стороной нажал на основание клыка. Из канавки выбежала капелька желтой жидкости. Тигви положил скальпель и подсунул под зуб стекло от часов, чтобы поймать эту капельку.

— Проанализируем ее позже, — пробормотал он. — Но я бы сказал, что ты спасла Тода от чего-то ужасного.

— Я даже и не подумала, — ответила Эйприл. — Я... я и не знала, что на Прим существуют животные. Интересно, а как звать это чудовище?

— Эта часть принадлежит тебе, Эйприл. Дай ему название сама.

— А, может, его уже классифицировали.

— Кто?

Все разом заговорили и тут же замолчали. В неловкой тишине раздался вдруг смех Карла. Он прозвучал неожиданно и неуместно, но в этом был весь Карл.

— Говори, Карл, — велел Тигви.

Карл сверкнул зубами, затем махнул рукой в сторону двери.

— Это вообще не Сириус. И не Земля-Прим. Так что, Эйприл, можешь дать имя своему любимцу.

— *Крокозмей*, — сказала Эйприл, — потому что он бросается, точно крокодил, и у него ядовитые зубы, как у змеи... — Затем она побледнела и повернулась к Карлу, когда до нее дошел смысл его слов. — Это не... не *Прим*?

— На Земле никогда не водилось подобных существ, — очень тихо сказал Тигви. — К тому же Прим — холодная планета. На ней не может быть тропического климата. Сколько бы времени, — кивнул он на дверь, — там не прошло.

— Но тогда... где же мы? — спросила Мойра.

— Попытаемся понять. Но у нас нет нужных приборов — они остались на корабле.

— Но раз это новая... чуждая планета, то почему вы не позволили мне провести стерилизацию? А вдруг здесь есть опасные споры? Или в атмосфере метан, или...

— Мы бы уже что-нибудь почувствовали. Что касается состава атмосферы планеты — она не ядовита, иначе некому было бы вести беседу. Погодите! — Тигви поднял руку, прерывая град вопросов, которым люди были уже готовы осыпать его. — Удивление — слишком большая для нас роскошь, как и волнение. Мы не можем по-

зволить себе его. Мы получим ответы, когда соберем побольше информации.

— А что мы теперь будем делать? — слабым голосом спросила Эйприл.

— Поедим, — ответил Тигви. — А затем поспим. Все молчали, и Тигви добавил: — А потом мы выйдем наружу.

III

ЗВЕЗДЫ БЫЛИ как поле с маргаритками, как пыль в луче солнечного света, и как летающие, пылающие горы, одни близко, другие — далеко, звезды всех цветов и оттенков, звезды яркие и тусклые. И были еще проблески света, которые тоже должны быть звездами, только слишком далекими, чтобы можно было их рассмотреть. И что-то крало звезды, не раздвигая их, а проглатывая, подбираясь все ближе и ближе. И, наконец, осталась лишь одна звездочка. Ее звали Альма. Потом и она исчезла, и не осталось ничего, кроме всепоглощающей, ужасной черноты.

И в этой черноте Тод распахнул глаза, задыхающийся, испуганный, все потеряивший.

— Тод, ты проснулся?

Маленькая ручка Эйприл коснулась его лица, Тод схватил ее и прижал к губам, впитывая ее тепло и уют.

— Мы тоже проснулись, — донесся из темноты голос Карла. — Тигви?..

Вспыхнул свет, сначала тусклый, разгорающийся быстро, но не настолько, чтобы ослепить привыкшие к темноте глаза. Тод повертел головой и увидел у столика Тигви. На столике лежала ящерица, вскрытая и разделанная так же аккуратно, как на картинках в учебнике. Еще там была настольная лампа с инфракрасным фильтром. Тигви отвернулся от стола, снял инфракрасные очки и кивнул Тоду. Под глазами у него были круги, но во всем остальном выглядел Тигви, как обычно. *Интересно, подумал Тод, сколько же часов он проработал в одиночестве, пока остальные спали, занимаясь кропотливой работой в неуютном инфракрасном освещении, чтобы никому не мешать?*

Тод подошел к нему.

— Мой приятель что-то поведал? — спросил он, указывая на останки ящерицы.

— И да, и нет, — ответил Тигви. — Он дышит кислородом, и это уже хорошо, и он настоящая ящерица. У нее есть секретное оружие — хвостом она может махать над головой, стегая им своих жертв. Кроме того, у нее есть примитивные ганглии, как у земных саламандр, позволяющие сегментам хвоста вибрировать и издавать треск. У нее также есть скелет, но... Впрочем, все это не имеет значения. Главное то, что она — аналог нашей жизни ранней перми,

что означает (если она не представитель тупиковой ветви, подобно скорпионам), что этой планете, по крайней мере, миллиард лет. И это подтверждает ее маленький коллега, — Тигви коснулся летающей твари. — Это, знаешь ли, не насекомое. Это — паук.

— С крыльями?

Тигви приподнял тонкие, как у скорпиона, жвалы существа и тут же опустил их обратно на стол.

— Плоские хитиновые крылья не более замечательны, чем все остальное. Так или иначе, несмотря на вычурный внешний вид, внутри он достаточно примитивен. Из всего этого мы можем выдвинуть гипотезу, что здесь мы найдем и другие аналоги того, к чему привыкли на Земле.

— Тигви, — прервал его Тод, понизив голос и сощурив глаза, чтобы не было так заметно сквозящий в них страх. — Тигви, что происходит?

— Температура и влажность в отсеке, кажется, точно такие же, как и снаружи, — продолжал Тигви ничуть не изменившимся голосом. — Это указывает на теплую планету, или на теплый сезон на планете с умеренным климатом. В любом случае, очевидно...

— Но, *Тигви*...

— ...что с тем количеством информации, что у нас есть, можно строить теории целую вечность, и мы не должны заниматься ничем, кроме как сбором дополнительных сведений.

— Угу, — сказал Тод и немного помолчал. — Ага, — повторил он, — простите, Тигви.

И он присоединился к остальным у распределителя еды, чувствуя себя отшлепанным щенком. *Но он же прав*, думал Тод. *Потому что Альма как-то сказала... Из множества вещей, которые могут произойти, лишь одна имеет значение. Так давайте подождем и станем беспокоиться о той вещи, когда сумеем ее определить.*

Тод почувствовал прикосновение к руке, оторвался от своих мыслей, поднял взгляд и увидел Эйприл. Он понял, что бормочет вслух, понял, что она услышала его слова, и беспринужденно рассердился на нее.

— Черт, он такой хладнокровный, — выпалил Тод яростно, хотя и шепотом.

— Он должен заниматься тем, что может понять, — ответила Эйприл и быстро взглянула на закрытый Гроб. — Разве ты бы не стал так себя вести?

Горло у Тода свели судороги, когда он подумал об этом. Он опустил глаза и пробормотал:

— Нет, я бы не стал. Я бы просто не смог.

Но когда он повернулся к Тигви, то уже посмотрел на него другими глазами. *Но, в конце концов, сильным людям так просто быть сильными*, подумал он.

— Тигви, что мы наденем? — крикнул Карл.

— Искусственную кожу.

— О, нет! — воскликнула Мойра. — Она такая липкая и в ней так жарко!

Карл со смешком поднял голову ящерицы и открыл ей пасть.

— Улыбнись-ка леди, — сказал он. — Она не хочет, чтобы ты сломала свои милые зубки и старый жесткий *иск*.

— Не трогай ее. — резко сказал Тигви, хотя его мрачные глаза чуть-чуть повеселили. — У ней еще полно черт знает какого яда. Но он прав, Мойра. Иск не так-то просто прокусить.

Мойра почтительно поглядела на желтые клыки, покорно пошла к стенному шкафу и стала доставать оттуда *иски*.

— Будем держаться вплотную друг к другу, — сказал Тигви, когда они помогли друг другу натянуть *иски*. — Все оружие осталось... в корабельном хранилище, так что придется импровизировать. Ты, Тод, и девушки возьметте шарики *анестене*. Это самое быстродействующее анестезирующее, какое у нас есть, и оно должно действовать на любое существо, дышащее кислородом. Я возьму скальпели. А Карл...

— Молоток, — усмехнулся Карл, чуть запинаясь от волнения.

— Мы не будем пытаться запереть дверь снаружи, потому что на первый раз я не планирую отходить дальше, чем на десяток метров. Просто, Карл, когда мы выйдем, закрой дверь и подопри ее чем-нибудь. И что бы ни случилось, не нападайте, пока не нападут на вас... или если я не подам такую команду.

С ввалившимися глазами, но прочно держась на ногах, Тигви двинулся к двери. Остальные последовали за ним. Переложив молоток в левую руку, Карл вытащил прут и отступил на шаг, держа его, точно копье. Тигви стоял — в каждой руке по скальпелю, — секунду подождал, потом пинком распахнул дверь. Они поспешили выйти наружу, и Карл, шедший последним, закрыл дверь и подпер ее стержнем.

— Все готово.

Они отошли от модуля метра на три и остановились.

Был день, но такой день они еще не видели. Свет был зеленым, практически, лимонно-зеленым, а тени фиолетовыми. Небо было, скорее, лавандовым, чем голубым, а воздух — теплым и влажным.

Они стояли на вершине маленького холма. Перед ними расстилались сплетения джунглей. Они были такие живые и такие буйные, что, казалось, росли прямо на глазах. Движение, шорохи, вздохи, бормотание неслись со всех сторон — всего было слишком много, нехватило много, чтобы сразу к этому привыкнуть, и мысль: *это —*

джунгли, казалась жалким преуменьшением того, что они наблюдали.

Слева похожая на саванну равнина полого спускалась к реке – спокойной и мутной. Справа опять были джунгли. А позади их уютного и такого надежного отсека, возвышаясь над ним, был...

Первым, похоже, это увидела Эйприл, по крайней мере, позже Тод связал эту картину с криком Эйприл.

Они бросились друг к другу, когда она закричала, пятеро человек дернулись, точно пять марионеток на одной ниточке, прижались друг к другу и к стене отсека, испытывая мгновенный приступ клаустрофобии.

Эта штука не исчезла. Она осталась на месте – громадная. Она возвышалась над ними.

Позже Эйприл сказала, что оно похоже на облако. Карл утверждал, что это, скорее, цилиндр с расширяющимися концами и узкой талией. Тигви вообще не пытался ее описать, поскольку любил точность, и ему не нравились приблизительные аналогии. А Мойра слишком уж испугалась. Тоду же этот объект показался бесформенным. Просто яркая непрозрачность между ним и небом, твердая, величиной с гору. И лишь об одном они и не подумали спорить – это был корабль.

А из корабля появились золотистые.

Они появились под кораблем, точно солнечные зайчики, простые пятнышки света, которые стали расти в размерах по мере того, как отдалялись от корабля, так что все пятеро людей испытали новый шок – они знали, что корабль огромен, но только теперь поняли, как высоко он нависал над ними.

Они летели вниз – десятками, сотнями. Они заполнили все небо над джунглями, от горизонта до зенита, на все сто восемьдесят градусов от источника – оболочку с вогнутой поверхностью над ними. Они заполнили небо и повисли над джунглями, отрезав большую часть странного зеленого света и заменив его своим собственным – потому что каждый из них светился спокойным светом.

И каждый по отдельности отличался от других. Позже люди спорили о форме корабля, но никто даже не упомянул о форме этих золотистых. Карлу они показались армией, Эйприл – ангелами. Мойра назвала их (тайком) «серифимами». А Тоду они показались хозяевами. Тигви же вообще никак не стал их называть.

Какое-то время они висели над людьми, глядевшими на них снизу, запрокинув головы. Не было ни дрожания крыльев, ни гула машин, чтобы можно было понять, как именно они парят. Если у каждого из них и было какое-то устройство, то люди не могли распознать его. Золотистых было множество – красивых, удивительных.

И никто из них не испытывал страха.

Тод посмотрел вдоль этой невероятной армии и увидел, что она нигде не спускается на землю. Более низкий край ее был примерно на уровне его глаз. А под ним Тод увидел расстилающиеся джунгли и спускающуюся к реке саванну. А потом, с новым изумлением, Тод увидел торчащие отовсюду головы и глаза.

Суeta в джунглях прекратилась, похожие на тритонов животные высунулись из зарослей и замерли, уставившись вверх. Из-под низко нависших ветвей с мясистыми листьями появились головы травоядных. Тут и там показывались ящерицы с кошачьими клыками.

Неуклюже воспарили в воздух и тут же сели на ветки летуны с кожистыми крыльями, похожие на испорченные зонтики. Кто-то пролетел по воздуху, промахнулся мимо ветки и упал на землю, оказавшись чешуйчатой тварью с широкой головой и кожистыми мембранными между передними и задними лапами. Тод узнал его – лишь накануне ночью он чуть было не свел знакомство с его зазубренным хвостом и ядовитыми клыками.

Но, несмотря на то, что здесь вместе собирались хищники и травоядные, все сидели тихо, уставившись на таинственное явление. Они были, словно кошмарная пародия на льва и ягненка, мирно сосуществоующих рядом.

Тод тоже уставился на странное свечение и увидел, как один из золотистых отделился от общей массы, спланировал вниз и остановился. Если бы корпус корабля был вогнутым зеркалом, то это создание замерло точно в его фокусе. Мгновение полной неподвижности и безмолвного ожидания. Затем существо сделало странный и сложный… жест. И позади него то же самое сделали все остальные.

Если бы десять тысяч человек, стоящие на расстоянии в десять тысяч метров, разом опустились на колени, то, вероятно, не было бы видно подробностей их движения, осталось бы только изменение, что общая масса претерпела какое-то изменение. Изменение было бы заметно определенно, хотя нельзя было бы судить о его значении. Так случилось и сейчас, хотя все пятеро одинаково поняли суть этого жеста. Это было почтение. Это было выражение глубокого уважения, сначала самим людям, потом тому, представителями которого люди являлись. Это было сродни богослужению.

И что же, подумал Тод, мы можем символизировать для этих золотистых? Он был словно скарабей, или египетская кошка, или индуистская корова, или дерево тевтонцев, о которых кто-то сказал, что это священные существа.

И все это Карл попытался неподобающе выразить следующими словами:

– Нам очень жаль. Но все будет в порядке. Так что можете радоваться.

А в небе, заполненном золотистыми, начало что-то происходить. Центр поднялся, фланги пришли в движение – левый поднялся и завихрился, образуя кривую, а правый стал загибаться внутрь, не поднимаясь. Через мгновение сформировался столб, полый цилиндр. Он медленно стало вращаться, разделившись на серию расположенных почти вплотную колец. Противоположные кольца замедлили вращение, остановились, а потом стали вращаться в противоположном направлении, и все формирование превратилось, оставаясь полым цилиндром, в двойную спираль – восходящую и нисходящую.

Золотистые вращались, сохраняя цилиндр, и этот цилиндр стал медленно подниматься. Он поднимался бесшумно, блестя, напоминая штуковинку, которую люди нашли возле тела Альмы... Он был без начала и конца, текучим образованием, находящимся в равновесии, где каждое возвышение компенсировалось соответствующим падением, а каждое вращение – таким же в противоположном направлении.

Цилиндр поднимался все выше и выше, пока не превратился в пятнышко на фоне колеблющейся тени корабля, которая поглотила его. Затем корабль исчез, не улетел, а именно исчез, как растворяется в небе заря, только быстрее. Все закончилось, возможно, за три удара сердца.

Тод закрыл глаза и представил себе эту подвижную двойную спираль. Что-то крутилось у него в голове, он чувствовал, что находится на пороге какого-то открытия. Тод знал, что символизировала эта спираль. Он знал, что она содержит простой ответ на смысл его жизни и всего живого на этой планете, и всей той жизни, которая когда-либо появится здесь. Если крест – не только орудие пытки, не только напоминание о стародавнем событии, если крест – это инь и янь, звезда Давида, это основа всех кристаллов и символ величайшей философской системы, то эта подвижная сплетенная спираль, вечно текущая, словно танцующая, была... была...

Кто-то зарычал в джунглях, кто-то закричал, и ответ ускользнул от Тода. Но все же он знал, что у него есть все необходимые элементы и, когда будет время, он соберет их вместе. Пока что он не мог сделать это, но все необходимое у него было.

Еще один крик, полный предсмертных мук. Перемирие закончилось. Джунгли, кроны деревьев, трава и река вновь забурлили жестокой, охотящейся и спасающей себя жизнью. Жизнь продолжалась, а вместе с ней продолжалась и смерть, а когда многое жизни брошено в одно место, то там же много и смерти.

IV

ПОЧЕМУ ЖЕ СЛУЧИЛОСЬ так, что пять человеческих жизней были спасены и разбужены чуждыми существами в мире, и без того кишащей, убегающей и пожирающей жизнью?

Люди медленно посмотрели друг другу в глаза. Они достаточно заботились друг о друге, чтобы испытать радость совместного проживания. Они достаточно заботились о себе самих, чтобы заняться тревожным самоанализом: *А что было в то время, как я был не в себе?*

Они стояли перед дверью в модуль и глядели на царящее вокруг побоище, пока, постепенно, все не успокоилось и пришло в равновесие охоты, убийства, еды и смерти. Их руки вспомнили вдруг об оружии, которое держали, а сознание начало постигать действительность.

— Это были ангелы, — сказала Эйприл так тихо, что ее не услышал никто, кроме Тода.

Тод увидел, как задрожали ее губы, и понял, что вот сейчас она выскажет ту мысль, что он почти что ухватил, но тут заговорил Тигви, и Тод понял, что эта мысль ускользнула и от Эйприл.

— Смотрите! Смотрите туда! — воскликнул Тигви и прошел вдоль стены к углу.

То, что прежде было модулем их корабля, теперь оказалось изолированным кубом, стена которого стала длиннее, а в ней через равные промежутки были двери, запертые простыми фиксаторами из параметалла.

Тигви подошел к первой двери, остальные столпились у него за спиной. Тигви прислушался, затем резко распахнул дверь.

Внутри была ярко освещенная комната. Вдоль стен стояла аппаратура. Тод тут же узнал очистители воды и воздуха, преобразователь белка и небольшую электростанцию. Посреди стоял генератор, связанный с синтезатором. Кабели уходили в стену в отсек с Гробами и в череду неизвестных помещений слева от него.

— По крайней мере, они дали нам энергию, — сказал Тигви. — Да-вайте поглядим, что в других комнатах.

Все это ерунда, тихонько проворчал Тод. После того чуда, при виде которого следовало бы нам пасть на колени, мы видим теперь аппаратуру, собранную из наших же запасных частей.

Тод посмотрел на напряженные лица остальных. Он видел, как чудо рассыпается от громких слов Тигви. *Ты не дал нам и минутки, чтобы молча постоять и подумать о том, что мы только что видели.* И тут же внутренний голос возразил Тоду: *Но ты забыл, что они убили Альму.*

Почему-то обидевшись, Тод пошел за Тигви.

Корабль был демонтирован, и из его материала собран на вершине холма ряд отсеков. Все они были соединены проводами,

обеспечены электричеством, и предназначались для разных целей. Тут была лаборатория, библиотека, шесть жилых комнат, полных различных вещей, а затем... затем Тигви издал самый ликующий в своей жизни крик. За дверью, которую он открыл, оказались полки с инструментами, материалами и кучей справочной литературы. А на крыше был даже купол с ожидающим линзовым телескопом.

— Эйприл! — Тод завертел головой, но нигде ее не увидел. — Эйприл!

Эйприл вышла из библиотеки.

— Тигви, — воскликнула она.

Тигви оторвался от созерцания инструментов и подошел к ней.

— Тигви, — сказала Эйприл, — все бобины с книгами были прочитаны.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что ни одна из них не перемотана обратно.

Тигви поглядел вдоль ряда дверей.

— Это не походит на то, как они...

Он не закончил предложение, но было понятно и так. Кто бы ни сделал все это, все построенное из останков их корабля было идеально функционально и эффективно.

Тигви зашел в библиотеку, взял со стеллажа первую попавшуюся катушку вставил ее в слот проектора и нажал кнопку. Катушка провернулась и тихонько щелкнула, показывая, что закончилась.

Тигви вынул ее и взял следующую. Все катушки были прокручены до конца.

— Могли бы и перемотать их обратно, — раздраженно пробормотал Тигви.

— А может, они хотели, чтобы мы поняли, что они прочитали их,

— заметила Мойра.

— Возможно, — пробормотал Тигви, взял катушку, пару секунд посмотрел, затем взял вторую, третью. — Музыка. Игры. Фильм о сопротивлении материалов.

— Кто бы это ни прочитал, он теперь многое знает о нас, — сказал Карл.

— Только о нас? — нахмурился Тигви.

— О ком же еще?

— О Земле, — ответил Тигви.

— Вы хотите сказать, что все наши записи были проанализированы, и по ним можно было вычислить путь к Земле? Вы думаете, они хотят напасть на Землю?

— Вы хотите сказать... Вы думаете, — холодно передразнил Карла Тигви. — Да ничего я не хочу сказать и ничего не думаю! Тод, можешь ли ты объяснить этому импульсивному молодому человеку то, что слышал от меня раньше? Что нас должны интересовать лишь доказательства.

Тод переступил с ноги на ногу, не желая ни с кем вступать в перепалку, особенно с Карлом. Карл передернул плечом и попытался улыбнуться. Мойра тайком сжала ему руку. Тод услышал рядом тихий вздох и быстро взглянул на Эйприл. Она явно была сердита. А Тод не любил, когда она сердилась.

— Вы это называете доказательством, Тигви? — спросила она, махнув рукой.

Все последовали взглядами в указанном ею направлении. Один из проекторов был открыт. Но вместо катушки в нем была копия странного предмета, который они уже видели дважды — один раз в Гробу Альмы, а второй, громадный, в небе.

Тигви уставился на него, затем протянул руку. Как только его пальцы коснулись предмета, включился проектор и явный, нежный голос заполнил комнату.

На глаза у Тода навернулись слезы. Он думал, что никогда уже не услышит этот голос. Слушая, он чувствовал стоящую рядом Эйприл и чувствовал, как она вся дрожит.

Альма говорила:

— Вчера они что-то сделали с иглами в моем Гробу, и я подумала, что они собираются снова усыпить меня... Тигви, о, Тигви, наверное, я умру!

Они принесли мне устройство для записи. Не знаю, делают ли они эти записи для себя или для тебя. Если для тебя, то должна сказать... но как мне сказать это тебе?

Я наблюдаю за ними все это время... А сколько времени уже прошло? Месяцы?.. Я не знаю. Когда я проснулась, то подумала, что дети скоро родятся, но теперь... я не знаю.

Они взяли нас к себе на борт, не знаю, как, не знаю, зачем, не знаю даже — куда... снаружи какое-то странное, неправильное пространство. Туманное, без звезд, только с какими-то размытыми пятнышками света.

Они понимают меня, я уверена — они понимают, что я говорю и что думаю. А я вообще не могу их понять. Они излучают какое-то горе, любопытство, уверенность, уважение — и все это одновременно. Когда я поняла, что умру, они передали мне свои сожаления. Когда я сорвалась, заплакала и закричала, что хочу быть с тобой, Тигви, они успокоили меня и сказали, что я буду с тобой. Я уверена, что они это сказали. Только вот как?..

Они полностью посвятили себя работе. Работа — это их религия, а мы — часть ее. Они... они оценивают нас, Тигви. Они не просто случайно наткнулись на нас. Они нас выбрали. Это выглядит так, словно мы являемся большей частью чего-то, что даже они считают очень важным.

Они лучше нас! Среди них я чувствую себя амебой. Они красивы, Тигви. Они очень важные. И очень уверенные в том, что делают.

Именно эта уверенность убеждает меня, чему я должна верить: я умру, а ты останешься жить, и мы с тобой будем вместе. Как это может быть? Как это вообще возможно?

Но все же это – истина, так что верь этому, Тигви, вместе со мной. Они знают – как!

Тигви, они каждый день кладут на меня какую-то машинку, испускающую яркие лучи. Они что-то делают с моими нерожденными детьми. Но они не навредят им, я в этом уверена. Я их мать. Поэтому знаю точно. Они не умрут.

А я умру. И я чувствую их горе.

Но я буду с тобой, и они радуются этому...

Тигви... пойми, как это возможно!

Тод закрыл глаза, чтобы не видеть Тигви, и жалел до глубины души, что Тигви не слушает этот призрачный голос в одиночестве. Что же касается сказанного, то это, скорее, походило на комментарии за кадром фильма, который он не видел. Голос Альмы был дрожащий, неуверенный, но Тод чувствовал, что когда она говорила все это, то испытывала радость и уверенность. А также еще удивление, но никакого страха.

Зная, что это может быть ее последним сообщением им, почему же она не дала им больше: факты, числа, конкретные сведения?

А затем он вдруг вспомнил старый-престарый рассказ на древне-американском языке писателя Хинлена (А, может, Хайлина?) о человеке, который попытался описать людям сверхсущество, с которым он повстречался, причем для этого у него был лишь блокнот и ногти вместо карандашей. Может, к тому времени он сошел с ума, но его послание было кратким. Оно гласило: «*Творение заняло восемь дней*». А как бы он, Тод, стал описывать тех, кого видел снаружи, если бы прожил с ними почти триста дней?

Эйприл осторожно потянула его за руку. Он повернулся к ней, все еще избегая взглянуть на Тигви. Эйприл кивнула своей белой головой на дверь. Мойра и Карл были уже снаружи. Тод с Эйприл присоединились к ним и молча ждали, когда выйдет Тигви.

Когда же он вышел, то был им благодарен, что они ничего не сказали. Затем, совершенно спокойным голосом, он велел им исследовать остальные помещения, чтобы составить список своих материально-технических ресурсов.

Склад с продовольствием, кабели, металлические и параметаллические прутья, листовое железо, инструменты. Ангар, в котором стояла полностью оборудованная спасательная шлюпка.

Но не было никаких средств дальней связи и запчастей для них.

И так же не было ни космического двигателя, ни станков, чтобы создать таковой, ни топлива.

Когда они вернулись в зал с аппаратами, Карл проворчал:

– Кто-то хочет, чтобы мы не смогли улететь далеко.

– Но шлюпка...

– Не думаю, – покачал головой Тигви, – что они оставили бы нам шлюпку, если бы Земля была в пределах ее досягаемости.

– Мы построим маяк, – внезапно сказал Тод. – А потом улетим на шлюпке.

– Куда? – сухо спросил Тигви.

Все проследовали за его пристальным взглядом. Тигви смотрел на бесшумный и беспощадный хронометр, работающий на радиоактивных материалах. У него было два дополнительных циферблата, один из которых показывал сумму излученной энергии, а другой – массу потери. А главный циферблат показывал время, прошедшее со старта. Оно равнялось 64.

– Шестьдесят четыре года, – сказал Тигви. – Принимая во внимание, что мы двигались со скоростью, равной половине световой, мы сейчас находимся примерно в тридцати световых годах от Земли. Свету понадобится тридцать лет, чтобы вернуться на Землю, а кораблю – больше шестидесяти. Но у нас нет корабля, а для того, чтобы построить маяк, нужно еще неизвестно сколько времени... – Он покачал головой.

– Плюс тот факт, – напряженно сказал Тод, – что в радиусе тридцати световых лет от Солнца не обнаружено пригодных для жизни планет. Кроме Земли-Прим.

Потрясенные, они стали обдумывать это. За тысячу лет скрупулезных поисков с лучшими приборами трудно пропустить подобную планету на таком расстоянии.

– Значит, ошибается хронометр!

– Боюсь, что нет, – возразил Тигви. – Прошло шестьдесят четыре года с тех пор, как мы покинули Землю, и это – факт.

– Но такой планеты не существует, – с кислой улыбкой сказал Карл, – и я думаю, что это тоже факт.

– Да, Тигви, – добавил Тод, – ни один из этих двух фактов не может существовать с другим.

– Могут, потому что существуют, – сказал Тигви. – Есть какой-то недостающий фактор. Тод, человек может дышать под водой?

– Может, если у него есть водолазный шлем.

Тигви развел руками.

– Потребовалось шестьдесят четыре года, чтобы добраться до этой планеты *Если*. Значит, мы должны найти аналог водолазного шлема. – Он помолчал. – У нас достаточно впечатляющие доказательства существования этой планеты, – продолжал он сдавленным голосом. – Давайте сделаем еще одну проверку.

– Какую?

– С помощью обсерватории.

Все побежали туда. Небо по-прежнему светилось зеленым светом, но на нем начали загораться звезды. Карл первым подбежал к

телескопу, положил на него руки и спросил: – С чего начнем? – и дернул телескоп – тот не шелохнулся. – Эй! – воскликнул Карл и дернул сильнее.

– Стоп! – резко выкрикнул Тигви.

Карл отпустил телескоп и отступил. Тигви включил свет и осмотрел его.

– Он уже подключен к компенсаторам, – сказал он, наконец. – Гмм! Наши хозяева весьма полезны. – Он осмотрел маленькие двигатели, которые передвигали инструмент, чтобы компенсировать вращение планеты. – Двадцать восемь часов и тринадцать минут. Такова продолжительность суток на этой планете. Вот вам и доказательство, что этот не Земля и не Прим, если нам нужны доказательства. – Он легонько притронулся к панели управления.

– Карл, как это работает?

Карл наклонился к панели. На резьбе регулировочных винтов были тусклые серебряные капельки. Он притронулся к ним.

– Параметалл, – сказал Карл. – Не прочный, но достаточно крепкий, чтобы заклинить винты. Потребуется пара дней, чтобы освободить их без повреждений. Взгляните сюда, то же самое сделано и с настройкой объектива.

– Наверное, они хотят, чтобы мы что-то увидели, – сказал Тод.

– Возможно, это то, что и мы хотим увидеть, – тихо добавила Эйприл.

– Ты вообще-то на чьей стороне? – наполовину шутливо спросил у нее Тод.

Тигви взглянул в объектив. Его руки машинально нашарили коррекцию фокусировки, но она была заблокирована, как и все остальное.

– Здесь есть «Галактический атлас»? – спросил Тигви.

– На полке нет, – через секунду ответила Мойра.

– Вот он, – сказала Эйприл, подойдя к штурманскому столику, и тут же испуганно добавила: – Он уже открыт.

Она напряженно ждали, пока Тигви проведет наблюдение и сверится с атласом. Когда, наконец, он оторвался от вычислений, Тод увидел на его лице самое странное выражение.

– Вот наш водолазный шлем, – сказал, наконец, Тигви очень медленно и очень спокойно, – то есть фактор, который совмещает два взаимоисключающих факта. Просто у наших похитителей корабль может лететь гораздо быстрее скорости света.

– Но согласно теории...

– А согласно телескопу, – прервал Тигви Карла, – через который я только что обнаружил Солнце, и страничке атласа, так заботливо открытой для нас... – Голос его прервался, и Тигви сделал глубокий вдох, прежде чем продолжал: – До Солнца двести семнадцать световых лет. А солнце, которое закатилось несколько минут на-

зад, это Бета Либры. – Он поочередно взглянул на потрясенные лица присутствующих. – Не знаю, как мы в конечном счете назовем это место, – с трудом добавил он, – но пока что нам лучше привыкнуть называть его домом.

Они назвали планету Виридис*. («Самое зеленое имя, какое я только смогла придумать», – сказала Мойра), потому что нигде прежде они не видели столько оттенков зеленого. Зеленые были не только растения, солнечный свет был с зеленым оттенком, а ночью все небо светилось зеленым, почти столь же ярким, как серебро земной Луны, поскольку молекулы воды, разбитые интенсивным дневным ультрафиолетовым излучением звезды, так праздновали ночное воссоединение.

Они дали названия лунам: Винкен, Блинкен и Нод, а светило стали называть просто солнцем.

Они работали сначала как рабы, затем как ученики, они меняли занятия, но не место проживания. Они построили ограду из деревьев с прямыми стволами, похожими на кипарисы, но утыканых иглами, и скрепили их проволокой из параметалла. В ограде были запирающиеся ворота, и перископы для безопасного обзора. Также они смастерили пистолеты, стреляющие иглами, из трубок и пары соленоидов. Крышу они накрыли сверху сеткой из того же параметалла, которая могла откидываться, выпуская спасательную шлюпку.

Альму похоронили.

Затем исследовали, проанализировали, классифицировали и исследовали все в пределах досягаемости – почву, растительный и животный мир. Для отпугивания насекомых они придумали инсектицид, который автоматически разбрзгивался по ограде, поскольку насекомых здесь водилось множество, мелких и крупных, иногда очень опасных, как «летающая гусеница», передние псевдоноожки которой превратились в подобие крыльев и которая принялась с энтузиазмом нападать на людей, оставляя сыпь и гноящиеся ранки. Они нашли три вида съедобных семян, и еще растение, похожее на сою, из которого можно было готовить прекрасное масло, а чашечки цветов, поджаренные, на вкус были точь-в-точь как крабовое мясо.

Какое-то время они работали двумя отдельными командами, практически изолированными друг от друга. Мойра и Тигви искали полезные ископаемые, изучали их при помощи масс-спектроскопа и радиоанализатора, а на долю Эйприл вместе с Карлом и Тодом выпало классифицировать местные формы жизни, среди которых постоянно появлялись новые, так что они едва успевали брать об-

* Виридис – от viridity – зелень (прим. перев.)

разцы или, по крайней мере, фотографировать. Двухтонный *параметродон*, который они фамильярно звали засоней – крупное травоядное, разума которого едва хватало лишь на то, чтобы жевать все, что попадет в пасть, – вряд ли был из тех образчиков, которые хотелось приволочь домой. А *фелодон*, чешуйчатый хищник с кошачьими клыками, столь же дружелюбно относился к человеку, как голодная росомаха.

Тетрапод (которого Тод называл «зонтичной птицей») оказался весьма полезной добычей. Они нашли лозу со стручками, испускающими ужасную вонь. Карл синтезировал вонючее вещество, и они обмазали им деревья у реки. *Тетраподы* слетались туда сотнями и откладывали яйца прямо на отвесных стволах. А на яйцах тут же вырастала зелень, похожая на гигантский водяной папоротник. В сыром виде его зеленые побеги напоминали лук-шалот, а тушеные превращались в прекрасный луковый суп. Сухожилия полувылупившихся тетраподов в высушенном виде превращались в прекрасные рыболовные крючки. Мяса взрослых на вкус было как телячьи котлеты, а из оболочки яиц можно было мастерить прекрасную обувь, легкую, прочную и гибкую, которую, к тому же, не могли выслеживать *фелодоны*.

Птеропауки, или «крылатые лягушки», были родичами того тритона, которого они встретили в первый день. Ведущие ночной образ жизни, они являлись фототропиками, и человек с ярким фонарем мог в считанные минуты набить ими мешок. Каждый экземпляр давал лапки вдвое крупнее, вдвое вкуснее, чем земные лягушки, к тому же их было вдвое больше у каждой особи.

И здесь не водилось никаких млекопитающих.

Из цветов здесь росли преимущественно белые (в свете здешнего солнца они тоже казались зелеными), фиолетовые, коричневые, синие и, разумеется, зеленые. И, похоже, нигде на планете нельзя было встретить ничего красного. Так что глаза Эйприл казались всем празднику. Невозможно описать тоску, которую порождало отсутствие красного цвета. Именно эта тоска и породила легенду. Дважды Тод видел ярко-красные растения. В первый раз это было нечто похожее на гриб, а во второй – большое скопище лишайника. Но гриб окружало море муравьев-дробильщиков – они покрывали землю внушительным ковром, который уважал даже *параметродон*. Лишайники Тод увидел на расстоянии двадцати метров, и только направился к ним, как из подлеска вылетели целых три *фелодона*.

Позже он два раза возвращался туда, но ничего не нашел. И только Карл клялся, что видел сверкающее красное растение, которое при его приближении медленно утянулось в расщелину в скале. Это растение стало их эдельвейсом, почти что Чашей Грааля.

В речном ложе можно было найти крупные алмазы, яркие изумруды сверкали в ночном освещении, и для землян это были бесчисленные другие сокровища, лежащие сразу под тонким слоем перегноя: иридий, рутений, нептуний 237. Было нечто необъяснимое в здешнем изобилии тяжелых металлов. Рутений и палладий встречался на Виридисе столь же часто, как никель на Земле, кадмия было гораздо больше, чем цинка. Технеций присутствовал, хотя и не везде, в коре, хотя на Земле его давным-давно не было.

Кроме того, на Виридисе буйствовали вулканы, что и можно было ожидать при таком скоплении радиоактивных элементов. Совершая полеты на спасательной шлюпке, они видели лысые проплещины, где была особо высокая концентрация «горячих» материалов. Но и в них водилась жизнь.

Ценой приступа лучевой болезни, Карл проник в одну такую область и обнаружил там нечто экстраординарное — дерево, теплое на ощупь, которое использовало питательные вещества и воду в таком расточительном темпе, что, пересаженное за пределами своей среды обитания, уничтожало любую другую растительность, питающуюся ею, точно раковая опухоль, но потом умирало, поглотив все вокруг. В тех же смертоносных районах жил примитивный червь, который постоянно отбрасывал быстро растущие сегменты, и умирал снаружи от недостатка энергии.

Наклон оси планеты составлял меньше двух градусов, так что здесь практически не было смены сезонов, а температура в разных широтах была одинаковой. Были на планете два континента, экваториальное море, отсутствовали горы и равнины, и было очень мало больших озер. Большая часть планеты была покрыта пологими холмами и непостоянными реками, пробивающими себе путь в густых джунглях. Место, где они оказались, было столь же хорошо, как и любое другое, поэтому они остались там, по мере накопления информации совершая все меньше и меньше вылазок. И нигде они не встретили ни артефактов, ни малейших следов древних поселений. Если, конечно, не считать само существование жизни на этой планете. Для пермского периода жизни должно быть около миллиарда лет. Но все же безошибочный календарь, составленный по радиоактивным костям древних обитателей Виридиса настаивал, что планете не больше тридцати пяти миллионов лет.

V

Когда подошел срок Мойры, роды проходили трудно, и Карл перестал расхаживать с важным видом, потому что ничем не мог ей помочь. Тигви и Эйприл заботились о Мойре, а Тод остался с Карлом. Ему хотелось сказать какие-то правильные, нужные слова поддержки, хотелось что-то сделать для этого нового человека с лицом Карла и беспокойными руками, которые хрустели паль-

цами, бесцельно хватали что ни попадя, метущиеся, испуганные. По поведению Карла Тод понял то, что никогда не стремился узнать – как должен был вести себя Тигви, потеряв Альму.

Шесть детей Альмы стали к тому времени уже малышками, яркими и счастливыми в единственном мире, который они знали. Им дали имена по названию лун – Винкен, Блинкен и Нод, а также Рей, Каллисто и Титан. Нод и Титан были мальчиками, у них, как и у Реи, были глаза и волосы Альмы, а иногда они застывали на месте, как Альма, которая сосредотачивалась на чем-то важном. Если плотный воздух и радиоактивная земля как-то влияли на них, то это ни в чем не выражалось, кроме, может, быстрого развития.

Раздался громкий крик Мойры. Он походил на смех, но в нем звучала боль. Карл вскочил на ноги. Тод схватил его за руку, но Карл вырвался.

– Ну почему, почему я не могу ничего сделать? Почему я должен просто торчать здесь?

– Тсс... Она ничего не чувствует. Это всего лишь безусловные рефлексы тела. С ней все будет в порядке. Сядь, Карл. Я скажу тебе, что ты можешь сделать. Ты можешь придумать детям имена. Думай. Придумай хорошие имена, объединенные какой-то общей идеей. Тигви использовал луны. А что хочешь ты...

– Для этого еще будет время, – проворчал Карл. – Тод... знаешь, что я... что я сделаю, если она... если что-нибудь произойдет?

– Ничего не произойдет.

– Я бы покончил с собой. Я не Тигви. Я не смогу пережить это. И как только это удастся Тигви?.. – речь Карла постепенно превратилась в невнятное бормотание.

– Имена, – напомнил ему Тод. – Семь или восемь имен. Ну же, думай.

– Ты думаешь, у нее будет восемь детей?

– А почему бы и нет? Она нормальная, здоровая женщина. – Он подтолкнул Карла локтем. – Думай об именах. А, я придумал! Сколько хороших имен получится из древних знаков Зодиака?

– Я их не помню.

– Зато я помню. Овен – хорошее имя. Телец. М-м... Ты не хотел бы назвать девочек Близнецы? Лев – прекрасное имя.

– Весы, – сказал Карл. – Девочке подойдет. Водолей, Стрелец... Сколько уже получилось?

Тод посчитал на пальцах.

– Шесть. А еще есть Дева и Козерог. Ты все придумал!

Но Карл уже не слушал его. Двумя прыжками он подскочил к Эйприл, которая вышла из помещения, превращенного в родильную палату. Эйприл выглядела уставшей. И не просто уставшей. В ее красных глазах блестела жалость, огромное сочувствие.

— Как она? С ней все в порядке? — хриплым голосом едва выдал из себя Карл.

Эйприл улыбнулась одними губами, в то время как глаза ее с жалостью глядели на него.

— Да, да, с ней будет все в порядке. Роды прошли не так уж и плохо.

Карл закричал и рванулся мимо нее, но Эйприл поймала его за руку и, несмотря на свою хрупкость, развернула к себе.

— Подожди, Карл. Тигви велел, чтобы я сначала все тебе рассказала...

— Младенцы? Что-то случилось с младенцами? Сколько их Эйприл?

Эйприл взглянула через плечо Карла на Тода.

— Трое, — сказала она.

Лицо Карла обмякло и застыло, только глаза вращались в орбитах.

— Ч-что? Ты имеешь в виду, пока что трое. Конечно же, будут еще...

Эйприл покачала головой.

Тод почувствовал, Как в горле у него поднимается врыв смеха, и крепко сжал челюсти, чтобы остановить его. Но смех рос в нем, пытаясь вырваться наружу. Затем Тод увидел предупреждающий взгляд Эйприл и приложил все усилия, чтобы подавить этот смех.

— Значит, другие умерли... — в слабом голосе Карла прозвучали последние искорки надежды.

Эйприл погладила его по щеке.

— Было лишь трое, Карл... Это ниже среднего для Мойры.

— Нет, не могу поверить, — с трудом произнес он. — Она не могла... значит, это не ее вина.

Он бросил быстрый, умоляющий взгляд на Тода, который уже был рад, что сумел подавить смех. На лице Карла была написана готовность убить всякого, кто посмеет смеяться.

— Это и не твоя вина, Карл. Это... это планета. Должно быть, она так влияет на нас.

— Спасибо, Эйприл, — пробормотал Карл и пошел к двери, остановился, встряхнулся, как собака после купания и попытался еще раз сказать, «Спасибо», но голос его сорвался.

Затем он прошел внутрь.

Тод бросился за угол здания, опустился там на землю, стал хотать и хохотал до тех пор, пока не заболело горло. Когда он, наконец, замолчал, то почувствовал, что рядом стоит Эйприл. Она стояла, молча глядя на него и ожидая, пока он успокоится.

— Прости, — сказал Тод. — Прости. Но это... это так смешно!

Эйприл серьезно покачала головой.

— Тод, мы уже не на Земле. Новый мир означает и новый образ жизни. Это могло случиться и на Земле-Прим, если бы мы попали туда.

— Наверное, — хмыкнул Тод и подавил новую волну смеха.

— Я всегда считала это просто глупыми шуточками, — чопорно сказала Эйприл. — Судить о мужской силе по размерам выводка... Для этого нет никаких научных объяснений. Мужчины глупы. Когда-то они считали, что мужская сила может измеряться количеством волос на груди или даже рост. Нет ничего страшного, если родилось только трое детей.

— У Карла? — усмехнулся Тод. — У этого здорового мужланы? — Но усмешка тут же исчезла у него с губ. — Хорошо, Обезьянка. Я не позволю Карлу увидеть, что мне смешно. И ты тоже. Ладно? — Но тут на лице у него появилось озадаченное выражение. — Что ты сказала, Эйприл? У мужчин никогда не росли на груди волосы!

— Росли, росли. Можешь спросить у Тигви.

— Поверю тебе на слово. — Тод передернул плечами. — Этак можно представить, что у человека был хвост. Или надбровные дуги!

— Не так уж давно все это было. По крайней мере, надбровные дуги... Ладно. Я довольна, что ты не станешь над ним насмехаться. Ты очень хороший, Тод.

— Ты тоже хорошая. — Он обнял севшую рядом с ним Эйприл. — Спорим, у нас будет дюжина.

— Я постараюсь. — И Эйприл поцеловала его.

Когда охота за новыми образцами пошла на спад, основной задачей поселения стала классификация. И, постепенно, стал проясняться уникальный биоценоз Виридиса.

Здесь водились примитивные рыбы и несколько видов моллюсков, но фауна состояла из членистоногих и рептилий. Самое интересно, что между видами имелась тесная связь. Походило на то, что каждое новое поколение делало шаг вперед в развитии вместо того, чтобы оставаться статичным сотни тысяч и миллионы лет, как это было на Земле. *Птеродон*, например, существовал в трех вариантах, и самый простой из них выказывал явное сходство с *птеропауком*, тритоном. Могло показаться, что обычная саламандра могла являться общим предком у летающей лягушки и крупного *параметродона*, и существовало сильное сходство между такой саламандрой и червем, породившим членистоногих.

Долгое время они были близки к истине, но не могли ее распознать, поскольку человек привык думать о развитии, как о переходе от простого к более сложному, от обитающих в иле одноклеточных до моллюсков, а от них — к позвоночным. От амфибий к приматам... И люди даже подумать не могли, что все они могут сосуществовать одновременно.

Был ли доисторический позвоночный угорь более высокой формой жизни, чем его простой потомок? Кит постепенно утратил ноги. Люди назвали это рецидивом, своего рода дезволюцией, и отнесли к курьезам природы.

Люди привыкли считать эволюцией развитие от простому к сложному. Природа же рассматривает сложную материю лишь с точки зрения целесообразности и не допускает путаницы. Поэтому вряд ли стоит удивляться, что колония на Виридисе лишь много времени спустя обнаружила, где и какую допустила ошибку, и то лишь под грузом доказательств. Действительно, можно было выстроить цепочку видов, вроде бы развивающихся от простых к сложным, и предположение, что у них был общий предок, являлось красивой, непротиворечивой гипотезой, такой же точной, как выстрел из лука вслепую, из-за угла, с расстояния в тысячу шагов.

Все больше работы перекладывалось на плечи младших. Постепенно Тигви обособлялся, не распоряжениями, а приобретаемыми привычками. Предполагалось, что он ведет свою работу, потом все привыкли трудиться без него, и, наконец, он стал настоящим отшельником. Он быстро старел, возможно, этому способствовало нахождение среди молодежи. Его шесть детей росли и цвели и, вместе с тремя детьми Карла делали вылазки в джунгли, вооруженные только палками, быстротой и смекалкой. Они явно были неуязвимы практически ко всему, что мог выдвинуть против них Виридис, даже к клыкам *крокозмея*, яд которых был эквивалентен пчелиному (в противоположность тому, что произошло однажды с Мойрой, когда пришлось включить один из Гробов, чтобы вылечить ее).

Тод иногда навещал Тигви и, хотя они ни о чем не разговаривали, стариk, казалось, получал что-то от этих посещений. Но все равно он предпочитал жить в одиночестве, наедине со своими воспоминаниями, и даже новый мир ничего не мог предложить ему взамен.

— Тигви здорово сдал и может умереть, если мы не сумеем чем-нибудь его заинтересовать, — сказал как-то Тод Карлу.

— Но он заинтересован лишь в том, чтобы жить со своими мыслями, — ответил Карл.

— Конечно, но мне бы хотелось заинтересовать его чем-то здесь, у нас. Мне жаль, что мы не можем... я бы хотел...

Но Тод ничего не мог придумать, и это постоянно тяготило его.

Потом погиб маленький Титан, раздавленный большим, неуклюжим *параметродоном*, который буквально скатился с высокого берега, когда ребенок пытался выкопать странный красный гриб, который они временами видели мельком. Именно во время поисков такого же гриба Мойра была укушена *крокозмееем*. Потом один из детей Карла утонул — и никто не знал, как. Однако, кроме этих трагедий, жизнь в колонии была простой и интересной. Их

общее жилище, состоявшее из ряда помещений, постепенно обретало черты крааля*, по пере того, как они акклиматизировались. И, несмотря на то, что взрослые так и не сумели адаптироваться, их дети постепенно становились менее чувствительны к укусам насекомых и яду сорняков, которые сначала тоже беспокоили их.

И именно сын Тигви Нод нашел то, что вернуло отцу интерес к жизни, по крайней мере, на какое-то время. Ребенок вернулся домой поздно, потому что его задержали два фелодонта, которые вообще не поймали его лишь потому, что им все время приходилось останавливаться и слизывать капли крови, которые оставались за ним. У Нода было порвано ухо, а к сломанной левой руке лианой прикручена палка, кроме того, были вывихнуто запястье. Он появился дома. Плача, но это были слезы радости. И даже когда он плакал вот боли в медотске, в его голосе все равно слышалась гордость собой. Пока накладывали гипс и обрабатывали ему раны, сознание он не терял и держался, пока не пришел Тигви. Тогда Нод протянул отцу гриб и лишь затем упал в обморок.

Гриб не походил ни на одно земной растение. На земле есть грибы под названием *schizophyllum*, весьма распространенные и очень странные. И у красного гриба Виридиса было нечто общее с этим грибом.

Schizophyllum дает споры четырех разных типов, и из каждого типа вырастают совершенно различные растения. Три из них стерильны, и а четвертая производит *schizophyllum*.

Красный же гриб Виридиса тоже производит четыре типа спор, вот только все они потом дают потомство.

Тигви провел целый год, изучая четыре вида потомства этого гриба.

VI

Потя в своем иске, Тод сидел на развилке ветвей пальчикового дерева. Он поджал колени и опустил на них голову, обхватил руками голени и слегка покачивался взад-вперед. Он знал, что какое-то время будет здесь в безопасности — мясистые пальцы дерева обхватили его со всех сторон своими гибкими отростками. *Интересно*, подумал Тод, *что со мной будет после смерти?* Возможно, скоро он об этом узнает.

Имена, которые он выбрал для своих детей, казались ему — да и всем остальным — прекрасными: Соль, Меркурий, Венера, Земля, Марс, Юпитер... Одиннадцать имен. Он мог бы придумать и двенадцатое, если бы потребовалось.

Но к чему все это?

* Крааль — (kraal) поселок, деревня в южной Африке. (прим. перев.)

Тод позволил себе погрузиться во тьму, где не было ничего живого, не было вообще ничего. *Может, так и будет, когда он станет мертвым?*

Тишина, подумал он. *Где никто не смеется.*

Что-то бледное скользнуло по дну джунглей ниже него. Тод подумал было об Эйприл, но тут же выкинул из головы эту мысль. Эйприл сейчас спала, утомленная родами. Наверное, это был Блинкен или, может быть, Рея — они очень похожи.

Но это было неважно.

Тод закрыл глаза и перестал покачиваться. Раз он никого не видит, значит, и его не может увидеть никто. Так было лучше всего. Прошло какое-то время и, когда, внезапно, ему на плечо легла чья-то рука, Тод чуть было не упал с дерева.

— Черт побери, Блинкен...

— Это я, Рея.

Девочка, как и все дети Альмы, была слишком крупной для своего возраста, и буквально светилась здоровьем. Сколько же ей лет? Шесть, семь... девять земных лет прошло с тех пор, как они оказались здесь.

— Пойди лучше поищи грибов, — проворчал Тод. — Оставь меня в покое.

— Вернись, — попросила девочка.

Тод промолчал. Рея опустилась на колени на ветке возле него, упервшись спиной в ствол. Нагнув голову, она прижалась к нему щекой.

— Тод.

В душе у него жгло, как огнем. Он оскалился и взмахнул кулаком. Девочка беззвучно согнулась и упала с дерева. Тод пошарил глазами в поисках ее тела, но сначала не видел ничего сквозь туман ярости, застилавший ему глаза. Затем, когда зрение пришло в норму, он застонал, бросил вниз дубинку и спрыгнул сам. Подхватив с земли дубинку, он стал бить ею по пальцам дерева, потянувшись за ним. Затем подхватил ребенка, выбежал на открытое место и, рухнув на колени, бережно положил ее на траву

— Рей, прости, прости... я был... это был *не я*... Рея! Не умирай!

Рея шевельнулась и из горла у нее вырвался невнятный звук. Потом веки ее задрожали, открылись полные боли глаза.

— Рея!

— Все в порядке, — прошептала она. — Мне не следовало беспокоить тебя. Ты хочешь, чтобы я ушла?

— Нет, — сказал Тод. — Нет.

Он погладил ее по плечу. *Почему бы не прогнать ее?* спросила одна его половинка, а другая, испуганная и сбитая с толку, прокричала: *Hem! Hem!* В голове у Тода бушевала срочная, полуистеричная потребность все объяснить. *Но почему ты должен рас-*

пинаться перед этим ребенком? Скажи ей, что ты сожалеешь, успокой ее, но не жди, что она поймет тебя. Но вслух Тод сказал:

— Я не могу вернуться. И не нужно больше никому ходить за мной. Понятно?

Рея молчала, словно ожидая продолжения. Ужасно и замечательно, что кто-то, кому ты только что сделал больно, терпит и ждет, пока ты пытаешься найти способ все объяснить. Даже если объяснить ты хочешь больше себе самому...

— И что будет, если я вернусь? Они... они никогда... они станут смеяться надо мной. Они все будут смеяться. Они и теперь смеются. — Тод почувствовал, что снова сердится на себя за то, что все выболтал. — Эйприл! Проклятая Эйприл! Она сделала из меня евнуха!

— Потому что у нее родился только один ребенок?

— Да! Как у дикарей!

— Это красивый ребенок. Мальчик.

— У мужчины, у *настоящего* мужчины, должно родиться шесть-семь детей!

Рея серьезно взглянула ему в глаза.

— Но это же глупо.

— Что происходит с нами на этой безумной планете? — яростно выкрикнул Тод. — Мы деградируем? И что будет потом? Дети станут выводиться из яиц, как у амфибий?

— Возвращайся, Тод, — просто сказала Рея.

— Я не могу, — прошептал он. — Они станут думать, что я... что я не способен... — Он беспомощно подал плечами. — Они станут смеяться.

— Может быть, но они будут смеяться *вместе с тобой*. Вместе, а не над тобой, Тод.

— Эйприл больше не будет любить меня, — наконец, вымолвил Тод. — Она никогда не полюбит такого слабака.

Рея немного подумала, глядя на него ясным, пристальным взглядом.

— Но она любит тебя.

Внезапно, Тод опять рассердился. Возможно, из чистого упрямства.

— Я могу прожить и один! — рявкнул он.

Рея улыбнулась и обвила рукой его шею.

— Тебя все любят, — сказала она. — Об этом ты можешь не волноваться. Я люблю тебя. И Эйприл любит тебя. И, может быть, я люблю тебя еще больше, чем она. Она любит все, что есть в тебе, Тод. А я люблю все, чем ты когда-либо был, и все, чем когда-либо будешь.

Тод закрыл глаза, слушая музыку ее слов. Когда-то, давным-давно, он обидел ту, которая пришла его успокоить, и она

позволила ему выплакаться, и сказала... не точно те же слова, но смысл был тот же.

— Рея. — Тод пристально посмотрел на нее. — Ты уже говорила мне это раньше.

Озадаченная морщинка появилась между ее бровями, и Рея потерла ее тонкими пальчиками.

— Я?

— Да, — ответил Тод, — но это было задолго до твоего рождения.

Он поднялся, взял ее за руку, и они вернулись домой. Тод так и не узнал, смеялись ли над ним, потому что не мог думать ни о чем, кроме Эйприл. Он прошел прямо к ней, нежно поцеловал и с восхищением поглядел на сына, которого назвал Сол, родившегося с волосами и двумя крошечными зубками, а над глазами у него были тяжелые надбровные дуги...

— У него фантастическая емкость хранилища, — сказал Тигви, притронувшись к вершине алого гриба. — Споры буквально микроскопические. И он не торопится их разбрасывать. Он копит их, их в нем уже миллионы...

— Пожалуйста, начни все сначала, — попросила Эйприл, стоя в ребенком на руках, который рос буквально не по дням, а по часам.

— Только медленно. Раньше я немножко разбиралась в биологии, по крайней мере, мне так казалось. Но это...

На лице Тигви появилось нечто вроде улыбки. И это было приятно. Уже пять лет на его старческом лице не было никакого выражения.

— Тогда я начну с самого начала, и постараюсь говорить как можно проще. Первым делом, мы называем эту штуку грибом, но это вовсе не гриб. Я вообще не думаю, что это растение, хотя и животным назвать его тоже нельзя.

— Кажется, мне так никто и не объяснил, какая разница между растениями и животными, — перебил его Тод.

— Э-э... Ладно. Самое простое, хотя и не научно точное различие состоит в том, что растения сами производят себе пищу, а животные питаются другими существами. Эта же штука делает и то, и другое. У нее есть корни, но... — Он приподнял кайму на краешке гриба, — ...она может передвигаться. Плохо, не очень быстро, но все-таки может перемещаться, если захочет.

— Тод, — улыбнулась Эйприл, — основы биологии я преподам тебе в другой раз. Продолжай, Тигви.

— Хорошо. Я уже объяснял, что эта штука производит споры четырех видов. Из одного вида вырастают такие же грибы. А вот из трех других...

Тод посмотрел на поле, возделанное Тигви.

— Это что... все выросло из спор гриба?

— Не смущайся, — то ли кашлянул, то ли хихикнул Тигви. — Сначала я сам не поверил. Вот насекомоядное растение, полное жидкости. Вот нечто похожее на кактус. А это... Оно практически растет под землей, как трюфель, хотя у него есть реснички. Только не подумай, что их земли торчат конские волосы.

— Но они же все стерильны, — припомнил Тод.

— Вовсе нет, — покачал головой Тигви, — Для этого я и позвал вас сюда, чтобы все показать. Они дадут плоды, если будут оплодотворены.

— Оплодотворены? Но как?

— Ты помнишь, — спросил Тигви вместо ответа у Эйприл, — как далеко в прошлое мы проследили цепочку предков голубовато-зеленого цветка?

— Конечно. И мы проследили цепочку от членистоногих к простому кольчатому червю. Насекомые же, как оказалось, ведут происхождение от другого червя с твердыми щитками.

— От гусеницы, — уточнил Тод.

— Почти, с дотошностью ученого поправила его Эйприл. — А самую примитивную рептилию, какую мы только сумели найти, трудно разглядеть без увеличительного стекла. Напоминает она земных gymnoderm.

— И где мы нашли ее?

— Вокруг, в воде! И в жидкости насекомоядных растений!

— Если вы не дадите мне вставить слово, — сказал Тигви, с удовольствием послушав их перепалку, — то можете и сами обнаружить все, что узнал я. Но тогда вам предстоит большая работа. Взрослые особи gymnoderm живут внутри насекомоядного растения. Там для них много пищи, а они, как настоящие амфибии, нуждаются во влаге. Вот они-то и оплодотворяют насекомоядное. Под поверхностью жидкости возникают зародыши, которые постепенно отпочковываются. Зародыши эти подвижны. Они превращаются в wrigglers, миниатюрных головастиков, из которых потом вырастают ящерицы. Ящерицы вылезают из растений и ведут обычный для себя образ жизни.

— И они все мужского пола? — спросил Тод.

— Нет, — ответил Тигви, — но это я еще не до конца изучил. Очевидно, мужские особи оплодотворяют особи женские, те откладывают яйца, из которых потом вылупляются ящерицы и, в свою очередь, оплодотворяют растения. Вы как хотите, но, похоже, растения — прародители всех здешних рептилий, от них тянутся очень четкие эволюционные цепочки ко всем разновидностям.

— А как насчет трюфелей с конскими волосами? — спросил Карл.

— Это куколки, — ответил Тигви и, увидев недоверчивое выражение лица Эйприл, добавил: — В самом деле — куколки. Примерно

через девять недель из них выводится то, что вы назвали гусеницами.

— Которые затем превращаются во всех здешних насекомых, — пробормотала Эйприл, удивленно качая головой. — И тогда, я думаю, растения, напоминающие кактусы, откладывают яйца нематод, кольчатах червей, которые потом превращаются в членистоногих?

Тигви кивнул.

— Можете экспериментировать сами, — повторил он, — но поверьте мне — вы только поймете, что я прав. Именно так и обстоят здесь дела.

— Значит, алый гриб — это начало всего?

— Я не могу придумать никакой другой теории, — сказал Тигви.

— А я могу, — заявил вдруг Тод.

Все вопросительно уставились на него, но он встал и рассмеялся.

— Подождите немного. Мне еще надо кое над чем подумать. — Он взял ребенка и помог Эйприл подняться на ноги. — Как вам нравится наш Сол, Тигви?

— Прекрасный, — ответил Тигви. — Прекрасный мальчик.

Тод знал, что стариk не мог не заметить тяжелые надбровные дуги, затылочный гребень и слишком рано появившиеся зубы, но Тигви и виду не подал. Почувствовав, что ребенок тянется к Эйприл, Тод передал его матери. Потом еще раз критически взглянул на ребенка, отметил необычную волосатость, как у дикаря, но счел, что все это правильно. Однако, мысли его были еще слишком неясны, чтобы говорить о них вслух. Поэтому Тод еще раз улыбнулся, взял Эйприл за руку и ушел.

— Странную вещь сказала ты Тигви, — пробормотала Эйприл, пока они шли к себе домой.

— Эйприл, а помнишь день, когда мы появились здесь? Помнишь... — Он показал рукой в небо. — Помнишь, как все мы почувствовали, что все идет... правильно?

— Да, — пробормотала она. — Это было нечто вроде комплимента... подбадривания. Разве можно забыть такое?

— Да. Ну... — Он замолчал, пытаясь найти нужные слова, но лишь улыбнулся. — Есть у меня одна мысль. Но я не могу выразить ее словами. — Подумав, он добавил: — Пока что не могу.

Эйприл перехватила ребенка поудобнее.

— Он становится слишком тяжелым.

— Давай я возьму его, — предложил Тод и взял извивающийся пакет с глубоко сидящими, забавными глазами, а когда взглянул в них, то увидел такое же выражение, какое было у Эйприл много лет назад. — Что это, Обезьянка?

— Ты... ему нравишься.

– Ну, конечно.

– Значит, я зря боялась. Я долгое время боялась, что ты... Он наш ребенок, но он не такой уж *симпатичный* младенец.

– А я уж точно не симпатичный отец.

– Ты знаешь, насколько ты мне дорог? – прошептала Эйприл.

Тод знал, потому что это было самым интимным между ними. Но он рассмеялся и не стал нарушать ритуал.

– И насколько же дорог? – спросил он.

Эйприл сложила руки чашечкой, потом подняла их, словно держала большой драгоценный камень, затем стиснула и прижала к груди, подняв на него полные слез глаза.

– Ты моя самая большая драгоценность, – выдохнула она.

Тод поглядел в небо, словно искал в нем пики гор их счастья, выросшее в его душе, когда она сделала этот жест.

– Я раньше ненавидел это место, – сказал он. – Но, кажется, теперь оно изменилось.

– Это ты изменился, – сказала Эйприл.

Изменился, но как? – подумал Тод. Он чувствовал себя также, как и прежде, только знал, что выглядит старше...

Шли годы, росли дети. Когда Солу исполнилось пятнадцать лет, он вырос и приобрел мощные плечи, а потом женился на Весах – дочери Карла. Тигви, лицо и руки которого выросли и стали пергаментными, вернулся в свое жилье отшельника, которое покинул на те годы, что занимался изучением того, что они называли «алым грибом». Колония все больше жила за счет земли и джунглей, не потому, что синтезаторы пищи плохо работали, а просто натуральные продукты были вкуснее. Да и проще было поймать летающих лягушек или зонтичных птиц и приготовить их, чем возиться с настройками машины, заниматься контрольными анализами, а, кроме того, есть натуральное было гораздо веселее.

И с каждый годом им было безопаснее жить. *Фелодонтов*, бесспорно, самой высшей формой жизни на Виридисе, становилось все меньше, и они заменились гораздо меньшими по размерам и более робкими животными, которых Эйприл назвала *вульпидами*, но все чаще звали их «*клисами*», хотя они и были рептилиями. *Птеродоны* тоже исчезли, как и все прочие большие существа. Люди все дальше и дальше стали уходить от дома, влекомые не голодом, а чистым любопытством. Однажды Карл и Мойра бродили где-то почти год. Когда они вернулись, то принесли с собой еще одну дочь – тихого, часто смеющегося младенца со странно длинными ручками и крупными зубами.

Теплые дни и сияющие ночи создавали чувство уюта, и звезды больше никого не манили. Тод стал дедушкой и очень гордился этим. Ребенок, девочка, была альбиноской, как и Эйприл, и у нее

были темно-красные глаза Эйприл. Сол и Весы назвали ее Эмеральд, зеленое имя и заодно геологический термин, а не астрономический. Она вела себя очень тихо, но такими были почти все новорожденные на этой планете, так что это никого не удивляло. Главное, все дети были здоровы и счастливы.

Тод отправился рассказать об этом Тигви, надеясь, что этой новостью сумеет расшевелить старика. Тигви лежал в бывшей лаборатории, худой, безмятежный и безучастный, рассеянно наблюдав за летающим членистоногим, которое так напугало их, когда ворвалось в модуль во время их первой вылазки. Потом оно села на руку Тигви, и тот молча ждал, пока оно улетит на волю через раскрытое окно, мимо заброшенных автоматических поливалок и упавших гнилых столбов, бывших когда-то оградой.

– Тигви, родился ребенок!

Тигви вздохнул, устало прокручивая в голове, эпизод за эпизодом, воспоминания. Он долго молчал, но, наконец, повернулся к Тоду голову.

– И который это уже будет ребенок?

– Это моя внучка, – рассмеялся Тод. – Девочка. Ребенок Сола.

Тигви прикрыл глаза и ничего не ответил.

– Ну, ты разве не рад?

Медленно поднялись прозрачные веки старика, открывая хмурые глаза.

– Рад.

Но Тод почувствовал, что будет продолжение, и с нетерпением ждал его.

– И что с ней не так? – словно с трудом спросил, наконец, Тигви.

– Что?

Тигви утомленно вздохнул.

– На что она похожа? – спросил он, выделяя каждое слово.

– На Эйприл. Она точь-в-точь как Эйприл.

Тигви снова прикрыл глаза.

– Ты имеешь в виду...

– Да, глаза красные, как... – в уме у Тода мелькнул образ земного заката, но исчез слишком быстро, чтобы Тод успел облечь его в слова.

Тогда Тод указал на четыре ярко-красных гриба, которые много лет росли за окном на опытном поле старика.

– Красные, точно те грибы.

– Серебристые волосы, – сказал Тигви.

– Да, очень кра...

– По всему телу, – безжизненным голосом прервал его Тигви.

– Ну, да...

Тигви откинулся на подушку и презрительно фыркнул.

– Обезьяна.

— Тигви!

— А-а-а... не бери в голову, — проворчал старик. — Я давно уже смирился с тем, что здесь происходит с нами. Человек не может просто привыкнуть к радиации, которой буквально пропитаны эти места. Ваши монстрики станут порождать своих монстриков, а те своих, и так до тех пор, пока они больше не смогут размножаться. И это был бы еще хороший конец... — Он замолчал и открыл глаза, словно глядя куда-то вдаль, затем с трудом сфокусировал их на своем собеседнике. — Но одно я терпеть не могу. Это когда кто-то приходит ко мне и начинает кричать: «О, радость, о, счастливый день!...»

Тод с трудом проглотил комок в горле.

— Тигви...

— Виридис пожирает стремления, но когда-нибудь здесь будет город, — невнятно сказал Тигви. — Виридис пожирает человечность, но люди будут расти и множиться. Вот только что это будут за люди?.. — И он засился ужасным смешком. — Ладно, ладно, прими это, если сможешь — а ты можешь. Но не бегая сюда, сияющий, как начищенный доллар.

Тод отступил к двери, с ужасом глядя на старика, затем резко повернулся и выбежал на улицу.

VII

Эйприл нашла его, сидящего в доме у стены, подошла и села рядом, обняла его и стала легонько покачивать.

— Тихо, тихо... Он просто выживший из ума, одинокий, безумный старик, — шептала она. — Успокойся, успокойся...

Тод чувствовал себя опустошенным. Он вспомнил, как легко переносил все в молодости, когда у него сжимало горло от несправедливости, и вдруг ощутил себя так, словно Вселенная выкинула его из своего просторного убежища. Совсем недавно жизнь текла спокойно, полная любви, любви и близости с людьми, с землей и воздухом, со всеми знакомыми уже существами, которые ползали, летали и размножались вокруг. Тод хотел было рассмеяться, но горло его было стиснуто судорогой, и смех причинил боль.

— Но он прав, — прошептал Тод. — Разве ты сама не видишь? С самого начала все пошло... Ты помнишь Альму, Эйприл? У нее было шесть детей. И чуть позже у Карла и Мойры родилось только трое. А у тебя лишь один... Сколько веков миновало с тех пор, когда люди рожали по одному ребенку?

— Раньше утверждали, что это была последняя и самая главная мутация человечества, — признала Эйприл. — Рождается помногу детей... И это длится уже две тысячи лет. Но...

– Надбровные дуги, – прервал ее Тод. – Волосы по всему телу... А череп, скошенный к затылку череп Эмеральды. А ты видела клыки у того... бабуина Мойры?

– Тод! Не надо!

Тод вскочил на ноги, метнулся по комнате и схватил с полки золотую спираль, этот светящийся символ, глядевший на них сверху вниз все время, начиная с появления здесь.

– По кругу и вниз! – закричал он. – По кругу и вниз, и вниз!

– Он присел на карточки возле Эйприл и потряс перед ее лицом спиралью. – Вниз, вниз, в самую черную черноту, вниз в *ничто*!

– Он погрозил кулаком небу. – Ты понимаешь, что они делают? Они находят самую высокую форму жизни, переносят ее сюда и наблюдают, как она деградирует и постепенно превращается в на-возд! – Он швырнул артефакт в угол.

– Но спираль одновременно и поднимается. По кругу и вверх. О, Тод! – вскричала Эйприл. – Ты же помнишь их, помнишь, как они парили в небе, прекрасные и изумительные. Как ты можешь говорить о них такое?

– Я помню Альму, – прорычал Тод. – Беременную и одинокую, одну во всем Космосе, в то время как они ежедневно облучали ее своими лучами. Ты знаешь, зачем? – От внезапно пришедшей мысли он ударил кулаком о ладонь. – Чтобы дать ее младенцам преимущество на Виридисе. Иначе они родились бы здесь нормальными, и потребовалось бы несколько поколений, чтобы люди начали деградировать, а они хотели, чтобы все началось быстрее.

– Нет, Тод, нет!

– Да, Эйприл, да! Какие еще доказательства тебе нужны? – Он снова вскочил и принял расхаживать перед ней. – Послушай – помнишь тот гриб, который изучал Тигви? Он должен был вынуть из него споры, чтобы понять, что к чему. Помнишь три различных вида растений, которые он получил? Ну вот, я ходил туда, не знаю уж, сколько раз, прежде чем понял, что это целесообразно. У него теперь есть четыре гриба, понимаешь? Понимаешь? Насколько мы можем проследить за цепочками предков жуков и тритонов, уходящие в прошлое, Виридис не позволяет ничему эволюционировать, все должно лишь деградировать.

– Я не уверена...

– Да, ты можешь в любое время преподать мне основы биологии, – саркастически заявил Тод. – Но разреши мне сейчас сказать кое-что тебе. Гриб рождает три вида растений, которые, в свою очередь, порождают животных. Ну, а когда животные размножаются, то получаются не животные, которые могут развиваться и эволюционировать. Получается одно жалкое поколение животных, которые вновь порождают гриб, и он растет, накапливая в себе споры. Виридис не позволит развиваться ни одному тритончику,

ни единой примитивной куколке! Он хватает и заставляет их деградировать. Этот гриб не начало всей здешней жизни – он конец всего!

Эйприл медленно встала, глядя на Тода так, словно увидела его впервые в жизни – не со страхом, а со встревоженным любопытством. Затем она прошла по комнате, подняла спираль и провела пальцем по ее светящейся золотистой поверхности.

– Может быть, ты и прав, – тихонько сказала она. – Но это не может быть конечной истиной. – Она осторожно поставила спираль обратно на полку. – Они *не стали бы* так поступать.

Последние слова она проговорила с такой силой, что в голове Тода снова появился образ заполнивших небо золотистых, падающих на фоне незримого облака, явившегося их кораблем. Он вспомнил их всеобщее движение, точно коленопреклонение, перед горсткой людей, перед *ним самим*, и целую секунду чувствовал, что не может злиться на них. Запутавшись, помотал головой,глянул на улицу через открытую дверь и увидел самого младшего ребенка Мойры, странное, неуклюжей походкой идущего по поселку.

– Они *не стали бы*? – прорычал Тод, схватил Эйприл за тонкую руку и повернул к двери. – Знаешь, что я сделал бы, прежде чем стал бы родителем другого такого, как *это*? – И он сказал ей просто и конкретно, что сделал бы. – А что родится потом? Лемур? Затем паук, устрица, медуза?

Эйприл всхлипнула и выбежала на улицу.

– Ты знаешь какую-нибудь колыбельную для солитера? – проревел Тод ей вслед.

Эйприл скрылась в джунглях, и он отступил вглубь комнаты, задыхаясь от слез...

Опасаясь, что больше не сможет мириться ни со своими мыслями, ни с поступками, и имея Тигви в качестве примера для подражания, Тод тоже стал превращаться в отшельника. Возможно, он пережил бы этот кризис легче с помощью Эйприл, но она не возвращалась. Мойра и Карл снова где-то блуждали, дети жили своей жизнью, а навестить Тигви у Тода не было ни малейшего желания. К Тоду несколько раз приходили Сол и Весы, но он всякий раз ворчал и брюзжал на них, и они оставили его в покое. С их стороны это была никакая не жертва. Жизнь на Виридисе была полна событиями.

Тод торчал в своей комнате или бродил по поселку. Один раз он включил синтезатор пищи, но счел его продукцию безвкусной и больше к нему не прикасался. Иногда он стоял на верши не холма и хмуро глядел на играющих в высокой траве детишек.

Проклятый Тигви! Он был счастлив, глядя на Сола все эти годы, несмотря на выпуклые надбровные дуги мальчика и волосатое

тело. Он уже готов был принять тихую, покрытую серебряными волосками Эмеральд, когда безумный старик посеял в нем свое отравленное семя. Несколько раз Тод принимался размышлять над тем, что в нем такого, что простое предположение о ненормальности столь глубоко его ранило.

Кто-то когда-то сказал: «Ты в самом деле нуждаешься в любви, а, Тод?»

Никто не полюбит урода, родителя дикарей, которые в свою очередь порождают животных. Тод просто не имел права быть любимым.

Никогда прежде он не чувствовал себя таким одиноким.

«Я умру. Но я останусь с тобой». Так сказала Альма. Ха! И это было сказано старому Тигви, мозги которого давно заплесневели. Альма верилда в то, что говорила. И что получилось? Высохший старый краб, не вылезающий из своей раковины-лаборатории.

Так Тод прожил шесть месяцев.

— Тод!

Он неохотно вышел из сна, потому что во сне он жил с Эйприл, там была любовь и не было ярости, не было побега и одиночества.

Тод открыл глаза и тупо уставился на стройную фигурку, вырисовывающуюся на фоне светящегося неба Виридиса.

— Эйприл?

— Мойра, — холодно ответила фигурка.

— Мойра! — воскликнул Тод. Постепенно приходя в себя. — Я не видел тебя целый год. Даже больше. И что...

— Идем, — сказала она. — Нужно спешить.

— Куда?

— Идем же, или я позову Карла, и он тебя понесет. — И Мойра быстро направилась к двери.

Тод поднялся и побрел за ней.

— Не можешь же ты так просто появиться здесь и...

— Идем.

Мойра говорила кратко, сквозь сжатые зубы. Что-то внутри Тода взвилось от восхищения и подсказало, что он еще достаточно важен, чтобы быть ненавистным. Тод тут же с презрением отверг эту мысль и, прежде чем понял, что делает, вприпрыжку побежал за удаляющейся Мойрой.

— Куда... — начал было Тод, но тут же задохнулся.

— Если не будешь болтать, — бросила Мойра через плечо, — то побежишь быстрее.

На краю джунглей какая-то тень отделилась от зарослей и спросила:

— Он с тобой?

— Да, Карл.

Тень превратилась в Карла. Он встал позади Тода, и тот понял, что Карл не хочет быть впереди, потому что собрался подгонять его. Он оглянулся на массивную фигуру Карла, затем опустил голову и трусцой побежал, куда его вели.

Они пробежали вдоль небольшого ручья, перебрались по упавшему дереву на другой берег и поднялись по склону. Тод уже начал думать над тем, что можно предложить этим решительным людям, чтобы они позволили ему остановится и чуть-чуть отдохнуть, как Мойра остановилась. Тод уткнулся ей в спину. Она поймала его за руку и не дала упасть.

– Там, – сказала она, ткнул вперед рукой.
– Пальчиковое дерево, – пожал плечами Тод.
– Ты ведь знаешь, как проникнуть внутрь, – проворчал Карл.
– Она просила меня ничего тебе не говорить, – сказала Мойра. – Я считаю, что она не права.

– Кто? Чего?..

– Внутри, – сказал Карл и пихнул его вперед.

Тод инстинктивно обогнул вентиляционные ветки-пальцы, которые колебались и трепетали, поднырнул под ними, ударил подобранный палкой по внутренней стороне фаланг и очутился на свободном месте внутри. Там он остановился, задохнувшись.

Кто-то застонал.

Тод нагнулся и осторожно пошарил в темноте, коснулся чего-то гладкого и живого, отдернул руку, дотронулся снова. Это была чья-то нога.

Кто-то внезапно заплакал, глухо, словно зажимал себе ладонями рот.

– Эйприл!

– Я их просила не... – простонала она.

– Эйприл, что ты делаешь... что происходит?

– Ты не должен... сердится... – сказала она, некоторое время плакала, затем продолжала: – Оно не живое...

– Что не живое... Ты имеешь в виду... Эйприл, ты...

– Оно не превратиться в солитера, – прошептала она.

– Кто... – Тод упал на колени, нашарил руками ее лицо. – О чем ты, Эйприл...

– Я собиралась сказать тебе в тот день, в тот самый день, когда ты пришел такой сердитый из-за того, что наговорил тебе Тигви, а я-то думала, что ты... обрадуешься.

– Эйприл, почему ты не вернулась? Если бы я знал...

– Ты *сказал* мне, что сделаешь, если я когда-либо... Если у тебя когда-нибудь появится еще один... Ты имел в виду его, Тод.

– Это... все это проклятое место, Виридис, – печально сказал Тод. – Я сошел с ума.

Он почувствовал на щеке ее мокрую руку.

– Все в порядке. Я просто не хотела сделать тебе еще хуже, – ответила Эйприл.

– Я вытащу тебя...

– Нет, ты не сможешь. Я... от меня уже мало чего осталось... просто побудь со мной немножко.

– Мойра должна была...

– Она просто нашла меня, – сказала Эйприл. – Я была одна и... наверное, я плакала. Я не звала ее. Тод... не спорь. Не надо. Все будет в порядке.

Припав к ней, он повторил сквозь рыдания:

— Все будет в порядке!

— Когда ты остаешься один, — сказала она слабым голосом, — то размышляешь, и это у тебя получается хорошо. Когда-нибудь ты придумаешь...

— Эйприл! — закричал он, сам страдая при звуках ее слабого, полного боли голоса.

— Тише, тише, лучше слушай, — быстро сказала она. — Ты же знаешь, Тод, что у меня нет времени. Тод, ты когда-нибудь думал о всех нас: о Тигви и Альме, Мойре и Карле, о нас с тобой? Кто мы и что мы?

— Я знаю, кто я.

— Тише... Все вместе мы — отец и мать, слово и щит, скептик и мистик...

Голос ее затих, она закашляла, и Тод почувствовал, как ее тело сотрясают спазматические волны боли. Какое-то время она тяжело дышала, затем стала поспешно продолжать:

— Гнев и предубеждение и глупость, храбрость, смех, любовь, музыка... все это было на борту нашего корабля и все это... есть здесь, на Вирдисе. Наши дети — неважно, на что они похожи, Тод, неважно, как они живут и что едят, — в них есть все это. Человечество это не манера ходить и не просто цвет кожи. Это — все, что есть в нас, и все, что дали мы Солу. Это то, что в нас нашли золотистые и что нужно Виридису. Ты поймешь... Когда-нибудь ты поймешь.

— Почему Виридису?

— Из-за того, что сказал Тигви... Что сказал ты. — Она дышала с трудом. — Основы биологии... онтогенез следует за филогенезом. Человеческий зародыш — клетка, простейшее, земноводное — вся цепочка предков. Все это есть в нас, а Виридис заставляет нас развиваться в обратном направлении.

— До каких пределов?

— Грибы. Споры. Мы станем спорами, Тод. Все вместе... Альма сказала, что умрет и будет вместе с Тигви! Вот почему я сказала... что все будет в порядке. Не важно, что произошло. Мы живем в Соле, живем в Эмеральд вместе с Карлом и Мойрой, ты понимаешь? И мы все ближе друг к другу.

Тод твердо держался, стараясь не утратить рассудок.

— Но назад к спорам — зачем? И что потом?

Эйприл вздохнула. Это был бесспорно счастливый вздох.

— Потом они вернутся для жатвы, и у них будем мы, Тод, и все, чему они поклоняются: совершенство и великолдушие, и стремление созидать, милосердие и доброта... Все это необходимо, — шептала она. — Споры порождают грибы, а грибы — все иные существа, а потом издалека призывают существа. Чтобы разводить нас — нас, Тод! В любой доминирующей форме. И мы будем продолжать

жить – записи старого понимания новых идей... подталкивать руку живописца, что сделает его Рембрандтом, давать чувства, что превращают пианиста в Баха... Три миллиарда дополнительных лет развития и готовность помогать всюду, где требуется помочь. На всех планетах земного типа, Тод, нас миллионы, летящие в летнем ветерке в ожидании дать...

– Дать? Что может дать сейчас Тигви, старый, сердитый и умирающий?

– Не Тигви. Этот Тигви умрет. Но Тигви живет вместе с Альмой в их детях... она же сказала, что они будут вместе!

– А я... как быть со мной? – тяжело дыша, спросил Тод. – То, что я сделал тебе...

– Да ничего ты не сделал. Ты уже живешь в Соле и Эмеральд. Живой, в полном сознании... рядом со мной...

– Ты хочешь сказать... – пробормотал Тод, – что могла бы говорить со мной из Сола?

– Я думаю, что могла бы.

Он наклонился так близко к ней, что почувствовал ее улыбку.

– Но не думаю, что стала бы, – продолжала Эйприл. – Я живу там так близко к тебе, что зачем мне разговаривать с кем-то посторонним?

Дыхание ее стало реже, и внезапно Тод испугался.

– Эйприл, не умриай.

– Я не умру, – ответила Эйприл. – Ведь Альма не умерла.

Она нежно поцеловала его и умерла.

Была длинная ночь, когда Тод, не помня себя, ломился через джунгли, ел что-то, не ощущая вкуса и голода. Затем тянулись сумерки, долгие, многомесячные, но тем не менее, мягкие, успокаивающие и обещающие, что скоро они закончатся. Затем снова был поселок, словно мертвое воспоминание, и узнавать его было немного легче, чем нечто совершенно новое. Карл и Мойра были добры, понимая природу справедливости и пределы наказания, и, наконец, Тод снова ожил.

Однажды он оказался у реки, глядя на воду, занимаясь воспоминаниями, уже не боясь собственных мыслей и чувствуя нарастающее в нем удивление. Мысли его так долго были сосредоточены на том зле, что он сотворил, что трудно было найти новые пути. Прилагая немалые усилия, Тод заставлял себя размышлять о том, какие же существа могли поклоняться людям, и какими должны быть существа, чтобы люди поклонялись им столь же искренне. Все это были совершенно новые понятия, и Тод полностью погрузился в них, так что, когда из высокой травы выскользнула Эмеральд и остановилась, глядя на него, он испугался и вскрикнул.

Эсмеральд не шевельнулась. Теперь на Виридисе мало чего нужно было бояться. Все большие рептилии ушли, освободив место для людей, гуманоидов, приматов – и их детей. Тогда буквально потряс собственный старый, пробужденный рефлекс. Он уставился на Эсмеральд, на ее коренастое, почти квадратное тело, сплошь покрытое серебристыми волосами, за исключением ладоней и подошв ног.

– Обезьяна! – выплюнул он это слово с интонациями Тигви и вновь испытал потрясение позора. Потом он заглянул ей в глаза, глубокие светящиеся рубиновым глаза Эйприл, и они без страха взглянули на него в ответ.

И он позволил точки зрения Эйприл вырасти и заполнить собой весь мир. Помогли красные глаза внучки. (было так мало, слишком мало красного на Виридисе). И он вспомнил Эйприл в космопорту, как они сидели в тени склада, а над их головами горело и переливалось звездами ночное небо. *Мы скоро полетим туда, Тод, очень скоро. Обними же меня, обними крепче. А-а...* Что он ответил. *Кому нужен этот корабль?*

И была еще одна Эйприл, сидящая в лунном свете и пищущая... Ее волосы, лунный свет, отражающийся от ее щеки. Затем она заметила его, повернулась, вскочила и задушила его слова поцелуем... И еще одна Эйприл, пытающаяся улыбнуться, и спящая Эйприл, и даже Эйприл рыдающая, потому что не могла найти нужное слово... Тод вспоминал, какой она была, и она жила в его воспоминаниях, а потом он понял, что она живет здесь и сейчас, в этой молчаливой девочке с серьезными красными глазами, стоящей перед ним, и сказал:

– Ну, что, драгоценная?

Девочка, не спуская с него глаз, медленно подняла свои покрытые шерсткой руки, сложила их в чашу, немного приоткрыла ее и заглянула внутрь, потом тут же закрыла чашу, чтобы сохранить покоящееся в ней сокровище, и прижала ее к груди. Потом она поглядела на него, и глаза ее были полны слез, а губы улыбались.

Тод схватил внучку и обнял нежно и строго. Обезьяна?

– Эйприл, – выдохнул он. – Обезьянка. Обезьянка.

Виридис – молодая планета, на которой живут старые (на первый взгляд) формы жизни. Потом они уходят, и планета катится вокруг своего солнца в одиночестве, но после возвращаются, вскоре – по астрономическим меркам.

Джунгли почти те же, море, саванна. Но вот жизнь...

Теперь Виридис заполняют приматы. Среди них есть травоядные с тупыми зубами и подвижные обитатели деревьев, планирующие существа и зарывающиеся в землю. Рыбоеды адаптировались так же, как адаптируется любая жизнь на Виридисе, либо стано-

вясь подходящей для окружающей среды, либо исчезая. Морские обезьяны уже потеряли шерсть на теле, но обрели жабры. Крошечные существа на равных конкурировали с насекомыми.

На берегах блуждающих рек шлепают яйцекладущие с отставленными большими пальцами ног, а по ночам выползают из укрытий ленивцы и лемуры. Сначала все они жили вместе, но вскоре стали слишком многочисленными, а через полдесятка поколений совершенно утратили речь, которая перестала быть им необходимой. Приматам на Виридисе было хорошо жить, а с каждым поколением становилось все лучше.

Поиски еды и размножение заполняли все дни и неблагозвучные ночи. Вначале было тяжело смотреть, как ваш друг постепенно становится все ниже ростом, а тоненькая серебристая фигурка уходит жить в воду, зная, что вместе с ней уходит часть ваших собратьев, часть ваших сородичей и даже частично вы сами. Но сотни стали тысячами, а тысячи миллионами, и вид смерти стал столь же обыденным делом, как наблюдение, как ваша подружка утрачивает во-лосяной покров тела. Основные идентификаторы вида распространялись, изменяясь и мутируя, среди населения, подобно пятнам, пересекающимся и вновь расходящимся в каждом новом поколении, и, по мере смены поколений, существа стали есть друг друга и оказываться съеденными.

А потом на саванне появилось облако и нависло над развалинами поселения. Это облако переливалось всеми цветами и не имело никакой определенной формы.

От него отделилось золотистое пятнышко, которое, все увеличиваясь, стало спускаться вниз, а потом накрыло все небо, оказалось несметным количеством золотистых. Некоторые из них спустились к поселению, и принялись осторожно его разбирать. Другие полетели над всей планетой, над зеленым морем джунглей, беспрепятственно проникая в непроходимые заросли, над берегами рек и погружаясь в полуумрак глубинных вод. И везде, где они пролетали, они находили алые грибы и забирали у них споры, являвшиеся квинтэссенцией того, что было когда-то представителями очень высокой культуры рептилий.

Приматы бежали и прыгали, порхали и ползли по джунглям, чтобы взглянуть на золотистых.

Стая обезьяноподобных свисали с лиан и скакали по чаще, неудержанно стремясь вперед, словно притягиваемые каким-то магнитом к холму, над которым висело облако.

А от разноцветного облака спустилась вниз масса золотистых существ, несущих огромный обтекаемый корабль. Корабль повис над землей, и они принялись разбирать его на блоки, а потом устанавливать блоки на холме и соединять их в единое поселение. Потом помещение начали заполняться припасами и вещами – массой

нужных предметов. Новое поселение было гораздо больше предыдущего.

Все было сделано быстро, и золотистое облако повисло в ожидании.

Джунгли замерли.

В одном строении открылась изогнутая панель, и оттуда появилась целая процесия величественных созданий, длинноголовых, ясноглазых, трехносых, богато украшенных перьями и плюмажами. Они распахнули и проверили свои великолепные крылья, затем замерли, присели и взглянули вверх.

И золотистые одарили их жестом почтения, а потом образовали в небе прекрасную фигуру, символ, который вращался и уходил вниз лишь для того, чтобы, вращаясь, снова поняться ввысь. Символ того, у чего нет ни начала, ни конца, знак тех, чья вера и деятельность должны сделать Вселенную достойной самой себя.

Затем они улетели обратно в облако, а облако растворилось в небе, и джунгли взорвались предсмертными криками поедаемых существ и рычанием поedaющих, и существа с разукрашенными плюмажами убежали свое новое поселение и закрыли двери...

И снова на зеленую планету (когда пришло время) прибыл корабль-облако и нашел там мир полный птиц, и птицы со страхом глядели, как золотистые собирают свою волшебную пыльцу и создают новое поселение. На этот раз они оставили в поселении четырех особей своего вида, которые должны были постепенно превратить Виридис в прекраснейшее место во Вселенной.

От Виридиса корабль-облако отправился блуждать по галактикам в поисках миров, достойных того, чтобы стать поистине гуманными и человечными, независимо от того, кто там обитал. А оставшиеся избранные, несущие в себе нечто новое, постепенно превратились в пыльцу Виридиса, и потом эта пыльца будетозвращена Вселенной...

(Thrilling Wonder Stories, 1954, Summer)

СОДЕРЖАНИЕ

НЕТ НИКАКОЙ ЗАЩИТЫ, повесть	5
There Is No Defense, (Astounding Science Fiction, 1948 № 2)	
ЗВЕЗДЫ ЭТО СТИКС	51
The Stars Are the Styx, (Galaxy Science Fiction, 1950 № 10)	
ТЕНЬ, ТЕНЬ НА СТЕНЕ.....	91
Shadow, Shadow, on the Wall ... (Imagination, February 1951)	
ИНКУБЫ ИЗ ПАРАЛЛЕЛИ Х. Повесть.....	101
The Incubi of Parallel X, (Planet Stories, 1951 № 9)	
ЗОЛОТАЯ СПИРАЛЬ	149
The Golden Helix (Thrilling Wonder Stories, 1954, Summer)	

Читайте в
следующем томе:

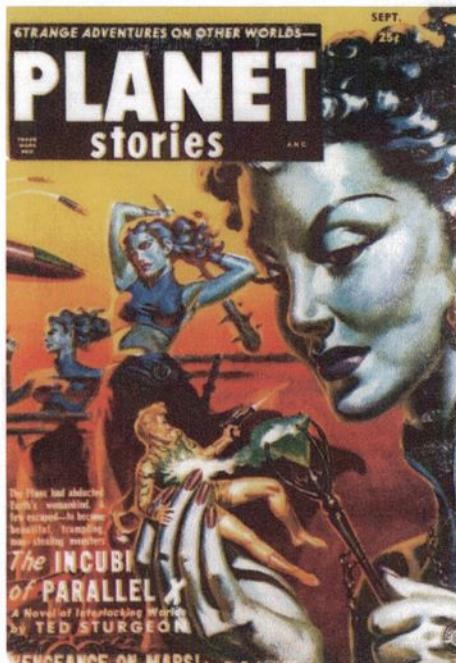
АРНОЛЬД ФРЕДЕРИК КАММЕР-младший

«КОРАБЛЬ ИЗ АДА»

(Том 2.)

Библиотека англо-американской классической фантастики

ТЕОДОР СТАРДЖОН

том 2

Нет никакой защиты